

Свт. Иоанн Златоуст

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Двенадцать слов под заглавием „против Аномеев" направлены против чистых ариан, которые не признавали Сына Божия И. Христа не только единосущным Богу-Отцу, но и подобным Ему по существу, и между прочим приписывали себе знание самого существа Божия. Не прекращавшееся во времена св. Иоанна Златоустого лжеучение этих еретиков, которых нарицательное название (ανομοιοι) тогда обратилось в собственное имя, подало повод святителю составить против них слова о „непостижимом" существе Божиим и „единосущии" Сына Божия с Богом-Отцем и произнести первые десять слов в Антиохии в 386 и 387 годах не непрерывно, но с некоторыми промежутками времени, а последние в Константинополе в 398 году. Каждое из этих слов в подлиннике имеет более подробное заглавие, соответствующее его содержанию. Так, полное заглавие 1-го слова следующее: „о непостижимом, в отсутствии епископа, против Аномеев".

СЛОВО ПЕРВОЕ.

ЧТО ЭТО? Пастырь отсутствует [1], а овцы стоят весьма благочинно. И в этом заслуга пастыря, что пасомые не только в присутствии его, но и в отсутствии показывают полное усердие. С бессловесными животными бывает так: когда нет человека, выгоняющего овец на пастбище, они по необходимости остаются в загонах, или, если вырвутся из загона без пастуха, долго блуждают; здесь же не случилось ничего такого, но и в отсутствии пастыря вы стеклись на обычные пастбища с великим благочинием; или, лучше сказать, и пастырь здесь присутствует, если не телом, то произволением, если не присутствием телесным, то благочинием паствы. Поэтому особенно я удивляюсь и ублажаю его, что он мог внушить вам такую ревность. И военачальнику мы в особенности удивляемся тогда, когда даже в его отсутствии войско соблюдает порядок. Этого и Павел требовал от учеников: *тем же*, говорит он, *возлюбленным моим, якоже всегда послушасте мене, не якоже в пришествии моем точию, но много паче во отшествии моем* (Филип. II, 12). Почему: *много паче во отшествии моем*? Потому, что в присутствии пастыря, хотя бы и пришел к стаду волк, он легко прогоняется от овец; когда же пастырь отсутствует, пасомые по необходимости бывают в большем беспокойстве, так как никто не защищает их. Притом, если пастырь присутствует, он разделяет с пасомыми награды за усердие, а не присутствуя он дает возможность ясно обнаружиться собственной их заслуге. Это говорит и учитель наш, сказавший вам, что, где бы он ни находился, он представляет себе и нынешнее ваше собрание и взирает не столько на тех, которые теперь находятся и присутствуют при нем, сколько на вас отсутствующих. Я знаю его любовь кипящую, пламенеющую, горячую и непреодолимую, которую он укоренил в самой глубине души и хранит с великим усердием. Он совершенно знает, что любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ, и что без нее все прочее не приносит нам никакой пользы; она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божиих, признак апостолов. *О сем разумеют вси*, говорит (И. Христос), *яко Мои ученицы есте* (Иоан. XIII, 35). Что же, скажи мне, значит - *о сем*? О воскрешении ли мертвых, или очищении прокаженных, или изгнании бесов? Нет, говорит Он; и умалчивая о всем этом, присовокупляет: *о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*. Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека

доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственных его трудов. Потому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелою, всесовершенною и полною добродетелию; равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства.

2. Что может сравниться с тою, которая заключает в себе пророков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение тайн, ни самое мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? *Аще предам тело мое*, говорит апостол, *во еже сжещи е, любве же не имам, никакая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). И еще в другом месте объясняя, что любовь больше всего и есть глава всех благ, он сказал: *аще же пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится, пребывают вера, надежда, любви, три сия: больши же сих любви* (1 Кор. XIII, 8,13). Впрочем речь о любви привела нас к немаловажному вопросу. Что *пророчества упразднятся и языцы умолкнут*, это не тяжело; потому что эти дарования принесли нам в свое время пользу и прекратившись не могут нисколько повредить учению; так, например, теперь нет ни пророчества, ни дара языков, и однако учение благочестия не встречает никакого препятствия; а что и знание прекратится, это требует исследования. Сказав: *аще пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут*, апостол присовокупил: *аще разум испразднится*. Если же прекратится знание, то дело будет клониться у нас не к лучшему, а к худшему; потому что без знания мы совершенно перестанем быть людьми: *Бога бойся*, говорит (премудрый), *и заповеди Его храни, яко сие всяк человек* (Еккл. XII, 13). Если быть человеком значит бояться Бога, а страх Божий происходит от знания, знание же *испразднится*, как говорит Павел, то мы, когда не будет знания, совершенно погибнем, все у нас исчезнет, и мы будем нисколько не лучше бессловесных, но еще гораздо хуже; потому что мы превосходим их разумом, а во всем прочем телесном много уступаем им. Итак что значит и о чем говорит Павел в словах: *разум испразднится*? Не о всецелом знании, а о части знания он говорит это, называя упразднением переход к лучшему, так что частное, по его упразднении, будет уже не частным, а совершенным. Как возраст дитяти упраздняется не уничтожением его существования, но возрастанием и переходом его в возраст совершенного мужа, так бывает и с знанием. Это малое, говорит он, уже не будет малым, когда сделается впоследствии великим; вот что значит: *испразднится*, это яснее нам он выразил в следующих словах. Чтобы кто-нибудь, услышав об упразднении, не подумал, что оно есть совершенное уничтожение, но знал, что это только некоторое возрастание и переход к лучшему, он сказал: *испразднится*, присовокупил: *от части бо разумеваем, и от части пророчествуем: егда же придет совершенное, тогда еже от части упразднится* (1 Кор. XIII, 9, 10), так что знание будет уже не отчасти, но совершенным. Несовершенство его упразднится тем, что оно будет уже не несовершенным, а совершенным. Таким образом это упразднение есть восполнение и переход к лучшему.

3. И посмотри на мудрость Павла; он не сказал: часть мы разумеваем, но: *от части разумеваем*, выражая, что мы обладаем частию части. Может быть, вы желаете слышать, какую часть мы обладаем и какой нам недостает, и большею ли мы обладаем, или меньшею? Чтобы ты знал, что обладаешь меньшею частию, и не просто меньшею, но, можно сказать, сотою или тысячною, выслушай следующее. Впрочем, прежде прочтения вам апостольского изречения, я приведу пример, который, сколько возможно для примера, может показать вам, какой части недостает нам и какую мы ныне обладаем. Какое же различие между знанием, которое будет дано нам, и настоящим. Такое различие, какое между мужем совершенным и грудным младенцем; так велико превосходство будущего

знания в сравнении с настоящим. А что это истинно, и что первое действительно настолько выше последнего, об этом пусть опять скажет сам Павел. Сказав: *от части понимаем*, и желая показать, от какой части и что мы именно обладаем ныне малейшею частью, он присовокупил: *егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях: егда же бых муж, отвергох младенческая* (Кор. XIII, 11), причем сравнил настоящее знание с состоянием младенца, а будущее знание с состоянием совершенного мужа. И не сказал: когда я был отроком, - ибо отроком называется и двенадцатилетний, - но: *егда бех младенец*, представляя нам младенца грудного, еще питающегося молоком и сосущего грудь. А что Писание такого именно называет младенцем, послушай слова псалма: *Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятя великолепие Твое превыше небес: из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (Псал. VIII, 1. 2). Видишь ли, что младенцем везде (Писание) называет грудное дитя? Потом, приводя духом бесстыдство будущих людей, апостол не удовольствовался одним только этим примером, но и вторым и третьим подтвердил нам тоже. Как Моисей, посылаемый к иудеям, получил в удостоверение три знамения, дабы, если они не поверят первому, послушались голоса второго, а если пренебрегут и этим, то устыдились бы третьего и приняли пророка (Исх, гл. IV), так и Павел приводит три примера: один - младенца, когда говорит: *егда бех младенец, яко младенец мудрствовах*; второй - зеркала, и третий - гадания. Сказав: *егда бех младенец*, он присовокупил: *видим ныне зеркалом в гадании* (1 Кор. XIII, 12). Вот второй пример нынешней нашей немощи и того, что наше знание несовершенно; третий еще: *в гадании*. И младенец видит, слышит и говорит многое, но ясно ничего не видит, не слышит и не говорит; он и мыслит, но ни о чем не мыслит отдельно; так и я, хотя знаю многое, но не разумею способа существования предметов. Я знаю, что Бог существует везде, и то знаю, что Он везде существует всецело; но каким образом, этого не знаю; знаю, что Он безначален, нерожден, вечен; но как, этого не знаю, потому что ум не может постигнуть, как может быть существо, не имеющее начала бытия своего ни от себя самого, ни от другого. Я знаю, что Он родил Сына, но как, этого не разумею; знаю, что Дух из Него; но как из Него, этого не постигаю; я вкушаю яства, но как они обращаются в мокроту, в кровь, в соки, в желчь, не знаю. Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем; как же мы хотим исследовать существо Божие?

4. Итак где те, которые говорят, что они получили все знание, а между тем впали в бездну неведения? Ибо они, утверждая, что постигли все в настоящее время, в будущем лишают себя всецелого знания. Когда я говорю, что знаю только отчасти, и затем утверждаю, что это знание упразднится, то я ожидаю лучшего и совершеннейшего, так как частное упразднится и наступит совершеннейшее; а тот, кто говорит, что он обладает полным, всецелым и совершенным знанием, и потом признает, что оно в будущем упразднится, объявляет себя лишенным знания, так как это знание упразднится, а другое совершеннейшее не наступит, если настоящее, по их мнению, есть совершенное. Видите ли, как они, усиливаясь здесь иметь все, и здешнего не имеют, и там лишают себя всего? Таково зло - не оставаться в пределах, которые от начала назначил нам Бог! Так и Адам, в надежде на большую честь, лишился и той, какая была; так бывает и с сребролюбцами: многие, желая большего, часто теряют и настоящее; так и эти люди, надеясь здесь иметь все, лишились и части. Посему увещаваю избегать их безумия; ибо крайнее безумие - присвоить себе знание того, что есть Бог по существу. А дабы убедиться, что это крайне безумно, я объясню вам это из пророков. Пророки, как видно, не только не знали, что есть Бог по существу, но и о премудрости Его недоумевали, как она велика, хотя не существо зависит от премудрости, а премудрость от существа. Если же пророки не могли постигнуть с точностию даже этого (свойства Божия), то как безумно было бы думать, что собственными суждениями можно определить самое существо Божие? Итак слушаем, что говорит пророк о премудрости Божией: *удивися разум Твой от мене* (Псал. CXXXVIII,

б). Впрочем начнем речь с другого места: *исповемя Тебе, яко страшно удивился еси* (ст. 14). Что значит: *страшно*? Многому мы удивляемся теперь, но не со страхом; например - красоте колонн, произведениям живописи, цветам тел; удивляемся и величию моря, также и неизмеримой бездне, но со страхом тогда, когда в эту бездну будем погружаться. Так и пророк, углубившись в беспредельное и неизмеримое море премудрости Божией, изумился и в удивлении с великим страхом отступил, взывая так: *исповемя Тебе, яко страшно удивился еси: чудна дела Твоя*; и еще: *удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему* (Псал. СXXXVIII, 14, 6). Посмотри на признательность раба: благодарю Тебя, говорит он, за то, что я имею непостижимого Владыку; говорит здесь не о существовании Его; - это он оставляет, как уже признанное непостижимым; - но говорит здесь о вездесущности Божиим, выражая, что он не знает и того, как Бог везде присутствует. А что он именно об этом говорит, послушай следующее: *аще възиду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси* (ст. 8). Видишь ли, как Бог везде присутствует? И однако пророк не знает, но изумляется, недоумевает и ужасается при одной только мысли об этом. Итак не крайне ли безумны те, которые, будучи столь далеки от благодати пророка, усиливаются постигнуть самое существо Божие? Тот же пророк говорит: *безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси* (Псал. L, 8); и однако, познав безвестное и тайное премудрости Его, о ней самой он говорит, что она беспредельна и непостижима. *Велий Господь*, говорит он, *и велия крепость Его, и разума Его нет числа*, т. е. нет возможности постигнуть его (Псал. CXLVI, 5). Что же ты говоришь? Для пророка премудрость (Божия) непостижима, а для нас постижимо и существо Его? Не явное ли это безумие? Величие Его не имеет предела, а ты ограничиваешь существо Его?

5. Размышляя об этом, и Исаия сказал: *род Его кто исповесть* (Иса. LIII, 8)? Не сказал: кто исповедает, но: *кто исповесть*, устранив возможность этого и в будущем. Давид говорит: *удивися разум Твой от мене* (Пс. СXXXVIII, 6); а Исаия говорит, что не ему только, но и всему человеческому роду недоступно это исповедание. Впрочем посмотрим, не знал ли этого Павел, так как ему дана была большая благодать; но он сам говорит: *от части разумеваем, и от части пророчествуем* (1 Кор. XIII, 9), - и не только здесь, но и в другом месте, где рассуждает не о существовании (Божием), но о премудрости, видимой в промышленности, и притом исследует не всецелую премудрость Божию, по которой Он промышленяет об ангелах, архангелах и вышних силах, а только ту часть промысла (Божия), по которой Он промышленяет о людях на земле, и даже только часть этого промысла. Он исследует не всю премудрость, по которой Бог совершает восход солнца, по которой вдыхает души, по которой образует тела, по которой питает людей на земле, по которой содержит мир, по которой дает ежегодную пищу; но, оставив все это и наследуя некоторую малую часть промысла Божия, по которой Он отверг иудеев и принял язычников, и при взгляде на эту самую малую часть, как на беспредельное море, он изумился и, увидев неизмеримую бездну, тотчас отступил и громко воскликнул: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко неиспытани судове Его* (Римл. XI, 33): не сказал: непостижимы, но: *неиспытани*; если же невозможно испытать их, то тем более невозможно постигнуть. *И неисследовани путиЕго*. Скажи мне, если пути Его неисследимы, неужели сам Он постижим? Но что я говорю о путях? Даже ожидающие нас награды непостижимы; ибо *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не възидоша, яже уготова Бог, любящим Его* (1 Кор. II, 9). И дар Его невыразим: *благодарение же Богови*, говорит апостол, *о исповедимом Его даре* (2 Кор. IX, 15). *И мир Его превосходит всяк ум* (Филип. IV, 7). Что же ты говоришь? Судьбы Его непостижимы, пути Его неисследимы, мир превосходит всякий ум, дар невыразим, уготованное Богом любящим Его не приходило на сердце человеку, величие не имеет предела, разум без числа, все непостижимо, а сам Он постижим? Не крайняя ли это степень безумия? Удержи еретика; не позволяй ему удалиться; спроси, что говорит Павел в словах: *от части разумеваем*? Может быть, он скажет, что Павел говорит здесь не о существовании (Божием), а о

делах домостроительства. Тем лучше, если у него была речь и о делах домостроительства, то еще больше наша победа; ибо, если дела домостроительства Божия непостижимы, то гораздо больше - Он сам. А что здесь апостол говорит не о делах домостроительства, но о самом Боге, выслушай следующее. Сказав: *от части разумеваем, и от части, пророчествуем*, он присовокупил: *ныне разумею от части тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. XIII, 9, 12). От кого же он познан был: от Бога, или от дел домостроительства? Очевидно, от Бога; следовательно, Его он и *разумеет от части*. *От части*, сказал он не в том смысле, будто одну часть Его существа он знает, а другой не знает (Бог - существо простое), но он знает, что Бог существует, а того, что Он есть по существу, не знает; знает, что Он премудр, а насколько премудр, не знает; не незнает, что Он велик, а насколько велик, или каково величие его, этого не знает; знает, что Он везде присутствует, а как это, не знает; не незнает, что Он промышленяет, содержит все и сохраняет в целости, но каким образом Он делает это, не знает. Посему он и сказал: *от части разумеваем и от части пророчествуем*.

6. Но, если угодно, оставим Павла и пророков и взойдем на небеса, нет ли там когонибудь знающего, что есть Бог по существу. Конечно, хотя бы там и нашлись знающие, у них нет ничего общего с нами; ибо велико различие между ангелами и людьми; однако, чтобы ты сильнее убедился, что и там ни одна созданная сила не знает этого, послушаем ангелов. Что же? О существе ли Божиим они беседуют там и вопрошают друг друга? Нет, но что? Они прославляют, поклоняются, непрестанно с великим трепетом воссылают хвалебные и таинственные песнопения; и одни говорят: *слава в вышних Богу* (Лук. II, 14); серафимы взывают: *свят, свят, свят* (Иса. VI, 3), и отвращают очи свои, не имея сил сносить даже снисхождения Божия; а херувимы восклицают: *благословена слава Господня от места Его* (Иезек. III, 12), не потому, чтобы было место у Бога, - да не будет, - но как мы сказали бы, выражаясь по-человечески: где бы Он ни был, или как бы Он ни был, - если только и это безопасно сказать о Боге, так как наш язык - человеческий. Видишь ли, какой страх вверху, и какое пренебрежение внизу? Те прославляют, а эти исследуют; те славословят, а эти испытывают; те закрывают лица, а эти усиливаются бесстыдно взирать на неизреченную славу. Кто не будет воздыхать, кто не будет оплакивать их бессмысленность и такое крайнее безумие? Я желал бы еще продолжить речь, но так как я теперь в первый раз вступил в эти состязания, то, думаю, для вас полезно будет пока удовольствоваться сказанным, чтобы множество предметов, о которых будет сказано, сменяясь с великою стремительностию, не изгладило и этого из памяти; но непременно, если Бог допустит, мы еще много будем заниматься этим предметом. Я давно питал желание вести с вами речь об этом, но медлил и отлагал, видя, что многие из зараженных этою болезнию с удовольствием слушают нас; не желая отгонять добычу, я до сих пор удерживал язык от этих состязаний, чтобы, сильнее привлеки их, потом и выступить на борьбу; а так как, по благодати Божией, они сами, как я слышал, приглашают и вызывают меня на эти состязания, то я уже смело выступил на борьбу и взял *оружия*, помышления *низлагающе и всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. X, 4, 5). Впрочем я взял это оружие не для того, чтобы низложить противников, но чтобы восстановить лежащих; сила этого оружия такова, что любящих споры оно может поражать, а благонамеренных слушателей исцелять с великим успехом; оно не наносит ран, но исцеляет раны.

7. Итак не будем сердиться и гневно относиться к ним, но будем кротко беседовать с ними; ибо нет ничего сильнее скромности и кротости. Посему и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: *рабу же Господню не подобает свариться, но тиху быти ко всем* (2 Тим. II, 24); не сказал: к братьям только, но: *ко всем*. И еще: *кротость ваша разумна да будет*, - не сказал: братьям, но - *всем человеком* (Филип. IV, 5). Ибо что пользы, говорит (Господь), *аще любите любящих вас* (Матф. V, 46)? Если дружба с кем-

нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то, хотя бы то были родители, удались от них; хотя бы то был глаз, исторгни его. *Аще*, говорит Господь, *око твое десное соблазняет тя, изми е* (Матф. V, 29); Он говорит не о теле: как это может быть? Если бы Он говорил о телесной природе, то вина падала бы на Создателя природы; притом надобно было бы исторгнуть не один глаз; потому что, если останется левый, то он также может соблазнять владеющего им. Но чтобы ты знал, что здесь речь не о глазе, Господь прибавил: *десное*, указывая на то, что хотя бы кто был для тебя так дорог, как правый глаз, вырви его и расторгни свою дружбу с ним, если он соблазняет тебя. Что пользы иметь глаз, если погибнет целое тело? Итак, если дружба, как я сказал, причиняет вред, то будем избегать ее и удаляться; а если она несколько не вредит нашему благочестию, то будем привлекать и привязывать к себе друзей; если же сам ты не приносишь пользы другу, а от него получаешь вред, то предпочитай оставаться невредимым в разлуке с ним, и избегай дружеских связей, если они вредят, - только избегай, а не ссорься и не враждуй. Так увещевает и Павел следующими словами: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Римл. XII, 18). Ты - раб Бога мира; Он, изгонявший бесов и совершавший множество добрых дел, когда называли Его беснующимся, не ниспослал молнии, не поразил поносителей, не сжег языка столь бесстыдного и неблагодарного, хотя мог сделать все это, а только отклонил укоризну, сказав: *Аз беса не имам, но чту пославшего Мя* (Иоан. VIII, 49). А когда раб первосвященника ударил Его, что сказал Он? *Аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеши* (Иоан. XVIII, 23)? Если же владыка ангелов отвечает и оправдывается пред рабом, то нет нужды говорить более. Храни только эти слова в уме, часто повторяй их и говори: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеши?* Представляй себе, Кто говорит это, кому говорит и почему, и будут для тебя эти слова некоторым божественным и непрестанным припевом, который в состоянии будет утишить всякое раздражение; представляй достоинство Оскорбленного, ничтожество оскорбившего, чрезмерность оскорбления. Раб не только поносил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смиренномудрию. Об этом не только будем рассуждать теперь, но вспомним и тогда, когда придет время. Вы похвалили сказанное, но выразите мне эту похвалу делами. Ратоборец упражняется в своей школе для того, чтобы при ратоборстве показать пользу этих упражнений; так и ты, когда разгневаешься, покажи пользу здешнего слушания, и непрестанно повторяй эти слова: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что мя биеши?* Начертайте это в своем уме; для того я непрестанно и повторяю вам эти слова, чтобы все сказанное внедрилось в вашей душе, чтобы осталось неизгладимым в вашей памяти, и от этого памятования была польза. Если мы будем иметь эти слова ясно начертанными в нашем уме, то никто не будет столь каменным, непризнательным и бесчувственным, чтобы когда-нибудь увлечься гневом; эти слова, лучше всякой узды и всяких удил, могут удержать наш язык, выходящий из пределов умеренности и благопристойности, успокоить возбужденный ум, расположить к постоянной скромности и водворить в нас полный мир, которым да сподобимся мы наслаждаться всегда, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] Епископ антиохийский Флавиан

В заглавии этого слова сказано: (св. Иоанна Златоустого) за много дней прежде говорившего против аномеев, потом против иудеев, потом не говорившего по причине

присутствия епископов и совершавшихся воспоминаний о многих мучениках, теперь опять (слово) против аномеев, о непостижимом.

СЛОВО ВТОРОЕ.

ВЫСТУПИМ опять против неверных аномеев; если они негодуют, получая название неверных, то пусть они избегают самого дела, и я не буду употреблять этого названия; пусть они оставят неверные мысли, и я оставлю оскорбительное название. Если же они, бесчестя веру делами и подвергая себя посрамлению, не стыдятся; то почему негодуют на меня, укоряющего их словами в том, что они сами показывают делами? Когда я недавно, как вы помните, начал рассуждения о них и даже вступил в борьбу с ними, тотчас заняли меня состязания с иудеями, ибо не безопасно было оставить без внимания собственные заболевшие члены. Для рассуждений против аномеев всегда есть время; а тогда, если бы я предварительно и скоро не спас от иудейского пожара больных наших братий, зараженных иудейскими мнениями, не последовало бы никакой пользы от нашего увещания, так как у них распространялся грех касательно поста. После же состязаний с иудеями меня опять заняло прибытие многих духовных отцов, собравшихся сюда от многих мест, и мне неблагоприятно было продолжать свои рассуждения, когда все они стеклись как бы реки в это духовное море; а по отбытии их непрерывно следовали одни за другими воспоминания о мучениках, и должно было бы не пренебрегать прославлением этих подвижников. Говорю это и перечисляю для того, чтобы вы не подумали, будто замедление состязаний с аномеями произошло у меня от лености и нерадения. Теперь же, когда я уже освободился от борьбы с иудеями, и отцы возвратились в свои отечества, и довольно насладились мы славословием мучеников, я приступлю к удовлетворению давнего вашего желания слушать меня. Я хорошо знаю, что каждый из вас желает слушать рассуждения об этом не менее того, сколько я желаю говорить; а причина та, что город наш издавна христоролюбив и такое вы получили наследие от предков, чтобы не пренебрегать искажением благочестивых догматов. Откуда это видно? Некогда, при ваших предках, пришли *нецыи от Иудеи* (Деян. XV, 1), искажая чистые догматы апостольского учения и повелевая обрезать и соблюдать закон Моисеев. Тогдашние жители вашего города не потерпели этого нововведения и не смолчали; но подобно тому, как поступают верные псы, увидев волков, нападающих и повреждающих все стадо, они восстали против них и перестали выгонять их отовсюду и преследовать не прежде, как сделали то, что по всей вселенной разосланы были апостолами догматы, полагающие преграду такому нападению на верных как этим людям, так и всем после них.

2. С чего начать нам рассуждения против аномеев? С чего иного, как не с обличения их в неверии? Они делают и предпринимают все, чтобы исторгнуть из души слушателей веру; а какая вина больше этой может быть доказательством нечестия? Когда Бог объявляет что-нибудь, то сказанное должно принимать с верою, а не исследовать дерзко. Пусть, кому из них угодно, называют меня неверным: я не досаую. Почему? Потому, что я делами показываю, как называть меня. Что я говорю: пусть называют неверным? Пусть называют меня даже безумным о Христе; и этим названием я восхищаюсь, как венцем; потому что разделяю это название с Павлом, который говорит: *мы буи Христа ради* (1 Кор. IV, 10). Это безумие разумнее всякой мудрости; потому что чего не могла достигнуть внешняя (языческая) мудрость, то совершенно буйством о Христе; оно разогнало мрак вселенной, оно принесло свет ведения. Но что такое *буйство* о Христе? То, когда мы укрощаем собственные помыслы, мятущиеся безвременно, когда освобождаем и очищаем свой ум от внешнего учения, чтобы, когда нужно принимать Христово учение, он был у нас свободен и очищен для принятия божественных вещаний. Когда Бог объявляет что-

нибудь такое, чего не должно исследовать, то надлежит принимать верою. Исследовать причины этого, требовать отчета и допытываться способа осуществления, свойственно душе самой дерзкой и отчаянной. Это я постараюсь доказать также из самых Писаний. Некто Захария был муж дивный и великий, почтенный первосвященством, получивший от Бога право предстательствовать за весь народ. Этот Захария, вошедши во Святое Святых, в место самое недоступное, которое видеть тогда позволялось только ему одному из всех людей (заметь, он был равносителен целому народу, так что мог возносить к Богу молитвы за весь народ и умолять Владыку за рабов; видишь ли величие дерзновения его, как бы некоторого посредника между Богом и людьми?), увидел ангела стоявшего внутри; и так как вид его устрашал человека, то ангел сказал: *не бойся, Захарие, зане услышана бысть молитва твоя*, и вот ты родишь сына (Лук. I, 13). Какая же здесь последовательность? Тот просил за народ, молился за грехи, испрашивал прощения подобным себе рабам, а (ангел) говорит: *не бойся, Захарие, зане услышана бысть молитва твоя*, и в доказательство того, что она услышана, возвещает, что у него родится сын Иоанн? Весьма правильная последовательность; так как Захария молился за грехи народа, а имел родить сына, который взывал: *се агнец Божий, вземляй грехи мира* (Иоан. I, 29); то ангел справедливо говорит: *услышана бысть молитва твоя*, и ты родишь сына. Что же Захария? Речь у нас о том, что допытываться способов исполнения вещаний божественных непозволительно, что нужно принимать эти определения верою. А Захария знал свой возраст, седины, ослабевшее тело, знал неплодство жены, и не поверил, пожелал узнать способ исполнения и сказал: *по чесому разумею сие* (Лук. I, 18)? Как говорит он, это исполнится? Вот, *аз есмь стар* и поседел, *и жена моя бесплодна, замоторевши во днех своих*; возраст поздний, природа неспособная; как исполнится обещанное? Я - сеятель слабый, нива неплодна. Не кажется ли кому-нибудь, что он достоин извинения, спрашивая об исполнении дела, и по-видимому не справедливо ли он говорит? Но пред Богом он не оказался достойным извинения; и весьма справедливо. Когда Бог объявляет что-нибудь, то не должно поднимать суждений и указывать на последовательность дел, или требование природы, и на что-либо другое подобное; потому что сила определения (Божия) выше всего этого и не останавливается никаким препятствием. Что делаешь ты, человек? Бог обещает, а ты указываешь на возраст и ссылаешься на старость. Неужели старость сильнее обетования Божия? Неужели природа могущественнее Творца природы? Разве ты не знаешь, что крепки дела слов Его? Словом Его утверждено небо, словом Его произвело тварь, словом Его сотворило ангелов, а ты сомневаешься в рождении? Поэтому ангел и разгневался и не простил Захарии даже ради его священства; напротив, по этому самому он был больше наказан. Тот, кто был почтен более других, должен был превосходить других и верою. Какой же способ наказания? *Се будещи молча и не могий проглаголати* (Лук. I, 20). Язык твой, говорит он, послужил к произнесению слов неверия; он же получит и наказание за неверие: *се будещи молча и не могий проглаголати, до него же дне будут сия*. Представь человеколюбие Господа: ты не веришь мне, говорит Он, - прими же теперь наказание; а когда я оправдаю это самыми делами, тогда прекращу гнев; когда узнаешь, что ты справедливо наказан, тогда освобожу тебя от наказания. Пусть послушают аномеи, как гневается Бог, когда Он подвергается исследованию. Если же Захария наказывается за то, что не поверил смертному рождению, то, скажи мне, как избежешь наказания ты, исследуя неизреченное и вышнее? Захария не утверждал чего-нибудь, а только желал узнать, и однако не получил прощения; какое же будешь иметь оправдание ты, утверждающий, что знаешь даже невидимое и непостижимое для всех, какого не навлечешь на себя наказания?

3. Впрочем, рассуждения о рождении пусть останутся до удобного времени; а теперь приступим к прежнему предмету, которого я прежде не докончил, стараясь вырвать гибельный корень, мать всех зол, от которого и произошли у них такие мнения. Какой же это корень всех зол? Поверьте, ужас объемлет меня, когда я намереваюсь назвать его; не

решаюсь языком произнести то, что они постоянно держат в уме. Какой же корень этих зол? Человек дерзнул сказать: я знаю Бога так, как сам Бог знает себя. Нужно ли обличать это? Нужно ли доказывать? Не довольно ли только произнести такие слова, чтобы показать все их нечестие? Это - явное безумие, непростительное безрассудство, новейший вид нечестия; никто никогда не дерзал ни помыслить, ни произнести языком ничего подобного. Подумай, несчастный и жалкий, кто ты и Кого исследуешь? Ты - человек, а исследуешь Бога? Достаточно одних этих названий, чтобы выразить крайность безумия: человек - земля и пепел, плоть и кровь, трава и цвет травы, тень, и дым, и тщета, и все, что только есть негоднее и немощнее этого. Не подумайте, что это сказано к осуждению природы (человеческой); не я говорю это, но пророки так рассуждают, не к бесчестию нашего рода, но для усмирения надменности безумных, не для унижения нашей природы, но для низложения гордости неистовствующих. Если после таких и столь многих изречений пророков нашлись люди, превзошедшие дерзостию самого дьявола, то скажи мне, до какого безумия дошли бы они, если бы ничего такого не было сказано? Если они страдают недугом (безумия), имея пред собою врачевство, то какую гордостью и высокомерием не надмевались бы они, если бы пророки не произнесли таких и столь многих выражений о природе человеческой? Послушай, что говорит праведный патриарх о себе самом: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. XVIII, 27). С Богом беседовал он, и однако это достоинство не произвело в нем гордости; напротив оно именно и научило его быть смиренным. А эти люди, недостойные и тени его, считают себя больше самих ангелов, что и служит доказательством их крайнего безумия. Неужели, скажи мне, ты исследуешь Бога, безначального, неизменяемого, бестелесного, нетленного, вездесущего, превосходящего все и превышающего всякую тварь? Послушай, что говорят о Нем пророки, и убойся. *Призираяй на землю и творяй ю трястися* (Псал. CIII, 32); Он воззрел только и поколебал столь великую землю. *Прикасаяйся горам и дымятся* (Пс. CIII, 32); *трясый поднебесную из оснований, столпи же ее колеблются* (Иов. IX, 6); угрожающий морю и иссушающий его; *глаголюй бездне: опустееши* (Исх. XLIV, 27); *море виде и побеже, Иордан возвратися вспять, горы възыграшася яко овни, и холмы яко агнцы овчии* (Псал. CXIII, 3, 4). Вся тварь колеблется, страшится, трепещет; только они одни пренебрегают, презирают, унижают собственное спасение, не хочу сказать - Владыку всех. Прежде я вразумлял их примером вышних сил, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, теперь же - примером бесчувственных тварей, но они и этим не вразумляются. Не видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, как увенчано разнообразным сонмом звезд? Сколько лет продолжает оно существовать? Пять тысяч слишком лет стоит оно, и такое долгое время не состарило его; но как юное и здоровое тело сохраняет цвет и силу, свойственные его возрасту, так и небо сохранило красоту, которую получило сначала, и нисколько не сделалось дряхлее от времени. Но это небо прекрасное, величественное, светлое, украшенное звездами, крепкое, устоявшее в течение столь долгого времени, создал тот Бог, Которого ты исследуешь и заключаешь в пределы собственных суждений, создал с такую легкостью, с какою кто-нибудь шутя делал бы палатку. Изображая это, Исаия говорил: *поставивый небо яко камару, и простер е, яко скинию обитати на земли* (Иса. XL, 22). Хочешь ли взглянуть и на землю? Он и ее сотворил, как ничто. О небе (пророк) говорит: *поставивый небо яко камару, и простер е, яко скинию обитати на земли;* а о земле: *содержай круг земли, землю аки ничтоже сотвори* (Иса. XL, 22, 23). Видишь ли, как он назвал *ничем* столь великую землю?

4. Представь, какую тяжесть гор, сколько племен людей, сколько высоких и разнообразных растений, сколько городов, сколько огромных зданий, какое множество четвероногих, зверей, пресмыкающихся и разных животных земля носит на раменах своих. И однако такую громаду Бог создал так легко, что пророк не мог найти даже подобия этой легкости, а сказал, что Он создал землю, как *ничто*. Так как величие и красота видимого недостаточны для изображения могущества Создателя, но весьма

далеко отстоят от величия и всего могущества Создавшего их, то пророки нашли другой способ, посредством которого по силам своим могли несколько полнее выразить могущество Божие. Какой же это способ? Они не только изображают величие тварей, но указывают и на способ создания, чтобы из того и другого, из величия тварей и из легкости создания, мы могли получить, по силам своим, достойное понятие о могуществе Божиим. Итак, принимай во внимание не только величие тварей, но и легкость, с какою Бог создал их. Это объяснение относится не только к земле, но и к самой природе человеческой: ибо (пророк) говорит: *содержай круг земли и живущие на ней аки пруги* (Иса. XL, 22); и в другом месте говорит: *аки капля от кади вси языцы пред Ним* (ст. 15). Не принимай этих слов поверхностно, но вникни в них и исследуй: перечисли все народы, сирийцев, киликийян, каппадокийян, вифинян, жителей Евксинского Понта, Фракии, Македонии, всей Греции, живущих на островах, в Италии, за нашею областью, на островах британских, савроматов, индийцев, населяющих землю персидскую, и другие бесчисленные народы и племена, которых и по именам мы не знаем; все эти народы, говорит (пророк), *аки капля от кади пред Ним*. Какую же, скажи мне, часть этой капли составляешь ты, испытующий Бога, пред Которым все народы, *аки капля от кади*? Но для чего говорить о небе, земле, море и природе человеческой? Взойдем мыслию на небо и обратимся к ангелам. Вы конечно знаете, что один только ангел равносителен этой видимой твари, или даже гораздо важнее ее. Если весь мир не достоин праведного человека, как говорит Павел: *их же не бе достоин сей мир* (Евр. XI, 38); то тем более он не может быть достойным ангела, потому что ангелы гораздо выше праведников. И однако существуют мириады мириад ангелов, существуют и тысячи тысяч архангелов, престолы, господства, начала, власти, бесчисленные сонмы бестелесных сил и неисповедимые роды их, и все эти силы (Бог) сотворил с такою легкостью, которой не может выразить никакое слово. Для всего этого Ему достаточно было только захотеть, и как для нас хотение не составляет труда, так для Него - создание столь многих и столь великих сил. Выражая это, пророк сказал: *вся, елика восхоте, сотвори на небеси и на земли* (Пс. CXXXIV, 6). Видишь ли, что не только для создания живущих на земле, но и для сотворения вышних сил Ему достаточно было одного хотения? Слыша это, скажи мне, как не оплакиваешь себя и не скрываешься в землю ты, дошедший до такой степени безумия, что Бога, Которому следовало бы только воздавать славословие и поклоняться, ты усиливаешься исследовать и испытывать, как что-нибудь из предметов самых маловажных? Посему и Павел, исполненный великой мудрости, созерцая несравненное превосходство Божие и немощь природы человеческой, негодует на испытующих дела домостроительства Его и, с великою силою укоряя их, говорит: *темже убо, человеце, ты кто еси против отвечающей Богови* (Римл. IX, 20)? Кто ты? Вникни прежде в свою природу; невозможно найти названия, которое могло бы выразить твою немощь.

5. Но ты скажешь: я человек, почтенный свободою. Ты почтен не для того, чтобы употреблять свободу на прекословие, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушание Почтившему. Бог почтил тебя не для того, чтобы ты оскорблял Его, но чтобы прославлял; оскорбляет же Бога тот, кто исследует существо Его. Если не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, то испытывать и исследовать не изречения только, но самого Изрекшего, значит бесчестить Его. А что не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, видно из слов Павла, который говорит об Аврааме, его послушании и вере во всем: *усмотри своя плоти уже умерщвленные, и мертвосты ложесн Сарриных: во обетовании же Божиим не усумнешя неверованием, но возможе верою* (Римл. IV, 19, 20). Природа и возраст, говорит он, повергали его в отчаяние, но вера поддержала благие надежды. *Но возможе верою, дав славу Богови, и известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити* (ст. 21). Видишь ли, как Авраам, уверенный в том, что обещает Бог, воздаст славу Богу? Итак, если тот, кто верит Богу, воздаст Ему славу, то тот, кто не верит Ему, обращает бесчестие Его на свою собственную голову. *Ты кто еси*

против отвещающей Богови (Римл. IX, 20)? Потом, желая показать различие между человеком и Богом, апостол показал это, хотя не столько, сколько следовало бы, но так, что из приведенного подобия можно получить понятие и о гораздо большем их различии. Что говорит он? *Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако; или не имать власти скудельник на брени, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (Римл. XI, 20, 21)? Что говоришь ты? Неужели я должен быть подвластным Богу так, как брение скудельнику? Да, говорить он; такое различие между человеком и Богом, какое между брением и скудельником, или лучше сказать, не такое различие, но гораздо большее. У брения и скудельника одно естество, как и у Иова сказано: *не говорю о живущих в бранных храминах, от нихже и мы сами от тогожде брения есмы* (Иов. IV, 19). Если же человек кажется лучше и благообразнее брения, то это различие произошло не от разности в существе их, но от мудрости Художника, так как (в сущности) ты ничем не отличаешься от брения. Если же не веришь, то пусть убедят тебя могилы и гробницы; подошедши к гробам предков, ты убедишься, что это действительно так. Между брением и скудельником нет различия; а между Богом и людьми такое различие по существу, какого ни слово представить, ни ум измерить не может. Поэтому, как брение следует за руками скудельника, куда бы он ни направил и ни подвинул его, так и ты, подобно брению, будь безгласен, когда Бог желает устроить что-нибудь. Впрочем Павел сказал это не для того, чтобы отнять у нас свободу и унижить нашу самостоятельность (да не будет!); но для того, чтобы с большею силою обуздать нашу самонадеянность; если угодно, рассмотрим и это. Что желали некогда узнать те, которым Павел столь сильно заградил уста? Существо ли Божие они исследовали? Нет; на это никто никогда не дерзал; но они желали знать гораздо меньшее - дела домостроительства Божия; например, почему такой-то наказывается, а такой-то получает помилование; почему такой-то освобождается от наказания, а другой страдает, один получает прощение, а другой не получает, - это и подобное тому они желали знать. Откуда это видно? Из предыдущих слов Павла; он сначала сказал: *темже убо егоже хоцет, милует, а егоже хоцет, ожесточает: речеши убо ми: чесо ради еще укоряет; воли бо Его кто противитися может*; а потом присовокупил: *темже убо, о человеце, ты кто еси против отвещающей Богови* (Римл. XI, 18-20)? Итак Павел заграждает уста людей, хотевших исследовать дела домостроительства Божия. Он не позволяет им даже этого; а ты, исследуя блаженное всеустраивающее Существо, не считаешь себя достойным тысячи молний? Не крайнее ли это безумие? Послушай, что говорит пророк, или лучше, Бог чрез него: *аще отец есмь Аз, то где слава Моя; и аще Господь есмь Аз, то где есть страх Мой* (Мал. I, 6)? Кто страшится, тот не исследует, но поклоняется, не испытывает, но славословит и прославляет. Пусть научат тебя этому и вышние силы и блаженный Павел; укоряя других, он и сам не имел противоположного настроения. Послушай, что говорит он Филиппийцам; объясняя, что он имеет частное знание, а еще не всецелое, как он говорил и в послании к Коринфянам: *от части разумеваем* (1 Кор. XIII, 9), он и теперь повторяет: *братие, аз себе не у помышляю достигша* (Фил. III, 13). Что яснее этих слов? Громче трубы он провозгласил, научая всю вселенную довольствоваться данною мерою знания, и любить ее, и не думать - когда-нибудь постигнуть все. Что, скажи мне, говоришь ты? Ты имеешь Христа, вещающего в тебе, и говоришь: *аз себе не у помышляю достигша*? Потому, отвечает он, я и сказал это, что я имею Христа, вещающего во мне; Он сам научил меня этому. Так и эти люди, если бы не были совершенно лишены помощи Духа и не отклонили от души своей всякое Его действие, то, слыша слова Павла: *не у помышляю себе достигша*, не думали бы, что они сами постигли все.

6. Откуда, скажут, видно, что Павел говорит это о вере и знании и догматах, а не о жизни и поведении, и что его слова не значат: я считаю себя несовершенным в жизни и поведении? Это особенно он объяснил словами: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается мне венец правды* (2 Тим. IV, 7, 8).

Надеющийся получить венец и окончивший шествие не сказал бы: *не у помышляю себе достигши*. Притом никому из людей не безызвестно, что должно и чего не должно делать, но это известно и ведомо всем, и варварам, и персам, и всему роду человеческому. Впрочем, дабы яснее представить то, что я говорю, прочту этот отдел послания по порядку. Сказав: *блюдитесь от псов, блюдитесь от злых делателей* (Фил. III, 2), и предложив многое о тех, которые не благовременно вводили иудейское учение, Павел продолжает: *яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету: но убо вменяю вся тщету быти, да обрящуся не имый правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду* (ст. 7-9). Потом объясняет, какую верою: *еже разумети Его и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его* (ст. 10). Что значит: *силу воскресения Его*? Показан некоторый новый образ воскресения, говорит он; ибо многие мертвые воскресали и прежде Христа, но так, как Он, не воскрес ни один. Все другие воскресавшие опять возвращались в землю, и, освободившись на время от владычества смерти, опять подвергались ее власти; а тело Господа по воскресении не возвратилось в землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вместе с собою всю вселенную и ныне сидит на царском престоле. Представляя все это и объясняя, что никакой ум не может постигнуть столь многих и столь великих чудес, а одна только вера может познать и ясно представить их, Павел сказал: *верою разумети силу воскресения Его*. Если ум не может постигнуть и простого воскресения (так как оно выше человеческой природы и порядка вещей), то какой ум в состоянии будет постигнуть воскресение, столько отличающееся от других воскресений? Никакой; но нам нужна одна вера, которою мы могли бы убедиться, что умершее тело и воскресло, и перешло в жизнь бессмертную, не имеющую ни предела, ни конца; это Павел выражает и в другом месте: *Христос*, говорит он, *воста от мертвых, ктому уже не умирает, смерть им ктому не обладает* (Римл. VI, 9). Здесь двойное чудо: воскреснуть и воскреснуть таким именно образом. Посему Павел и сказал: *верою разумети силу воскресения Его*. Если же воскресения невозможно постигнуть умом, то не тем ли более - высшего рождения? Рассуждая об этом, беседуя и о кресте и страдании, Павел отнес и это к силе веры; потом, окончив речь об этом, он далее сказал: *братие, аз себе не у помышляю достигшиа* (Филип. III, 13). Не сказал: *аз себе не у помышляю познавшиа*, но: *достигшиа*; не приписал себе ни совершенного неведения, ни совершенного знания. Сказав: *не у помышляю себе достигшиа*, он выразил, что находится еще на пути, идет и подвигается вперед, а конца еще не достиг. Тоже советует он и другим и говорит так: *елицы совершенни, сие да мудрствуим, и еже аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет* (Фил. III, 15). Не ум научит, говорит он, но Бога откроет. Видишь ли, что речь идет не о жизни и поведении, а о догматах и вере? Не поведение и жизнь имеют нужду в откровении, а догматы и знание. И в другом месте объясняя тоже самое, он сказал: *аще кто мнится ведети что, не у что разуме*, не сказал просто: *не у что разуме*, но прибавил: *якоже подобает разумети* (1 Кор. VIII, 2); т. е. хотя он и имеет знание, но неточное и несовершенное.

7. А чтобы тебе убедиться, что это истинно, не будем более рассуждать о высшем, но, если угодно, поведем речь о видимой твари внизу. Видишь ли это небо? Мы знаем, что оно имеет вид свода, и это мы узнали не по соображениям ума, но из божественного Писания (Иса. XL, 22); знаем и то, что оно объемлет всю землю, слышав об этом также из Писания; а каково оно по существу своему, не знаем. Если же кто будет опровергать и спорить, тот пусть скажет, что такое небо по существу своему: кристалл ли затверделый, облако ли стгутившееся, или воздух плотнейший? Никто не может сказать об этом ясно. Итак, скажи мне, нужны ли еще доказательства, чтобы убедиться в безумии тех, которые говорят, что они познали Бога? Ты ничего не можешь сказать о природе неба, видимого ежедневно, а утверждаешь, будто в точности познал существо невидимого Бога? Кто столь нечувствителен, чтобы не осуждать крайнего безумия говорящих это? Посему увещаваю всех вас стараться по силам вашим врачевать их, как впадших в болезнь

сумасшествия и безумствующих, беседуя с ними снисходительно и кротко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность ума их; а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения. Посему благоразумные врачи отирают такие раны какою-нибудь мягкой губкою. Итак, если и в душе этих людей есть воспалившаяся рана, то мы, собрав все сказанное, как бы напоив какою-нибудь нежную губку приятною и полезною водою, постараемся успокоить их воспаление и уничтожить всю надменность; и хотя бы они оскорбляли, хотя бы отталкивали, хотя бы плевали, и что ни делали бы, ты, возлюбленный, не прекращай врачевания. Врачуящим человека сумасшедшего необходимо терпеть много подобного; и не смотря на все это отступать не следует, но поэтому особенно и нужно сокрушаться о них и плакать, что таков род их болезни. Это говорю я тем, которые более сильны и тверды и не могут получить никакого вреда от сообщения с больными; а кто более слаб, тот пусть избегает их сообщества, пусть удаляется от разговоров с ними, чтобы дружественное отношение не послужило поводом к нечестию. Так поступал и Павел; сам обращался с больными и говорил: *бых Иудеем, яко Иудей, беззаконным, яко беззаконен* (1 Кор. IX, 20, 21); а учеников и более слабых отклонял от этого, увещевая и научая так: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. XV, 33); и еще: *изыдите от среды их и отлучитесь, глаголет Господь* (2 Кор. VI, 17). Если врач приходит к больному, то часто приносит пользу нему и самому себе; а несведущий, обращаясь с больными, вредит и самому себе и больному; больному он не может доставить никакой пользы, а самому себе причинит большой вред от болезни. Чему подвергаются те, которые смотрят на больных глазами, заражаясь от них этою болезнью, то же испытывают и вступающие в общение с богохульниками: если сами они слабы, то могут усвоить себе великую часть их нечестия. Итак, чтобы нам не причинить себе величайшего вреда, будем избегать их сообщества, будем только молить и просить человеколюбивого Бога, *иже всем человеком хочет спастися и в разуме истины прийти* (1 Тим. II, 4); да избавит их от заблуждения и дьявольской сети и приведет к свету познания, к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа, с животворящим и всесвятым Духом, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "о непостижимом и о том, что даже снисхождение Божие невыносимо для серафимов".

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

ТРУДОЛЮБИВЫЕ земледельцы, видя бесплодное и негодное дерево, препятствующее трудам их и вредящее нежным растениям и твердостью корня и густотою, старательно вырубаят его. Часто и ветер, подувший откуда-нибудь, помогает им в этой работе; устремляясь на ветви дерева и сильно потрясая его, он сокрушает и повергает его на землю, и таким образом много облегчает труд земледельцев. Так как и мы посекаем дерево дикое и негодное - ересь аномеев, то помолимся Богу о ниспослании нам благодати Духа, чтобы она, устремившись сильнее всякого ветра, исторгла с корнем эту ересь, и тем облегчила труд наш. Как земля, запущенная и не возделываемая руками земледельцев, часто произрастает из недр своих дурные травы, множество терния и дикие деревья, так и душа аномеев, пустая и незанятая упражнением в Писаниях, сама по себе и из себя произрастила дикую и негодную ересь. Этого дерева ни Павел не насаждал, ни Аполлос не напоял, ни Бог не возвращал, а насадила его неуместная пытливость умствований, напоила горделивая надменность и возрастила страсть тщеславия. Нам нужен пламень Духа, чтобы не только исторгнуть, но и сжечь этот корень. Призовем же Бога, ими

хулимого, а нами прославляемого, и помолимся, чтобы Он и языку моему даровал большую силу, и ум мой разверз для яснейшего раскрытия предмета речи. Весь труд наш для Него и для Его славы, или лучше, для собственного нашего спасения. Богу никто не может ни порицанием повредить, ни славословием доставить большую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, - впрочем никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе, - получают себе пользу от этого славословия; те же, которые хулят и унижают Его, вредят собственному спасению. Изречение: *вергаяй камень на высоту, на главу свою вергает*, сказал некто о богохульниках (Сир. XXVII, 28). Как тот, кто бросает в высоту камень, не может пронзить вещества неба и даже докинуть до высоты его, но принимает удар на собственную голову, потому что камень обратно летит на бросившего; так точно и тот, кто хулит блаженное Существо Божие, никогда не может нисколько повредить Ему, - ибо Оно столь велико и высоко, что не доступно ни для какого вреда, - но сам изощряет меч на свою душу, оказываясь неблагодарным Благодетелю. Призовем же самого Бога неизреченного, неуразумяемого, невидимого, непостижимого, побеждающего силу человеческого языка, превосходящего понятие смертного ума, неисследимого для ангелов, незримого для серафимов, непостижимого для херувимов, невидимого для начал, властей, сил и вообще для всякой твари, а познаваемого только Сыном и Святым Духом. Знаю, что будут осуждать слова мои за дерзновение, с которым я сказал, что Он непостижим и для вышних сил; а я при этом буду осуждать их великое безумие и гордость. Дерзко - не то, когда говорят, что Создатель выше разума всех тварей, но когда утверждают, что Непостижимого для вышних сил могут изъяснить и обнять своими слабыми умами те, которые пресмыкаются внизу и столь далеко отстоят от тех существ. Впрочем, если я не докажу того, что обещал, то по справедливости могу подвергнуться обвинению в дерзости; но если вы и после того, как я докажу, что Бог непостижим для вышних сил, еще будете спорить и утверждать, будто вы познали Его, то каких пропастей, каких стремнин будете достойны вы, хвальныеся точным знанием Незримого для всех бестелесных сил?

2. Итак, приступим теперь к самым доказательствам, обратившись пред речью опять к молитве; потому что самое упражнение в молитве может доставить нам доказательство в пользу искомого. Призовем же Царя царствующих и Господа господствующих, единого имеющего бессмертие и живущего во свете непреступном, *Его же никтоже видел есть от человек, ниже видети может, Ему же честь и держава вечная, аминь* (1 Тим. VI, 15, 16). Это не мои слова, а Павловы; ты же обрати внимание на благочестие души его и укоренившуюся в ней любовь. Вспомнив о Боге, он позволил себе приступить к изложению учения не прежде, как воздал Ему должное, заключив речь славословием. Если *память праведного с похвалами* (Притч. X, 7), то тем более воспоминание о Боге - с благохвалением. То же Павел делает и в начале посланий; часто, начиная послание и вспомнив о Боге, он не прежде приступает к учению, как воздав Ему должное славословие. Послушай, как говорит он в послании к Галатам: *благодать вам и мир от Бога отца нашего и Господа Иисуса Христа, давшего себе по гресех ваших, яко да избавит нас от настоящего века лукавого, по воли Бога и Отца, Ему же слава во веки аминь* (Гал. I, 3-5). И еще в другом месте: *Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки, аминь* (1 Тим. I, 17). Но, может быть, он делает так только в отношении к Отцу, а в отношении к Сыну не так? Послушай, как он и в отношении к Единородному делает то же самое; сказав: *молилбхся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти*, он присовокупил: *ихже всыновление и завети, и законоположение, и служения, и обетования, от нихже Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки, аминь* (Римл. IX, 3-5). Как Отцу, так и Единородному он сначала воздал славословие, а потом и приступил к продолжению речи;

потому что слышал слова Христа: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. V, 23). А чтобы вы убедились, что самая молитва может доставить нам доказательство, теперь и представим это. *Царь царствующих*, говорит он, *и Господь господствующих, един имеяй бессмертие и во свете живый неприступнем* (1 Тим. VI, 15, 16). Здесь остановись и спроси еретика, что значит: *во свете живый неприступнем*, и обрати внимание на точность выражений Павла. Не сказал он: *сущий светом неприступным*, но: *во свете живый неприступнем*, дабы ты знал, что если жилище неприступно, то гораздо более живущий в нем Бог. Это сказал он не для того, чтобы ты подразумевал жилище и место у Бога, но чтобы ты с большим убеждением признал непостижимость Его. Притом не сказал: *во свете живый непостижимом*, но: *неприступнем*, что гораздо больше непостижимости. Непостижимым называется то, что хотя исследовано и найдено, но остается непонятным для ищущих его; а неприступное - то, что не допускает и начала исследования и к чему никто не может приблизиться. Например, непостижимым называется то море, в котором погружаясь водолазы, даже спускающиеся в далекую глубину, не могут достигнуть конца, а неприступным называется то, чего и в начале невозможно ни искать, ни исследовать.

3. Что ты скажешь на это? Для людей, скажешь, Он непостижим, но не для ангелов, не для вышних сил. Итак ты ангел, скажи мне, и принадлежишь к сонму бестелесных сил? Разве ты не человек и не одной со мною природы, или ты забыл и о своей природе? Положим, что Бог неприступен только для людей, хотя этого не прибавлено, и не сказал Павел: для людей *во свете живый неприступнем*, а для ангелов не в неприступном; однако, если угодно, допустим это; но ты сам разве не человек? Хотя бы Он и не был неприступным для ангелов, как это относится к тебе, который состязаясь, исследуешь и утверждаешь, что Его существо постижимо для человеческой природы? А чтобы ты убедился, что Он неприступен не только для людей, но и для вышних сил, послушай, что говорит Исаия; когда же я называю Исаию, то привожу изречение Духа; ибо пророк вещает все по внушению Духа. *И бысть в лето, в неже умре Озия царь, видех Господа сидяща на престоле висоце и превознесенне, и серафими стояху окрест Его, шесть крил единому и шесть крил другому, и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя* (Иса. VI, 1, 2). Почему, скажи мне, они покрывают лица и ограждаются крыльями? По чему же иному, как не потому, что не могут выносить блеска и лучей, исходящих от престола? Между тем они созерцали еще не самый света беспримесный и не самую сущность чистую, но созерцаемое ими было только *снисхождением*. Что такое *снисхождение*? То, когда Бог является не так, как Он есть, но показывает Себя столько, сколько имеющий созерцать Его способен к этому, приспособляя явление лица к немощи созерцающих. А что это было снисхождение, видно из самых слов: *видех*, говорит пророк, *Господа сидяща на престоле висоце и превознесенне*; но Бог не сидит, потому что это положение свойственно только телам; и *на престоле*, но Бог не объемлется престолом, потому что Божество неограниченно. Однако серафимы не могли сносить и снисхождения, хотя стояли близко: *серафимы стояху окрест Его*. По тому самому они и не могли взирать, что были близко; впрочем, словом *окрест* не место означает, но этим словом Дух Святой благоволил показать, что серафимы находятся ближе нас к существу Божию, однако и они не могут созерцать Его; поэтому пророк и говорит: *и серафимы стояху окрест Его*, означая этим не место, но близость по месту выражая, что они ближе нас к Богу; ибо мы не так знаем непостижимое, как небесные силы, насколько они чище и мудрее и прозорливее человеческой природы. Как нестерпимость солнечных лучей не столько известна слепому, сколько зрячему, так и непостижимость Божию не столько знаем мы, сколько они; ибо как велико отличие слепого от зрячего, таково же различие между нами и ими. Таким образом, слыша слова пророка: *видех Господа*, не предполагай, что он видел самое существо Его, но только снисхождение, и притом темнее, нежели вышние силы, так как он не мог видеть столько, сколько херувимы.

4. Но что я говорю об этом блаженном Существо, когда для человека невозможно без страха взирать и на существо ангельское? Чтобы вы убедились в справедливости этого, я представлю вам человека, друга Божия, имевшего великое дерзновение по мудрости и праведности и прославившегося многими другими совершенствами, святого Даниила. Когда я скажу, как он изнемогал, ослабевал и падал при появлении ангела, то никто пусть не думает, будто он испытывал это по причине своей греховности и нечистой совести; но, если несомненно душевное его дерзновение, то ясно обнаруживается в том немощь природы. Даниил постился три седмицы дней, *хлеба возжеленного не ел, и мясо и вино и сикера не входили в уста его, и мастию не мазался* (Дан. X, 3). Когда же душа его, сделавшись посредством поста легче и духовнее, стала более способною к принятию явления, тогда он и увидел видение. Что же говорит он? *Воздвигох очи мои, и видех, и се муж облечен в ризу льняну, т. е. в одежду священную, и чресла его препоясана златом светлым, тело же его аки фарсис, лице же его аки зрение молнии, очи же его аки свецы огнены, и мышцы его и голени аки зрак меди блестящиеся, глас же словес его аки глас народа. И видех аз един явление, а мужи иже со мною не видеша, но ужас великий нападе на них, и отбегнуша в страсе, и не оста во мне крепость, и слава моя обратися в рассыпание* (Дан. X, 5-8). Что значит: *слава моя обратися в рассыпание*? Даниил был благообразный юноша, но страх при появлении ангела так изменил его, как изменяются обмирающие, произвел великую бледность и уничтожил здоровый цвет и всю свежесть лица его; почему он и говорит: *обратися слава моя в рассыпание*. Когда возница испугается и выпустит вожжи, то все лошади несутся стремглав, и самая колесница опрокидывается; так обыкновенно бывает и с душою, когда ею овладевает страх и ужас; испугавшись и как бы опустив вожжи своего влияния на каждое из телесных чувств, она оставляет эти члены свободными, и они, не сдерживаемые ее силою, падают и изнемогают, как случилось тогда и с Даниилом. Что же ангел? Он поднял его и сказал: *Данииле, мужу желаний, разумей в словесех сих, яже аз глаголю к тебе, и стани на стоянии своем, яко ныне послан есмь к тебе* (Дан. X, 11). Он встал в трепете. Когда же опять ангел стал говорить ему и сказал: *от дне, в оньже подал еси сердце твое еже трудитися пред Богом, услышана быша словеса твоя, аз же приидох в словесех твоих* (ст. 12), то он снова упал на землю, как случается с обмирающими. Обмершие, пробудившись, пришедши в себя и увидев, что мы держим их и кропляем лице их холодною водою, часто опять обмирают на руках наших; так случилось и с пророком. Душа его от страха не могла снести даже вида явившегося (небесного) сослужителя своего и вынести этого света, смутилась и порывалась освободиться от уз плоти, как бы от каких оков; но он еще удержал ее. Пусть выслушают это те, которые исследуют Владыку ангелов. Даниил, который смущал глаза львов и в человеческом теле имел силу выше человеческой, не вынес присутствия небожителя, но повергся бездыханным: *обратися, говорит он, утроба моя в видении моем, и дыхание не оста во мне* (ст. 16. 17). А те, которые столь далеки от добродетели этого праведника, хвалятся, что они со всею точностию познали самое Существо высочайшее, начальное и сотворившее мириады этих ангелов, из которых даже одного созерцать Даниил не имел силы.

5. Но обратим речь к прежнему предмету и покажем, что Бог недоступен взорам и вышних сил, даже и в своем снисхождении. Почему, скажи мне, серафимы ограждаются крыльями? Этим своим действием они возвещают апостольское изречение: *во свете живый неприступен* (1 Тим. VI, 16), и не только они, но и высшие их - херувимы. Серафимы стоят вблизи, а херувимы служат Богу престоломи; это сказано о херувимах не потому, чтобы Бог нуждался в престоле, а чтобы отсюда ты уразумел достоинство этих сил. Послушай, что говорит о них и другой пророк: *и бысть слово Господне ко Иезекиилю, сыну Вузиеву, при реце Ховар* (Иезек. I, 3). Иезекииль стоял тогда при реке Ховар, а Даниил при реке Тигре. Когда Бог намеревается показать рабам своим какое-нибудь дивное видение, то выводит их из городов на место удаленное от шума, чтобы душа не

развлекалась ничем, ни видимым, ни слышимым, но, наслаждаясь спокойствием, вся занялась созерцанием видения. Что же видел он? *Се облак, говорит он, грядяше от севера, и свет окрест, и огонь блистаяйся, и посреде его яко видение илектра, и свет в нем, и посреде подобие четырех животных: сие видение их, подобие человека в них. И четыре лица единому, и четыре крила единому. И высота бяше им, и страшны были, и плещы их исполнены очес, окрест четверем, и подобие над главою их яко твердь, яко видение кристалла страшное, простертое над главою их свыше, и крила их комуждо два, прикрывающе телеса их. И над твердию яко видение камене сапфира, и подобие престола на нем, и на подобии престола подобие якоже вид человекъ сверху. И видех яко видение илектра, от видения чресл и выше и от видения чресл даже до долу, видение огня, и свет его яко видение дуги, егда есть на облацех в день дождя* (Иезек. I, 4-6, 18-28). И после всего этого пророк, желая показать, что ни он сам, ни небесные силы не приближались к чистому Существо, говорит: *сие видение пододие славы Господни* (Иез. II, 1). Видишь ли и там и здесь снисхождение? Однако и эти силы закрывают себя крыльями по той же причине, хотя они суть мудрейшие, разумнейшие и чистейшие силы. Откуда это видно? Из самых названий их. Как ангел называется так потому, что возвещает людям повеления Божии; и архангел называется так потому, что начальствует над ангелами, так и те небесные силы носят названия, показывающие нам их мудрость и чистоту; и как вообще крылья показывают высоту естества, - Гавриил представляется летящим не потому, чтобы у ангела были крылья, но чтобы ты знал, что он является человеческому роду из высочайших мест и вышних обителей, - так и у них крылья означают не что иное, как высоту естества их. Итак, крылья означают высоту естества, престол - то, что на них почивает Бог, глаза - прозорливость, присутствие близ престола и непрестанное славословие Бога - неусыпность и бодрость; точно также и названия одних означают мудрость, а других - чистоту. Что значит: херувим? Полное ведение. А что - серафим? Пламенные уста. Видишь ли, как названия выражают и чистоту и мудрость? Если же те, которые обладают полным ведением, не могут ясно созерцать даже снисхождения Божия, а имеют частное знание, как говорит Павел: *от части разумеваем, и зерцалом, и в гадании* (1 Кор. XII, 12); то какое было бы безумие - считать для себя известным и явным то, что и для них незримо?

6. Я желал бы теперь доказать, что Бог непостижим не только для херувимов и серафимов, но и для начал, и властей и всякой сотворенной силы; но ум наш утомился, не от обилия, но от страшного содержания предметов речи. Душа трепещет и ужасается, долго занимаясь вышними созерцаниями. Низведем же с небес и успокоим ее, объятую ужасом, обратившись к обычному утешению. В чем это утешение? В молитве о том, чтобы страждущие эту болезнь когда-нибудь выздоровели. Если нам повелено умолять Бога о больных, о находящихся в рудниках и в тяжком рабстве и одержимых (демонами), то не гораздо ли более (нужно молиться) о таких людях? Нечестие хуже демона; неистовство бесноватых может быть прощено, а эта болезнь не имеет никакого оправдания. Вспомнив о молитве за бесноватых, я хочу сказать нечто вам, возлюбленные, для искоренения тяжкой болезни в церкви; странно было бы, - врачую посторонних с таким усердием, оставить без внимания собственные члены. Какая же эта болезнь? Невыразимое множество народа собралось теперь и с таким вниманием слушает речь, а в самый страшный час я часто ищущу его и не вижу и сильно вздыхаю, что, когда беседует сослужитель ваш, вы показываете великое усердие и напряженную ревность, теснитесь друг пред другом и остаетесь до конца; когда же предстоит явиться Христу в священных таинствах, то церковь бывает пуста и безлюдна. Достойно ли это прощения? Через такое нерадение вы лишаетесь всех похвал, заслуженных ревностью к слушанию. Кто из вас не осудит и меня, видя, что плод слушания так скоро у вас пропадает? Если бы вы усердно внимали сказанному, то доказывали бы свою ревность делами; а если по выслушании тотчас уходите, это служит доказательством того, что не усвоили ничего из сказанного и

не приложили к сердцу; ибо, если бы сказанное было внедрено в душах, то оно конечно удержало бы вас в церкви и возбудило бы в вас большее благоговение к страшным таинствам. А теперь, как бы выслушав какого-нибудь игрока на кифаре, вы удаляетесь без всякой пользы, как только умолк говорящий. Но какое слышится от многих холодное оправдание? Молиться, говорят, могу я и дома, а слушать беседу и учение дома невозможно. Ошибаешься ты, человек; молиться конечно можно и дома, но молиться так, как в церкви, где такое множество отцев, где единодушно воссылается песнь к Богу, дома невозможно. Ты не будешь так скоро услышан, молясь Владыке у себя, как молясь с своими братьями. Здесь есть нечто большее, как то: единодушие и согласие, союз любви и молитвы священников. Для того и предстоят священники, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединясь с их молитвами сильнейшими, вместе с ними восходили на небо. С другой стороны какая может быть польза от беседы, когда с нею не соединяется молитва? Прежде молитва, а потом слово; так говорят и апостолы: *мы же в молитве и служении слова предудем* (Деян. VI, 4). Так и Павел поступает, в начале посланий совершая молитву, чтобы свет молитвы предшествовал учению, как свет светильника. Если ты приучишь себя молиться с усердием, то не будешь иметь нужды в наставлении сослужителей твоих, так как Сам Бог без всякого посредника будет озарять ум твой. Если же молитва одного имеет такую силу, то гораздо более - молитва с народом; у последней больше силы и гораздо больше дерзновения, нежели у молитвы, совершаемой дома и наедине. Откуда это видно? Послушай, что говорит сам Павел: *иже от толика смерти избавил ны есть, и избавляет, нань же и уповахом, яко и еще избавит, споспешествующым и вам по нас молитвою, да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о нас* (2 Кор. I, 10, 11). Так и Петр избежал темницы: *молитва же бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем* (Деян. XII, 5). Если же Петру помогла молитва церкви и извела из темницы этот столп (церкви), то как ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силою и какое можешь иметь оправдание? Послушай и самого Бога, Который говорит, что Его умилоствляют благоговейные молитвы многих. Так, оправдываясь пред Ионою по поводу тыквенного растения, Он говорит: *ты оскорбился еси о тыкке, о ней же не трудился еси, не воскормил еси ее: аз же не пощажу ли Ниневии, града великого, в немже живут множайшии, нежели дванадесать тем человек* (Ион. VI, 10, 11). Не напрасно Он ссылается на множество жителей, но чтобы внушить тебе, что единодушная молитва имеет великую силу. Это я хочу объяснить вам и из человеческой истории.

7. Лет десять тому назад некоторые, как вы знаете, были обличены в стремлении к тирании. Один из вельмож, обвиненный в этом преступлении, с веревкою в устах был веден на смерть [1]. Тогда весь город сбежался на конское ристалище, вывели и рабочих из мастерских, и весь народ, сошедшись вместе, избавил от царского гнева человека осужденного и недостойного никакого помилования. Так, желая смягчить гнев земного царя, вы все стеклись с детьми и женами; а намереваясь умилоствить Царя небесного и избавить от Его гнева не одного человека, как тогда, и не двоих, троих или сто, но всех грешников вселенной и освободить одержимых демоном из сетей диавола, неужели вы будете оставаться вне церкви и не стечетесь все вместе, чтобы Бог, возрев на ваше единодушие, и тех освободил от наказания и вам простил грехи? Если в это время ты будешь находиться на рынке, или дома, или в необходимых занятиях, то неужели не разорвешь все эти узы сильнее всякого льва, и не придешь к общей молитве? Какую же, скажи мне, возлюбленный, ты будешь иметь в таком случае надежду на спасение? Не люди только одни здесь страшно зывают, но и ангелы припадают к Владыке и архангелы молятся. Самое время благоприятствует им, самое жертвоприношение содействует. Как люди, взяв масличные ветви, потрясают их пред царями, напоминая им этими ветвями о милости и человеколюбии; так точно и ангелы, представляя вместо масличных ветвей самое тело Господне, умоляют Владыку за род человеческий, и как бы так говорят: мы

молимся за тех, которых Сам Ты некогда удостоил такой любви Своей, что предал за них собственную Свою душу; мы изливаем моления за тех, за которых Сам Ты пролил кровь; мы просим за тех, за которых Ты принес в жертву Свое тело. В это время диакон вводит и одержимых (демонами), повелевая им только наклонить голову и таким положением тела совершать моление, так как им не позволительно молиться вместе с общим собранием братьев. Поэтому он и вводит их, чтобы ты, сжалившись над ними, над их несчастьем и безгласностию, по собственному дерзновению ходатайствовал за них (пред Богом). Итак, зная все это, будем стекаться в этот час, чтобы привлечь милость и обрести благодать и благовременную помощь. Вы похвалили сказанное, приняли увещание с великим шумом и рукоплесканием; но чтобы вам выразить эти похвалы мне и делами, вот наступает время для выражения послушания: после увещания последует молитва. Такой я ищу похвалы, такого рукоплескания - посредством самых дел. Убеждайте же друг друга стоять так, как стоите; а кто уклонится от порядка, того старайтесь удержать, чтобы, получив двойную награду, и за собственное усердие и за попечение о братьях, вы могли с большим дерзновением изливать моления, и умилостивить Бога, и получить здешние и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Вероятно, один из тех Феодоров, которых император Валент с 374 г. преследовал по подозрению в домогательстве верховной власти. Созомена, Церк. Ист. Кн. VI, гл. 35.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

О непостижимом.

ДОКАЗАВ раньше, что Бог непостижим для людей, и даже для херувимов и серафимов, можно было бы оставить этот предмет и не продолжать более; но так как наша ревность и заботливость клонится не к тому только, чтобы заградить уста противников, но и к тому, чтобы более научить вас, возлюбленные, то коснемся опять того же предмета и продолжим речь. Занятие этим предметом и вам сообщит более познаний, и нам доставит славнейшую победу, истребив остаток (ереси), какой мог еще удержаться. Так и вредные растения надобно не только срезать сверху (иначе они снова вырастают от корней, находящихся внизу), но и вырывать их из самых внутренних недр земли и выбрасывать открытыми на солнечный зной, чтобы они скорее засохли. Итак, я словом возведу вас опять на небо, не для того, чтобы испытать и исследовать (небесное), но чтобы уничтожить неуместную любознательность тех, которые не знают самих себя и не хотят знать пределов человеческой природы. Для этого я весьма обстоятельно показал вам, как для праведника было невыносимо явление не только Бога, но и ангелов; излагая вам всю эту историю, я неоднократно замечал, как блаженный Даниил бледнел, трепетал и находился в состоянии, не лучшем состоянии обмирающих, когда душа порывается расторгнуть узы плоти. Как ручной и смиренный голубь, живущий в каком-нибудь домике и испуганный чем-нибудь, в страхе взлетает к потолку и старается вылететь чрез окна, чтобы освободиться от испуга, так точно и душа этого блаженного мужа старалась выйти из тела, всячески порывалась вон и вышла бы, отлетела и оставила бы тело бездушным, если бы ангел не поспешил тотчас же избавить ее от смущения и не возвратил опять в собственное ее жилище. Это я говорил тогда для того, чтобы эти люди, узнав, как велико различие между ангелом и человеком, и вразумившись превосходством небожителя,

отстали от своего безумия в отношении к Господу. Праведник, имевший такое дерзновение, не мог смотреть на ангела; а они, столь далекие от его добродетели исследуют не ангела, но Самого Владыку ангелов. Даниил укротил ярость львов, а мы не можем одолевая даже лисиц; тот расторг пополам дракона и дерзновением пред Богом победил природу зверя, а мы боимся и малейших пресмыкающихся; тот остановил царя, свирепствовавшего подобно льву, и явившись укротил гнев Навуходоносора, устремившийся против толпы иноплеменников сильнее всякого пламени, и озарил светом все сокровенное. Но и этот просветитель, увидев пришедшего к нему ангела, был объят ужасным мраком. Какое же оправдание будут иметь те, которые усиливаются постигнуть блаженное естество Божие? Но на этом я не остановил тогда своей беседы, а возвел речь и к мудрым силам, сказав о том, как они отвращают свои взоры, закрываются крыльями, выпрямляют свои голени, непрестанно славословят, равно как и о том, что всем этим бестелесные силы обнаруживают свое изумление и ужас. Чем они мудрее, чем ближе нас к неизреченному и блаженному Существо, тем более нас знают непостижимость Его; потому что высшая степень мудрости производит высшую степень благоговения. Я сказал вам, что такое неприступное, сказал, что оно значит гораздо более, чем непостижимое, присовокупил и причину, состоящую в том, что непостижимое оказывается непостижимым после исследования, а неприступное не допускает и приближения и начала исследования, приведши пример моря. Заметил я, что Павел не сказал о Боге: будучи светом неприступным, но: *во свете живый не приступнем* (1 Тим. VI, 15); а если жилище неприступно, то тем более - живущий в нем Бог. Это говорил Павел не для того, чтобы ограничить Бога местом, но чтобы точнее выразить непостижимость и неприступность Его. Указал я и на другие силы, на херувимов, и сказал, как над ними являлась твердь, кристалловый камень, подобие престола, вид человека, илектр, огонь, дуга; и после всего этого пророк сказал: *сие видение подобие славы Господни* (Иезек. II, 1). Во всем этом я показал вам снисхождение Божие, которое однако невыносимо и для вышних сил.

2. Не напрасно я повторяю это, но потому, что считаю себя вашим должником в том, что обещал вам, и хочу узнать с точностью, что я заплатил и что еще осталось. Так поступают и должники при уплате займа: взяв расписку, где записан весь счет, и показав своим заимодавцам, они уплачивают остальное. Посему и я, раскрыв память нашей души, как бы книгу, и указав словом, как бы перстом, на преподанное, перехожу теперь к остальному. Что же осталось? Осталось доказать, что ни начала, ни власти, ни господства, ни какая-либо другая сотворенная сила не имеет точного понятия о Боге. Есть и другие силы, которых мы не знаем и по именам. Представьте же безумие еретиков: мы не знаем даже имен рабов, а они исследуют самое существо Владыки. Есть ангелы и архангелы, престолы и господства, начала и власти; но не одни эти сонмы существуют да небесах, а бесконечные полчища и неисчислимые племена, которых не может изобразить никакое слово. Откуда же известно, что кроме этих сил есть много других, которых мы не знаем и по именам? Павел, сказав о первых, упоминает и о вторых, выражаясь о Христе так: *Посадил Его превыше всякого начальства и власти и силы и всякого имене, именуемого не точию в веце сем, но и во грядущем* (Ефес. I, 21). Видите ли, что есть некоторые имена, которые будут известны там, а теперь неизвестны? Поэтому Павел и сказал: *не точию в веце сем именуемые, но и во грядущем*. И удивительно ли, что они не имеют точного понятия о существе (Божием)? Это доказать нисколько не трудно; так как и о многих из дел домостроительства Божия не знают вышние силы, начала, власти, господства. А это я докажу словами апостола, что некоторые из них вместе с нами узнали о делах домостроительства Его, о которых раньше нас не знали, и не только узнали вместе с вами, но и чрез нас. *Во инех родех не сказася, говорит апостол, якоже ныне открыся святым Его апостолом и пророком, быти языком наследником и стелесником и спричастником обетования Его, - а обетования даны были иудеям, - благовествованием, ему же бых аз Павел служитель* (Ефес. III, 5-7). Откуда же видно, что вышние силы узнали об этом

только ныне? Приведенные слова относятся к людям. Послушай. *Мне меньшему всех святых*, говорит апостол, *дана бысть благодать сия, во языцех благовестити неисследованное богатство Христово* (ст. 8). Что значит: *неисследованное*? То, что не может быть найдено, и не только не может быть найдено, но даже и исследуваемо. Пусть эти (еретики) опять послушают, как часто и непрерывно он бросает в них стрелы. Если *богатство неисследимо*, то как может быть не неисследимым Податель богатства? *И просветити всех, что есть смотрение тайны сокровенные в Бозе, да скажется ныне началом и властем церковию многоразличная премудрость Божия* (ст. 9, 10). Слышишь ли, что небесные силы узнали все это теперь, а не прежде? Что замышляет царь, того не знает щитоносец. *Да скажется ныне началом и властем церковию многоразличная премудрость Божия*. Посмотри, какая честь оказана человеческому роду: вместе с нами и чрез нас вышние силы узнали тайны Царя. Но откуда видно, что апостол говорит здесь о небесных силах? Началами и властями он называет иногда и демонов: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего* (Еф. VI, 12). Не о демонах ли и здесь говорит он, что они тогда узнали об этом? Нет, он говорит о вышних силах; сказав: *началом и властем*, он присовокупил: *на небесных*. Эти начала и власти - небесные, а те начала и власти поднебесные, поэтому он называл последних и *миродержителями*, выражая, что небо для них недоступно и что всю свою власть они обнаруживают в здешнем мире.

3. Видишь ли, что небесные силы узнали это вместе с нами и чрез нас? Но теперь я поведу речь в уплату долга и покажу, что существа Божия не знают ни начала, ни власти. Кто говорит об этом? Уже не Павел, не Исаия, не Иезекииль, но другой святой сосуд, сам сын грома, возлюбленный ученик Христов Иоанн, возлежавший на персях Господних и почерпавший из них божественные струи. Что же говорит он? *Бога никтоже виде нигдеже* (Иоан. I, 18). По истине - сын грома: издал голос громче трубы, который может пристыдить всех прекословящих. Однако обратим внимание и на то, что, по-видимому, противоречит этому. Что, скажи мне, вещаешь ты, Иоанн? *Бога никтоже виде нигдеже*? Что же нам думать, когда пророки говорят, что они видели Бога? Так Исаия говорит: *видех Господа сядяща на престоле высоце и превознесенне* (Иса. VI, 1); также и Даниил: *зрях, дондеже престолы поставишася, и Ветхий денми себе* (Дан. VII, 9); и Михей: *видех Господа Бога Израилева, сядящего на престоле своем* (3 Цар. XXII, 19); и еще другой пророк: *видех Господа, стояща на жертвеннице, и рече (ми): порази очистилище* (Амос. IX, 1). И много можно собрать таких свидетельств. Как же Иоанн говорит, что *Бога никтоже виде нигдеже*? Нужно знать, что он говорит о точном понятии и ясном видении. А все, виденное пророками, было снисхождением, и никто из них не созерцал чистого существа Божия, как видно из того, что каждый из них созерцал Бога различным образом. Бог есть существо простое, не сложное и не имеющее образа; а они все видели Его под различными образами. Это также объявляет Бог чрез другого пророка, и удостоверяя, что пророки видели не чистую сущность, говорит: *Аз видения умножих и в руках пророческих уподобихся* (Ос. XII, 10); не самую сущность Мою показывал Я, говорит Он, но снисходил приспособительно к немощи созерцавших. Притом Иоанн говорит не о людях только, что *Бога никтоже виде нигдеже*; это известно было и из вышесказанного, т. е. из пророческого изречения, в котором говорится: *Аз видения умножих и в руках пророческих уподобихся*, и из ответа, данного Моисею; именно, когда Моисей желал видеть Бога лицом к лицу, то Он сказал ему: *не узрит человек лице Мое, и жив будет* (Исход. XXXIII, 20). Таким, образом это уже было известно нам и не подлежало сомнению. Итак, не об одном нашем роде, но и вышних силах говорит Иоанн: что *Бога никтоже виде нигдеже*: поэтому он и указывает на Единородного, как на учителя этого догмата. Чтобы кто-нибудь не сказал: откуда это известно? - он присовокупляет: *Единородный Сын сый в лоне Отчи, той исповеда* (Иоан. I, 18), приводя достоверного свидетеля и учителя этого догмата. Если бы он хотел объяснить нам изречение Моисеево, то излишне было бы

говорить, что Единородный исповедал это; не сказал бы он: *Единородный, той исповеда*, потому что еще прежде, нежели произнес это Иоанн, наученный Единородным, возвестил нам о том же пророк, наученный Богом. А так как Иоанн хотел открыть нам нечто большее сказанного прежде, именно то, что и вышние силы не видят Бога, то он и приводит учителем Единородного. Под *видением* же здесь разумей знание; у бестелесных сил нет ни зрачков, ни глаз, ни ресниц; но что у нас видение, то у них знание. Таким образом, когда ты слышишь, что *Бога никтоже виде нигдеже*, разумей то, что никто не познал Бога по существу, во всей точности. И когда услышишь о серафимах, что они закрывали глаза и отвращали взоры, и о херувимах, что они делали то же самое, не думай, что у них есть глаза или зрачки: - это принадлежности тел; - но веруй, что чрез это пророк указывает на их знание. Когда пророк говорит, что они не могли видеть снисходящего Бога, то понимает не что иное, как то, что они не могут воспринять ясного знания о Нем и точного постижения, и не дерзают пристально смотреть не только на чистое и совершеннейшее существо, но и на самое снисхождение Его. А пристально смотреть значит знать. Поэтому Евангелист, признавая, что человеческой природе несвойственно знать это, и что Бог непостижим даже для вышних сил, выставляет нам учителем этого догмата Самого сидящего одесную Бога и знающего это в точности. Притом он не просто сказал: *Сын*, хотя и этого слова было бы достаточно для того, чтобы заградить уста бесстыдных; ибо как много называвшихся христами, но истинный Христос один, и много называвшихся господами, но Господь один, и много называвшихся богами, но Бог один; так многие называются и сынами, но Сын один, и прибавка члена (о) достаточно может показать преимущество Единородного. Однако евангелист не удовольствовался этим, но сказал: *Бога никтоже виде нигдеже*, присовокупил: *Единородный Сын, сый в лоне Отчи, той исповеда*. Сначала он сказал: *Единородный*, а потом: *Сын*; потому что многие по общности этого названия уничтожают Его славу, почитая Его одним, из многих (сынов), так как название *Сын* есть общее всем. Посему апостол сначала поставил название: *Единородный*, как принадлежащее Ему исключительно, собственно, и несвойственное никому другому, чтобы ты был уверен, что и то общее название (Сын) не есть общее, но Его собственное, исключительное и никому другому не свойственное так, как Ему.

4. Чтобы пояснить сказанное мною, я раскрою то же самое полнее. Название *сын* принадлежит и людям, принадлежит и Христу, но нам не собственно, а Ему собственно; название же *единородный* принадлежит только Ему, никому другому не принадлежит даже и несобственно. Итак, чтобы из названия, не принадлежащего никому, кроме Его одного, ты заключил, что и другое название, принадлежащее многим, есть Его собственное, апостол сначала сказал: *Единородный*, а потом: *Сын*. Если же для тебя недостаточно и этого, говорит он, то я приведу еще третье (понятие), хотя простое и человеческое, однако такое, которое может и пресмыкающихся по земле возвести к мысли о славе Единородного. Какое же это? *Сый в лоне Отчи*. Выражение простое, но достаточное для означения близости, если мы будем понимать его богоприлично. Как слыша о престоле и сидении одесную, ты представляешь не престол, не место и не очертание, но под названием престола и общением в сидении разумеешь одинаковость и равенство чести; так и слыша о лоне, представляй не лоно и не место, но под названием лона разумей близость и дерзновение Сына в отношении к Родившему. Пребывание в лоне гораздо яснее, нежели сидение одесную, открывает и изображает нам близость Его к Родившему; потому что ни Отец не мог бы иметь Сына в своем лоне, если бы Он был не одного и того же с Ним существа, ни Сын не перенес бы пребывания в лоне Отчем, если бы существо Его было ниже. Посему, так как Сын и Единородный, пребывающий в лоне Отчем, в точности знает все Отчее, то Евангелист и употребил эти слова, чтобы представить точное знание Сына об Отце; потому что речь была о знании; а если это не так, то для чего упомянуто лоно? Если Бог не есть существо телесное, как и действительно Он не таков, и если приведенное выражение не указывает ни на сродство,

ни на близость к Родившему, то оно поставлено без причины и напрасно, не доставляя нам никакой пользы. Но оно поставлено не напрасно, - нет, Дух ничего не вещает напрасно, а показывает близость Сына к Отцу. Евангелист, изрекая ту великую истину, что и вышние твари не видят Бога, т. е. не знают Его в точности, и желая представить достоверного учителя этой истины, употребляет приведенные слова, чтобы ты верил во всем Ему, как Сыну, как Единородному и как пребывающему в лоне Отчем, и ни в чем уже не сомневался. Если бы никто не оказался столь бесстыдным, чтобы спорить, то я сказал бы, что это слово доказывает и вечность. Как в словах, сказанных Моисею: *Аз есмь сый* (Исход. III, 14), мы разумеем вечность; так и в этом изречении: *Сый в лоне Отчи*, можно разумеет вечное существование Сына в лоне Отца. Итак, всем этим у нас доказано, что существо Божие непостижимо для всякой твари; затем остается доказать, что только Сын и Дух Святой знают Его со всею точностию. Но, отлагая это до другой беседы, чтобы множеством сказанного не обременить памяти, я опять предложу обычное увещание. Какое же у нас было обычное увещание? Пребывать в непрестанной молитве трезвенным умом и бодрственною душою. Беседуя и прежде об этом, я видел во всех готовность к послушанию; посему странно было бы, обличая беспечных, не хвалить исправных. Итак, я хочу сегодня похвалить вас и воздать вам благодарность за послушание. А эта благодарность будет состоять в том, что я объясню вам, почему та молитва бывает прежде прочих, и для чего диакон повелевает тогда вводить бесноватых и одержимых злым неистовством и наклонять им головы. Для чего же он делает это? Демонское обладание составляет узы тяжкие и мучительные, узы крепчайшие всякого железа. Как в то время, когда выходит судья и намеревается сесть на возвышенном месте, темничные стражи выводят из здания всех содержимых в темнице и помещают их за решетками и занавесами судилища, неопрятных, нечистых, обросших волосами, одетых в рубища; так точно, по установлению отцов, в то время, когда Христос имеет явиться в таинствах и как бы сесть на возвышенном месте, приводятся бесноватые, как бы какие узники, не для того, чтобы они отдали отчет в преступлениях, как те узники, и подверглись наказанию и мучению, но чтобы в присутствии народа и всего города внутри (храма) совершались о них общие молитвы, чтобы все единодушно умоляли о них общего Владыку и с сильным воплем просили помиловать их.

5. Прежде я обличал тех, которые не остаются на такую молитву и проводят это время вне храма; теперь же я хочу обличить находящихся внутри храма, не за то, что они находятся внутри, но за то, что они, оставаясь здесь, бывают несколько не лучше пребывающих вне, разговаривая между собою в столь страшное время. Что делаешь ты, человек? Видишь, сколько твоих братьев как бы в узах стоят около тебя, и разговариваешь о предметах посторонних? Неужели одного вида их недостаточно, чтобы поразить тебя и расположить к состраданию? Брат твой - в узах, а ты - в беспечности? Какое же, скажи мне, может быть прощение тебе, столь бесчувственному, столь бесчеловечному, столь жестокому? Как ты не боишься, чтобы в то время, когда ты разговариваешь, предаешься беспечности и рассеянности, какой-нибудь демон, выскочив оттуда и нашедши твою душу праздною и пустою, не вошел беспрепятственно в дом твой, увидев его оставленным без дверей? Не следует ли в этот час всем вместе проливать источники слез, всем смотреть плачущими глазами и во всей церкви происходить сетованиям и воздыханиям? После приобщения таинств, после принятия бани возрождения, после сочетания со Христом, этих агнцев волк успел похитить из стада и удержать их у себя; а ты, видя такое несчастье, не плачешь? Достойно ли это прощения? Ты не хочешь сострадать брату? По крайней мере страшись за себя самого и бодрствуй. Если бы ты увидел горящим дом своего соседа, то скажи мне, хотя бы этот сосед был злейшим из всех твоих врагов, не побежал ли бы ты гасить пожар, опасаясь, чтобы огонь, распространяясь далее, не дошел и до твоих дверей? Точно также рассуждай и о бесноватых; демонское обладание есть жестокий пламень и пожар. Смотри, чтобы демон, пролагая себе дорогу, не занял и твоей души, и, когда заметишь его

присутствие, с великим усердием прибегни ко Владыке, чтобы демон, увидев душу твою пламенною и бодрствующею, признал твой ум недоступным для себя. Если он увидит тебя рассеянным и беспечным, то скоро вселится в тебя, как в пустое жилище; а если увидит тебя внимательным, бодрствующим и стремящимся к небесам, то не дерзнет даже смотреть на тебя. Итак, если ты презираешь братьев, то побереги по крайней мере себя самого, и загради лукавому демону вход в твою душу. А ничто так обыкновенно не ограждает вас от нападения, как молитва и усердное прошение. Это именно и повелевает всем диакон, когда говорит: *прости станем добре*; и это установлено не напрасно и не без причины, но для того, чтобы мы возвышали пресмыкающиеся по земле помыслы, чтобы, отвергнув рассеянность, происходящую у нас от забот о предметах житейских, могли представить душу свою прямо стоящею пред Богом. А что это справедливо, и что слово это относится не к телу, а к душе, и повелевает исправлять ее, можем узнать и от Павла, который употребил это выражение в том же смысле. В послании, обращаясь к людям павшим и отчаявшимся под бременем несчастий, он говорил: *ослабленные руки и ослабленная колена исправите* (Евр. XII, 12). Что же мы скажем? Неужели он говорит о руках и коленях телесных? Нет, он беседует не с скороходами и не с борцами, но убеждает этими словами восстановить силу внутренних помыслов, ослабевшую от искушений. Представь, близ кого ты стоишь, с кем будешь призывать Бога: с херувимами! Подумай, с кем вместе ты ликуешь, и этого достаточно будет для возбуждения в тебе бдительности, когда вспомнишь, что ты, облеченный телом и связанный плотию, удостоен прославлять общего всем Владыку вместе с бесплотными силами. Итак, никто с рассеянною душою пусть не участвует в этих священных и таинственных песнопениях, никто пусть не имеет в себе житейских помыслов в такое время, но, изгнав из души все земное, переселив всего себя на небо и как бы стоя близ самого престола славы и воспаряя вместе с серафимами, пусть каждый возносит всесвятую песнь Богу славы и величия. Для того и повелевается нам *стоять добре* в это время; ибо *стоять добре* значит не что иное, как стоять так, как следует человеку стоять пред Богом, со страхом и трепетом, с трезвенною и бодрственною душою. А что и это изречение относится к душе, объясняет также Павел, когда говорит: *тако стойте о Господе, возлюбленнии* (Фил. IV, 1). Как стрелок, желая метко пускать стрелы, прежде всего заботится о своем положении, старается стать прямо против цели и тогда начинает пускать стрелы; так и ты, намереваясь стрелять в злую голову диавола, сначала позаботься о состоянии своих помыслов, чтобы, приняв прямое и удобное для себя положение, успешно пускать в него стрелы.

6. Это о молитве. Но так как диавол придумал, кроме нерадения в молитвах, еще некоторое другое весьма прискорбное зло, то нужно заградить для него и этот вход. Какое же зло придумал лукавый демон? Видя, что вы соединены как бы в одно тело и слушаете проповеди с великим усердием, он не посмел подослать кого-нибудь из своих слуг, чтобы их советами и внушениями отвлек вас от слушания, так как знал, что никто из вас не допустит таких советников; но он вмешал в вашу толпу каких-то разбойников и карманных воров и настроил их похищать у многих, часто собирающих сюда, завязанное в их кошельках золото; это случалось здесь нередко и со многими. Итак, чтобы этого не было и чтобы потеря денег со временем не погасила ревности к слушанию, если многие будут подвергаться этому, я прошу и убеждаю всех вас, чтобы никто не входил сюда, имея при себе золото; ваше усердие к слушанию не должно служить для них поводом к злодеянию, и получаемое вами удовольствие от пребывания здесь не должно отравляться кражею денег. Диавол устроил это не для того, чтобы сделать вас бедными, но чтобы потеря денег, тяжко огорчая вас, отвлекала от ревности к слушанию. Так и Иова он лишил всего имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы отклонить его от благочестия. Диавол заботится не о том, чтобы отнимать деньги (он знает, что деньги - ничто), - но чтобы лишением денег вовлечь душу в грех; и если он не в состоянии будет сделать этого, то будет считать себя неуспевшим ни в чем. Итак, когда он отнимает у тебя

золото или при помощи хищников, или каким-нибудь другим способом, ты, возлюбленный, зная его намерение, прославь Владыку; тогда ты приобретешь более, чем потерял, и нанесешь врагу двойной удар, - тем, что не огорчился, и тем, что возблагодарил (Бога). Если он увидит, что потеря денег сокрушает тебя и побуждает роптать на Владыку, то никогда не перестанет делать тоже; а если увидит, что ты не только не хулишь создавшего тебя Бога, но и благодаришь Его при каждом случающемся бедствии, то перестанет подвергать тебя искушениям, поняв, что искушение бедствиями служит для тебя поводом к благодарности и приготовляет тебе светлейшие венцы и большие награды. Тоже было и с Иовом. Когда диавол, отняв у него имущество и поразив его тело, увидел его приносящим благодарение (Богу), то не посмел более приступать, но потерпел постыдное и решительное поражение и отступил, сделав подвижника Божия более славным. Зная это, будем и мы бояться только одного - греха, а все прочее переносить мужественно, хотя бы постигла нас потеря имущества, или телесная болезнь, или неуспех в делах, или оскорбление, или клевета, или какое-нибудь другое бедствие; все это не по свойству своему таково, что не только не повредит нам, но может принести нам величайшую пользу, если мы будем переносить это с благодарностью, и доставит нам большие награды. Ты знаешь, что и Иов после того, как увенчался всякими венцами терпения и мужества, получил вдвойне все потерянное. А ты получишь все не вдвойне и не втройне, но во сто крат больше, если будешь переносить несчастье мужественно и наследуешь жизнь вечную, которой да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

О непостижимом.

ЕСЛИ кто намеревается говорить о предмете обширном, который требует продолжительных рассуждений и вполне разъясняется не в один, два или три дня, но в более продолжительное время, тот должен, по моему мнению, предлагать учение уму слушателей не все вдруг и за один раз, но разделить целое на многие части и чрез такое раздробление сделать бремя речи легким и удобоприемлемым. Наш язык, и слух, и каждое из наших чувств имеют свою меру, законы и назначенные им пределы, и если кто решается когда-нибудь преступить эти пределы чувств, то лишается и присущей им силы. Что приятнее света, скажи мне? Что радостнее солнечных лучей? Однако это приятное и радостное становится неприятным и тягостным, когда действует на глаза наши чрез меру. Для того Бог и определил после дня следовать ночи, чтобы она, приняв утомленные глаза наши, сомкнула веки, усыпила зрачки, успокоила ослабевшую у нас зрительную силу и сделала ее способнейшею к созерцанию следующего дня. Поэтому бодрствование и сон, противоположные друга другу, при умеренности одинаково приятны, и, называя приятным свет, мы называем приятным также и сон, разлучающий нас со светом. Так неумеренное всегда тягостно и неприятно, а умеренное приятно, полезно нам и отрадно. Посему и я, продолжая речь о непостижимом уже четвертый или пятый день, и сегодня не намерен окончить ее, но, предложив вам, возлюбленные, умеренную беседу об этом, думаю опять дать отдохновение уму вашему. На чем же мы ранее остановили речь? Необходимо продолжить ее с того места; потому что учение следует в непрерывном порядке. Тогда мы говорили, что сын грома сказал: *Бога никтоже виде нигдеже: Единородный Сын, сый в лоне Отчи, той исповеда* (Иоан. I, 18). Сегодня надобно узнать, где исповедал это сам Единородный Сын Божий. *Отвеща* Иисус иудеям, говорит

евангелист, и рече: не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца (Иоан. VI, 43, 46). Здесь опять *видением* Он называет знание. Сказал не просто: *никто не знает Отца*, и замолчал, чтобы кто-нибудь не подумал, что это говорится только о людях; но желая показать, что ни ангелы, ни архангелы, ни вышние силы (не знают Отца), Он объяснил это прибавлением; ибо сказав: *не яко Отца видел есть кто*, Он присовокупил: *токмо сый от Бога, сей виде Отца*. Если бы Он сказал просто: *никто*, то многие из слушателей, может быть, подумали бы, что это сказано только о нашем роде; а теперь, сказав: *никто*, и прибавив: *токмо Сын*, этим прибавлением Единородного Он исключил всякую тварь. Неужели, скажут, Он исключил и Духа Святого? Нет, так как Дух не есть часть творения. Слово *никто* всегда употребляется для исключения одной только твари. Равным образом, когда говорится об Отце, то не исключается Сын, и когда говорится о Сыне, то не исключается Дух. А чтобы здесь показать, что слово: *никто* сказано не для исключения Духа, но для изъятия твари, послушаем, как о том же самом знании, которое приписывается одному Сыну, говорит Павел в беседе с Коринфянами. Что же говорит он? *Кто бо вестъ яже в человеце, точию дух человека живуций в нем? Такжеже и Божия никтоже вестъ, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11). Как здесь слово: *никто* не исключает Сына, так и изреченное Христом слово: *никто* не исключает Духа Святого. Отсюда очевидна истина сказанного. Если бы в словах: *никто не видел Отца, токмо сый от Бога*, исключался Дух, то напрасно Павел говорил бы, что как человек знает находящееся в нем самом, так и Дух Святой с точностию знает сущее в Боге. В таком же смысле употребляется и слово *един*, оно имеет одинаковое с тем значение и силу. Смотри: *един*, говорит апостол, *Бог Отец, из Него же вся, и един Господь Иисус Христос, Имже вся* (1 Кор. VIII, 6). Если наименование Отца *единым Богом*, исключает Сына из Божества, то и наименование Сына *единым Господом* исключает Отца из господства; но Отца не исключают из господства слова: *един Господь Иисус Христос*, следовательно и Сына не исключают из Божества слова: *един Бог Отец*.

2. Если же опять скажут, что Отец называется *единым Богом* потому, что Сын, хотя и есть Бог, но не такой Бог, как Отец; то из тех самых положений, которые допускают еретики (а мы не сказали бы этого), следовало бы, что Сын называется *единым Господом* потому, что Отец, хотя есть и Господь, но не такой Господь, как Сын. Если же последнее нечестиво, то и первое неосновательно. Напротив, как выражение: *един Господь* не исключает Отца из истинного господства и не приписывает господства одному только Сыну; так и выражение: *един Бог* не исключает Сына из истинного, существенного и совершенного Божества, и не показывает, что оно принадлежит только Отцу. А что Сын есть Бог и такой же Бог, как Отец, оставаясь впрочем Сыном, это видно из самого прибавления. Если бы имя *Бог* принадлежало только Отцу и не могло указывать нам на другую Ипостась, кроме одной нерожденной и первой Ипостаси, для которой одной оно было бы собственным и отличительным именем, то излишне было бы прибавлено слово *Отец*; тогда достаточно было бы, сказать *един Бог*, и мы поняли бы, о ком говорится. Но так как имя *Бог* есть общее для Отца и Сына, и сказав: *един Бог*, Павел не определил бы, о ком он говорит, то ему нужно было прибавить: *Отец*, чтобы показать, что он говорит о первой и нерожденной Ипостаси, так как название *Бог* не могло именно на нее указывать, потому что оно есть общее у Отца с Сыном. Одни из этих имен суть общие, а другие собственные; общие употребляются для того, чтобы показать безразличие существа, а собственные для того, чтобы означить свойство Ипостасей. Имена: *Отец* и *Сын* суть собственные имена каждой Ипостаси; а имена *Бог* и *Господь* - общие. Итак поставив общее имя: *един Бог*, апостол должен был прибавить и собственное имя, чтобы ты знал, о ком он говорит и чтобы нам не впасть в безумие (еретика) Савеллия. А что имя *Бог* не больше имени *Господь*, и имя *Господь* не меньше имени *Бог*, видно из следующего. Во всем Ветхом Завете Отец непрестанно называется Господом. *Господь Бог твой*, говорится, *Господь един есть* (Втор. VI, 4); и еще: *Господу Богу твоему поклонишия, и тому единому*

послужиши (Втор. VI, 13); и еще: *велий Господь наш и велия крепость Его, и разума Его несть числа* (Псал. CXLVI, 5); и еще: *да познают, яко имя тебе Господь, ты един вышний по всей земли* (Псал. LXXXII, 19). А если бы имя *Господь* было меньше имени *Бог* и недостойно этого существа, то не следовало бы говорить: *да познают, яко имя тебе Господь*. Также, если бы имя *Бог* было больше и досточтимее имени *Господь*, то не следовало бы Сыну, Который, по их мнению, менее Отца, называться именем, принадлежащим Отцу, таким, которое было бы собственным именем одного только Отца. Но это не так, не так. И Сын не менее Отца, и имя *Господь* не ниже имени *Бог*. Посему Писание и употребляет эти названия безразлично и об Отце и о Сыне. Вы слышали, что Отец называется Господом; теперь мы покажем вам, что и Сын называется Богом. *Се дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог* (Ис. VII, 14; Матф. I, 2). Видишь ли, что и Отцу принадлежит имя *Господь*, и Сыну имя *Бог*? Как там сказано: *да познают, яко имя Тебе Господь*; так и здесь говорится: *нарекут имя ему Еммануил*. И еще: *отроча родися нам, сын и дадеся нам и нарицается имя его: велика совета Ангел, Бог крепкий, властелин* (Ис. IX, 6). Обрати внимание на благоразумие и духовную мудрость пророков. Чтобы, сказав просто: *Бог*, не внушить мысли, будто они говорят об Отце, они сначала упоминают о домостроительстве, так как, конечно, не Отец родился от Девы и был отроком. И другой пророк говорит о Нем таким же образом: *сей Бог наш, не вменится ин к Нему* (Варух. III, 36). Но о ком он говорит это? Не об Отце ли? Нет; потому что и он, послушай, как упоминает о домостроительстве. Сказав: *сей Бог наш, не вменится ин к Нему*, он присовокупил: *изобрете всяк путь хитрости, и даде ю Иакову отроку своему и Израилю возлюбленному от Него: по сем на земли явися и с человеки поживе* (ст. 37. 38). А Павел говорит: *от нихже Христос по плоти, сый над всеми Бог, благословен во веки, аминь* (Рим. IX, 5); и еще: *всяк блудник, или лихоимец не имать достояния в царствии Христа и Бога* (Ефес. V, 5); и еще: *явления великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 13). Так же называет Его и Иоанн, изрекая: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу и Бог бе Слово* (Иоан. I, 1).

3. Так, скажут, но ты покажи и те места, где Писание, упоминая о Сыне вместе с Отцем, называет Отца Господом. А я покажу не только это, но и то, что Писание и Отца называет Господом и Сына Господом, также называет Отца Богом и Сына Богом, поставляя вместе оба имени. Где же можно найти это? Христос, беседуя некогда с иудеями, говорит: *что вам мнится о Христе? Чий есть Сын? Глаголаша Ему: Давидов. Глагола им: како убо Давид духом Господа Его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Матф. XXII, 42-44)? Вот Господь и Господь. Хочешь ли знать, где Писание говорит Об Отце вместе с Сыном, называет их Богом и Богом? Послушай пророка Давида и апостола Павла, которые показывают нам это. *Престол твой, Боже, в век века, жезл правости, жезл царствия твоего: возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза тя, Боже, Бог твой елеем радости паче причастник твоих* (Псал. XLIV, 7, 8). И Павел также привел это свидетельство в словах: *ко ангелом своим глаголет: творяй ангелы своя духи: к Сыну же: престол Твой, Боже, в век века* (Евр. I, 7, 8). Но скажут, почему же, в упомянутом месте (1 Кор. VIII, 6) Павел назвал Отца Богом, а Сына Господом? Там он сделал это не напрасно и не без причины, а потому, что у него была речь к язычникам, страдавшим многобожием. Чтобы они не могли сказать ему: обвиняя нас за то, что мы признаем многих богов и многих господ, ты сам подлежишь тому же обвинению, когда говоришь о богах, а не о Боге; поэтому Павел, снисходя к их немощи, называет Сына другим именем, имеющим одинаковую силу. А что это истинно, для убеждения я прочитаю это место повыше, и вы ясно увидите, что сказанное не есть моя догадка. *О идоложертвенных же вемы, яко вси разум имамы: разум убо кичит, а любы созидает: о ядении же идоложертвенных вемы, яко идол ничто же есть в мире и яко никто же Бог ин токмо един* (1 Кор. VIII, 1-4). Видишь ли, что он говорит это, обращаясь к тем, которые признавали многих богов? *Аще бо и суть глаголемии бози мнози, или на*

небеси или на земли (опять он восстает против них), *яко же суть бози мнози и господие мнози*, т. е. так называемые боги; *но нам един Бог Отец, из Него же вся, и един Господь Иисус Христос, Имже вся* (ст. 5, 6). Для того он и присовокупил слово: *един*, чтобы они не подумали, будто опять вводится многобожие; он назвал Отца *единым Богом*, не исключая Сына из Божества, равно как и Сына назвал *единым Господом*, не исключая Отца из Господства, но исправляя недостаток слушателей и не желая подавать им какого-либо повода к заблуждению. Это было причиною и того, что пророки не ясно и открыто, но темно и редко возвещали иудеям о Сыне Божиим. Едва только избавившись от многобожного заблуждения, иудеи снова подверглись бы той же болезни, если бы опять услышали о Боге и Боге. Посему пророки везде непрестанно говорят, что Бог *един, и несть разве Его* (Втор. IV, 35; Иса. XLV, 5, 21), говорят, не отвергая Сына, - да не будет, - но желая исцелить немощь иудеев и отклонить их от мысли о многих и мнимых богах. Итак когда ты услышишь слова: *един и несть иного* и другие подобные, то не унижай славы Троицы, но из этих выражений заключай о расстоянии между Ею и тварию; ибо в другом месте сказано: *кто бо разуме ум Господень* (Иса. XL, 13. Римл. XI, 34)? А что здесь также не отрицается разумение ни в Сыне, ни в Духе, это объяснено уже сказанным ранее, когда мы приводили в свидетельство слова: *кто бо вестъ яже в человеце, точию дух человека живущий в нем? Такжеже и Божия никтоже вестъ, точию Дух Божий* (1 Кор. II, 11): Также и Христос говорит: *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын* (Матф. XI, 27). Так и в следующих словах: *не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца* (Иоан. XI, 46). Сказав, что он знает Отца с точностию, Христос вместе с тем привел и причину, почему Он знает. Какая же эта причина? Бытие от Него; а доказательством бытия от Него служит опять то, что Он знает Отца с точностию; ибо потому Он знает Отца совершенно, что имеет бытие от Него; признаком же бытия от Него служит совершенное знание Его. Никакое существо не может хорошо знать высшего существа, хотя бы между ними было и малое расстояние. Послушай, что говорит пророк об ангелах и человеческом роде, как не велико различие между ними. Сказав: *что есть человек, яко помниши его, или сын человекъ, яко посещаеши его*, он присовокупил: *умалил еси его малым чим от ангел* (Псал. VIII, 5, 6). И однако, так как несомненно есть между ними некоторое расстояние, хотя и малое, мы не знаем с точностию существа ангелов и не можем узнать его, сколько бы ни размышляли о нем.

4. Но что я говорю об ангелах, когда мы не знаем хорошо, или вернее, нисколько не знаем даже сущности нашей души? А если те будут спорить, будто знают ее, то спроси, что такое душа по существу: воздух ли, или дыхание, или ветер, или огонь? Они скажут, что душа не есть ни одна из этих вещей, потому что все они телесны, а душа бестелесна. Итак они не знают ни ангелов, ни собственных своих душ, а утверждают, будто знают с точностию Владыку и Создателя всего? Что может быть хуже такого безумия? Но для чего я говорю: что такое душа по существу? Даже и того нельзя сказать, как она находится в нашем теле. Что можно сказать об этом? То ли, что она распространяется по составу тела? Но это нелепо; потому что это свойственно телам; а к душе это не относится, как видно из того, что часто и по отсечении рук и ног она остается целою и нисколько не сокращается от искажения тела. Или она не находится во всем теле, а сосредоточена в какой-нибудь его части? В таком случае прочие части необходимо должны быть мертвыми; потому что бездушное совершенно мертво. Но и этого сказать нельзя. Таким образом то, что душа существует в нашем теле, мы знаем, а как она существует, этого не знаем. Познание о ней Бог сокрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас. Впрочем, чтобы нам не доказывать этого соображениями разума, мы опять обратимся к Писанию. *Не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца* (Иоан. VI, 46). Что же из этого? - скажут, - этим

изречением еще не приписывается Сыну совершенное знание. То, что тварь не знает Отца, Он выразил в словах: *не яко Отца видел есть кто*, и то, что Сын знает Его, Он также выразил в прибавлении: *токмо сый от Бога, сей виде Отца*; но что он знает Отца совершенно и так, как самого Себя, это еще не доказано. Можно думать, скажут, что вполне не знает Его ни тварь, ни Сын, и что Сын, хотя имеет понятие об Отце более ясное, нежели тварь, но также несовершенно. То, что Он видит Отца, каков Он есть, и знает Его, Он сказал; а что Он знает Его совершенно и так, как самого Себя, этого еще не объявил. Но хотите ли, я докажу и это Писаниями, и именно изречением самого Христа? Послушаем, что говорит Он к иудеям: *якоже знает мя Отец, и аз знаю Отца* (Иоан. X, 15). Какого еще хочешь ты знания совершеннее этого? Спроси возражающего: совершенно ли Отец знает Сына и точно ли имеет всякое знание о Нем, так что ничто не сокрыто от Него касательно Сына, но *Ему* принадлежит полное знание? Да, скажет он. Итак, когда ты услышишь, что и Сын знает Отца так, как Он - Сына, не ищи больше ничего, когда знание их совершенно одинаково. Тоже самое выражает Он и в другом месте, когда говорит: *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти* (Матф. XI, 27). А открывает Он об Отце не столько, сколько Сам знает, но сколько мы вмещаем. Так поступает не только Христос, но даже Павел, который говорит своим ученикам: *не могох вам глаголати яко духовным, но яко плотяным, яко младенцем о Христе: млеко вы напоих, а не брашном: ибо не уможасте* (1 Кор. III, 1, 2). Но, скажут, он говорил это только коринфянам. А что, если я докажу, что он знал и нечто другое, чего не знал никто из людей, и умер, зная это один из всех людей? Где же сказано об этом? В послании к Коринфянам, где он сам говорит: *слышал неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати* (2 Кор. XII, 4). И однако тот самый, который слышал тогда *неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати*, имел знание частное и гораздо меньшее будущего. Сам он, сказав то, сказал и это: *от части разумеваем, и от части пророчествуем*, и еще: *егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смыслях*, и еще: *вижу ныне яко зеркалом в гадании, тогда же лицем к лицу* (1 Кор. XIII, 9-12). Из этого открывается нам вся лживость еретиков; если самое существо неведомо не в том, что оно существует, а в том, каково оно, то было бы крайне безумно давать ему название. Даже если бы оно было известно и познано, и тогда нам было бы не безопасно самим от себя давать наименование существу Владыки. Если Павел не осмелился дать названия вышним силам, но сказав, что Бог посадил Христа *превыше всякого начальства и власти и силы, и всякого имене именуемого не точию в веце сем, но и во грядущем* (Ефес. I, 21), и научив нас, что есть такие названия сил, которые мы узнаем только в будущем, не дерзнул сам заменить их другими и даже исследовать их, то какого прощения, или какого оправдания могут удостоиться те, которые дерзают поступать так в отношении к существу Владыки? Если самое существо (Божие) неведомо, то надобно удаляться от них, как от сумасшедших. То, что Бог не рожден, известно; а что это название есть название Его существа, этого не сказал никакой пророк, не открыл никакой апостол, никакой евангелист. И это вполне понятно, потому что не зная самого существа, как они могли бы назвать его по имени?

5. Но что я говорю о божественных Писаниях, когда эта нелепость так очевидна и беззаконие так велико, что даже язычники, уклонившиеся от истины, никогда не дерзали сказать что-нибудь подобное? И из них никто не осмелился определить Божественное существо и выразить его одним названием. И что я говорю о Божественном существе, когда они, рассуждая о природе бестелесных существ, даже ее не определили надлежащим образом, но предлагали некоторое темное изображение и описание ее, а не определение? А как еще умничают еретики? Таким образом, говорят они, ты не знаешь того, что почитаешь? На это совсем не следовало бы даже отвечать после того, как из Писаний доказано, что невозможно знать Бога в Его существе; но так как я говорю не по

вражде, а для их исправления, то теперь докажу, что не знают Бога не те, которые не знают Его существа, а те, которые усиливаются познать это существо. Скажи мне: если бы два человека спорили между собою о знании величины неба, и один из них говорил бы, что человеческим глазом невозможно объять его, а другой утверждал бы, что все небо можно измерить пядию руки, то кому из них мы приписали бы знание величины неба, тому ли, кто утверждает, будто знает, сколько в нем пядей, или тому, кто признает свое незнание? Если же тот, кто отступает пред величиною неба, оказывается более знающим эту величину, то как мы не будем относиться с таким же благоговением к Богу? Не крайнее ли это безумие? От нас требуется только знать, что Бог существует, а не исследовать Его существа, о чем послушай, как говорит Павел: *веровати же подобает приходящему Богу, яко есть* (Евр. XI, 6). Также и пророк, осуждая некоторых в нечестии, осуждает не за незнание того, что такое Бог, но за непризнание того, что Бог *существует: рече*, говорит он, *безумен в сердце своем: несть Бог* (Псал. XIII, 1). Итак, если этот безумец оказывается нечестивым не потому, что не знает существа Божия, а потому, что не признает бытия Божия, то для благочестия довольно признавать, что Бог *существует*. Но у них придумано и некоторое другое возражение. Какое же? Сказано, говорят они, что *дух есть Бог* (Иоан. IV, 24). Но разве этим, скажи мне, определяется существо Его? Кто может допустить это, если он хотя сколько-нибудь приближался к дверям божественных Писаний? На таком основании можно было бы сказать, что Бог есть огонь; как написано, что Бог есть дух, так же написано, что *Бог огонь поядай есть* (Евр. XII, 29); а в другом месте, - что Он есть *источник воды живы* (Иер. II, 13); и не только можно было бы сказать, что Бог есть дух, источник и огонь, но и душа, и ветер, и ум человеческий, и многое другое, гораздо более неуместное; не нужно перечислять все и подражать их безумию. Название *дух* означает многое; например - нашу душу, как говорит Павел: *предати такового сатане, да дух спасется* (1 Кор. V, 5); и ветер, как говорит пророк: *духом бурным сокрушиши их* (Псал. XLVII, 8). Тем же именем называется и духовное дарование: *самый дух*, говорит апостол: *спослушествует духови нашему* (Римл. VIII, 16); и еще: *помолюся духом, помолюся же и умом* (1 Кор. XIV, 15). Так же называется и гнев, как говорит Исаия: *не ты ли был еси помышляя духом жестоким убити я* (Иса. XXVII, 8)? Духом называется и помощь Божия: *дух лица нашего помазанный Господь* (Плач. Иер. IV, 20). Всем этим, по их мнению, был бы у нас Бог, и слагался бы из всего этого. Но чтобы нам не пустословить, выставляя на вид не нуждающееся в опровержении, окончим теперь речь против них и всецело обратимся к молитве; и чем более они оказывают нечестия, тем более мы будем просить и молиться о них, чтобы они когда-нибудь оставили свое безумие. *Сие бо приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. II, 3, 4).

6. Итак не перестанем совершать о них моления. Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти. Бывает иногда, что облеченный диадимом страдает горячкою и лежит на постели в воспалении, а около него стоят врачи, копьеносцы, слуги, военачальники, но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услужливость рабов, ни множество лекарств, ни драгоценность убранства, ни изобилие богатства, и ни что другое человеческое не может облегчить постигшей его болезни. Если же войдет кто-нибудь, имеющий дерзновение пред Богом, и только коснется его тела, и вознесет о нем чистую молитву, то вся болезнь исчезает, и таким образом, чего не могли сделать богатство, множество прислужников, опытное искусство и величие царской власти, то часто могла совершать молитва одного бедного и нищего. Впрочем я говорю о молитве не пустой и рассеянной, но возносимой с усердием, из души скорбящей и сердца сокрушенного. Такая молитва восходит к небу; как вода, пока течет по ровной местности и имеет большой простор, не поднимается кверху, а когда руки водопроводчиков снизу

задержат и стеснят ее, то она быстрее всякой стрелы устремляется в высоту, так точно и душа человеческая, пока пользуется большою свободою, развлекается и рассеивается, а когда низменные обстоятельства стеснят ее, то она, выдержав хорошее испытание, возносит горе чистые и усердные молитвы. А чтобы тебе убедиться, что молитвы, совершаемые в скорби, скорее могут быть услышаны Богом, послушай, что говорит пророк: *ко Господу, вневгда скорбети ми, воззвах, и услыша мя* (Псал. СХІХ, 1). Возбудим же свою совесть, опечалим душу памятию о грехах, опечалим не для того, чтобы стеснить ее, а для содействия тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самых небес. Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а ниспустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым; так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с нею слезами, и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия. Между тем какая у многих холодная отговорка? Я не имею дерзновения, говорят они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это - сатанинская стыдливость, это - прикрытие беспечности; этим диавол хочет затворить для тебя двери, ведущие к Богу. Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения; равно как стыд и крайняя опасность - считать себя имеющим дерзновение. Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собою ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всякая молитва твоя не действительна; если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение пред Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собою много великого, ничего великого о себе не думать, чтобы, уподобляясь Павлу и имея возможность сказать: *ничесо же в себе свем*, в то же время говорить: *но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. ІV, 4), и еще: *Христос Иисус прииде грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. I, 15). В том и состоит смиренномудрие, когда кто, будучи высоким по заслугам, смиряет сам себя в уме. Впрочем Бог, по неизреченному Своему человеколюбию, не отвергает от Себя и принимает не только смиренномудрствующих, но и тех, которые искренно исповедуют грехи свои, - бывает милостив и благ даже и к таким людям. А чтобы тебе убедиться, какое великое благо - не мечтать о самом себе ничего великого, представь в уме две колесницы, из которых в одну запряги праведность и высокомерие, а в другую грех со смиренномудрием, и ты увидишь, что колесница греха опередит праведность не собственною силою, но силою, сопряженного с ним смиренномудрия; а колесница праведности отстанет, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомерия. Как смиренномудрие своею превосходною высотой преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо, так высокомерие, по своей великой тяжести и громадности, может пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее вниз.

7. А что первая колесница бывает быстрее последней, вспомни о фарисее и мытаре. Фарисей впряг вместе праведность и высокомерие, и говорил так: *Боже, хвалу тебе воздаю, яко несмь, якоже прочие человецы, хищницы, неправедницы, или якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11). О безумие! Его высокомерие не удовлетворялось сравнением со всем родом человеческим, но с великим неистовством напало и на близ стоявшего мытаря. Что же тот? Он не восстал против поношения, не оскорбился укоризною, но великодушно перенес сказанное, и стрела врага сделалась для него врачевством и исцелением, поношение - похвалою, укоризна - венцом. Так велико благо - смиренномудрие; так полезно - не оскорбляться злословиями других и не раздражаться

обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как и было с мытарем. Претерпев поношение, он очистился от грехов, и сказав: *милостив буди мне грешнику* (Лук. XVIII, 13), *снуде оправдан паче онаго* (ст. 14); слова оказались выше дел, изречениями побеждены деяния. Фарисей выставлял на вид праведность, пост и десятины; а мытарь произнес простые слова, и избавился от грехов, потому что Бог не слова только слышал, но видел и душевное расположение, с которым они были произнесены, нашел его униженным и сокрушенным и помиловал, по Своему человеколюбию. Впрочем это я говорю не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были смиренномудрыми. Если мытарь, человек отличавшийся крайним нечестием, приобрел такое благоволение Божие не смиренномудрием, а только раскаянием, объявлением грехов своих и исповеданием того, чем он был, то какую великую помощь получают от Бога те, которые совершили много добрых дел и ничего великого о себе не думают? Посему прошу, убеждаю и умоляю вас - непрестанно исповедывать свои грехи пред Богом. Я не выставляю тебя на вид пред подобными тебе рабами и не принуждаю открывать грехи людям; раскрой совесть свою пред Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует; Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным, и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения. Три отрока находились в леги, предав душу свою за исповедание Владыки, и однако, после столь великих подвигов, они говорят: *несть нам отверсти уст, студ и поношение быхом рабом твоим и чтущим тя* (Дан. III, 33). Для чего же вы отверзаете уста? Для того, говорят они, чтобы сказать именно это, что *несть нам отверсти уста*, и этим преклонить к себе Владыку. Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города; и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва. Опять я говорю не о той молитве, которая бывает только на устах, но о той, которая возносится из глубины души. Если деревья глубоко пустили свои корни, то их не сокрушат и не вырвут даже бесчисленные напоры ветра, потому что корнями своими они крепко держатся в глубине земли; так точно и молитвы, возносимые из глубины души, имея там свои корни, безопасно возносятся горе и не задерживаются никакими нападениями помыслов. Поэтому и пророк говорит: *из глубины возвах к Тебе, Господи* (Псал. CXXIX, 1). Я говорю все это не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы исполняли и на деле. Если несчастные получают некоторую отраду, высказывая людям свои несчастья и с прискорбием описывая постигшие их бедствия, как будто в словах своих находят некоторое облегчение, то тем более ты получишь облегчение и великое утешение, если откроешь твоему Владыке страдания души своей. Человек часто тяготится тем, кто сетует и плачет перед ним, отстраняется и отвращается от несчастного; а Бог поступает не так, но принимает и привлекает к Себе, и хотя бы ты продолжительно высказывал Ему свои несчастья, Он тогда еще более любит тебя и внимает твоим молениям. Это самое выражая, Христос говорил: *приидите ко Мне вси труждающися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Матф. XI, 28). Итак Он зовет, - не отвратим своего слуха; Он влечет, - не будем убегать от Него; хотя бы у нас было множество грехов, тогда еще более будем прибегать к Нему, потому что таких Он и призывает. *Не приидох, бо*, говорит Он, *призвати праведники, но грешники на покаяние* (Матф. IX, 13). И там Он называет обремененными и труждающимися тех, которые обременены тяжестью грехов. Он называется *Богом утехи* и *Богом щедрот* (2 Кор. I, 3), потому что его непрестанная деятельность та, чтобы утешать и призывать скорбящих и сетующих, хотя бы у них было множество грехов. Только предадим Ему себя, только прибегнем к Нему и не будем отступать, и тогда мы на опыте познаем истину сказанного, и ничто случающееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную; посредством ее мы избавимся от всего, что бы нас ни постигло. И удивительно

ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет самые грехи? Итак, чтобы нам легко провести настоящую жизнь, свергнуть все грехи, какие мы навлекли на себя, и с дерзновением предстать пред престолом Христовым, будем постоянно готовить себе это врачевство, составляя его из слез усердия, постоянства и терпения. Таким образом мы и будем наслаждаться постоянным здоровьем и получим будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне, и всегда и во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "О блаженном Филогонии, который сделался из адвоката епископом, и о том, что для благоугождения Богу ничто не может сравниться с попечением об общей пользе, и о том, что за невнимательное причастие Божественных таинств мы подвергаемся невыносимому наказанию, хотя бы дерзнули на это однажды в год. Сказано за пять дней до Рождества Христова".

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Я И СЕГОДНЯ готовился выйти на борьбу с еретиками и уплатить вам остаток долга; но день блаженного Филогония, которого праздник мы совершаем ныне [1], побуждает меня к повествованию об его подвигах; и, конечно, надобно повиноваться. Если *уже злословит отца или мать, смертью умрет* (Исх. XXI, 16), то очевидно, что прославляющий их непременно будет наслаждаться жизнью; и если мы должны оказывать такое расположение к естественным родителям, то тем более - к духовным, особенно когда от нашей похвалы умершие не делаются более славными, а мы собравшиеся, и говорящие и слушающие, делаемся лучшими. Кто взошел на небо, тот не нуждается в человеческих похвалах, как уже достигший лучшего и блаженнейшего наследия; а мы, доселе живущие здесь и всегда нуждающиеся в великом утешении, имеем нужду в похвалах ему, чтобы пробудить и в себе такую же ревность. Один премудрый дает такое наставление: *память праведных с похвалами* (Прит. X, 7), не потому, что отшедшие получают от этого великую пользу, но потому, что ее получают прославляющие их. Итак, если мы получаем так много пользы от этого прославления, то послушаемся премудрого и не станем противиться: и самое время удобно для такой беседы. Сегодня этот блаженный переселился в безмятежную жизнь и ввел свою ладью туда, где уже не нужно опасаться ни кораблекрушения, ни уныния, ни печали. И удивительно ли, что та обитель свободна от печали, когда Павел, беседуя с людьми еще живыми, говорит: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь* (1 Сол. V, 17, 18)? Если же здесь, где болезни, огорчения, преждевременные смерти, клевета, зависть, уныние, гнев, порочные похоти, бесчисленные козни, повседневные заботы, частые и непрерывные бедствия приносят со всех сторон множество скорбей, если здесь, по словам Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается от тревог житейских дел и хорошо устроит жизнь свою; то тем более можно достигнуть этого блага по отшествии туда, где нет ничего такого, ни болезней, ни страсти, ни повода к грехам, где нет слов: *мое* и *твое* - этих холодных слав, которые вносят в нашу жизнь все бедствия и производят бесчисленные войны. Поэтому особенно я и ублажаю этого святого, что он, переселившись отсюда и вышедши из нашего города, взошел в другой град - Божий; оставив эту церковь, вступил в ту *Церковь первородных, написанных на небесах*; и прекратив участие в здешних праздниках, переселился к торжеству ангелов. А что там есть и город и Церковь и торжество, об этом послушай Павла, который говорит:

приступите ко граду Бога живого, Иерусалиму небесному, и Церкви первородных, на небесах написанных, и тмам ангелов, торжеству (Евр. XII, 22, 23). Торжеством он называет все тамшнее, не только по множеству вышних сил, но и по обилию благ и непрестанной радости и веселию. Торжество обыкновенно составляет не иное что, как многочисленность собравшихся и обилие предлагаемых вещей, когда привозят и пшеницу, и ячмень, и всякого рода плоды, и стада овец, и табуны волов, и одежды, и другое подобное, и одни продают, а другие покупают. Что же из этих вещей, спросят, есть на небесах? Из этих вещей - ничего, но есть нечто гораздо более досточтимое. Не пшеница, ячмень и другие произведения, но повсюду там в великом изобилии всякие плоды Духа - любовь, радость, веселие, мир, благодать и кротость, на небесах можно видеть не стада овец и табуны волов, но души совершенных праведников, душевные добродетели и нравственные совершенства, не одежды и платья, но венцы драгоценнейшие всякого золота, награды, воздаяния и бесчисленные блага, уготованные добродетельным. И сонм собравшихся там гораздо почтеннее и многочисленнее; он состоит не из городских и сельских жителей, но в одном месте мириады ангелов, в другом - тысячи архангелов, здесь сонмы пророков, там лики мучеников, чины апостолов, собрания праведников и различные общества всяких угодников. Поистине это дивное торжество; а что важнее всего, среди этого торжества собравшихся пребывает сам Царь всех их, о чем апостол после слов: *к тмам ангелов и торжеству*, сказал так: *и Судии всех Богу* (Евр. XII, 23). Кто видал когда-нибудь, чтобы царь присутствовал на торжище? Здесь этого никто никогда не видал, а пребывающие там непрестанно, сколько им возможно, видят Его самого присутствующим и украшающим светлостью Своей славы всех собравшихся. Здешние торжества часто прекращаются среди дня, а тамшнее не таково; оно не знает ни месячных оборотов, ни годовых круговращений, ни числа дней, но продолжается постоянно, и все блага его не имеют предела, не знают конца, не могут ни состариться, ни увянуть, но суть нестареющиеся и бессмертные. Нет там никакого шума, как здесь, никакого смятения, но совершенный порядок оттого, что все с надлежащим благочинием и стройно, как бы на какой кифаре, воспевают Владыке тех и других тварей согласную и приятнейшую всякой музыки песнь, а душа их там, как бы в каких таинственных святилищах и при божественных таинствах, совершает божественное священнодействие.

2. В эту блаженную и нестареющуюся жизнь переселился ныне блаженный Филогоний. Какое слово может быть достойно человека, получившего такое прекрасное наследие? Нет такого слова. Что же, скажи мне, поэтому мы будем молчать? Для чего же и собрались мы? Скажешь ли, что мы не в состоянии изобразить величие дел его? Но поэтому и нужно говорить, так как важнейшая часть похвалы в том и состоит, что слова не могут сравняться с делами; чьи подвиги выше смертной природы, тому и похвала, очевидно, выше языка человеческого. Впрочем, за это он не отвергнет нашего слова, но поступит подобно самому Господу, Который вдовице, положившей только две лепты, дал награду не за две только лепты. Почему? Потому, что Он обратил внимание не на количество денег, а на богатство души. Если ты посмотришь на деньги вдовицы, то найдешь крайнюю бедность; а если вникнешь в ее намерение, то увидишь неизъяснимое сокровище душевного величия. Так и ваше приношение, хотя мало и бедно, но таково, какое мы имеем; хотя оно не соответствует душевному величию доблестного и праведного Филогония, но и то будет величайшим доказательством его великодушия, если он не отвергнет и малого приношения, а поступит подобно богатым. Они, приняв от бедных малое, в чем сами нисколько не нуждаются, прибавляют к этому еще свое, вознаграждая тех, которые принесли им, что могли. Так точно и этот блаженный, приняв от нас словесную хвалу, в которой он нисколько не нуждается, воздаст нам действительное благословение, в котором мы всегда нуждаемся. С чего же нам следует начать похвалы? С чего иного, как не с той власти, которую вверила ему благодать Духа? Внешняя власть не

всегда может быть доказательством добродетели тех, которым она вверяется, напротив часто свидетельствует об их порочности. Почему? Потому, что для получения такой власти обыкновенно помогают и ходатайства друзей, и происки, и льстивые речи, и многие другие более постыдные способы. Но когда избирает и определяет Бог и когда Его десница касается святой главы, тогда определение не лицепривно, суд не подлежит подозрению, и несомненным одобрением рукополагаемого служит достоинство Рукополагающего. А что Бог избрал блаженного Филогона, это видно из самого образа избрания. Он взят был из среды торжища и возведен на этот престол; такую почтенную и светлую жизнь отличался он раньше, имея жену и дочь и обращаясь в судилище; он сиял яснее солнца, так что прямо оттуда явился достойным власти, и с седалища судейского возведен на седалище священное. Тогда он защищал людей от козней людей же, делая обиженных сильнейшими обижающих; а пришедши сюда, защищал людей от нападения демонов. А сколь важным доказательством его добродетели служит то, что он удостоился этой власти от благодати Божией, об этом послушай, что говорит воскресший Христос Петру. Когда Господь спросил его: *Петр, любиши ли мя*, и тот отвечал: *Господи, Ты веси, яко люблю Тя* (Иоан. XXI, 16), тогда Христос не сказал: оставь имущество, изнуряй себя постом и суровыми подвигами, воскрешай мертвых, изгоняй демонов, не упомянул ни о чем таком, ни о других знаменьях и о подвигах, но умолчав обо всем этом, говорит: *если ты любишь Меня, паси овцы моя* (ст. 17). Это сказал Он для того, чтобы показать нам величайший знак не только любви к Нему, но и Своей любви к овцам, и эту любовь (к овцам) признал важнейшим доказательством любви к Нему самому, как бы так сказав: кто любит овец Моих, тот любит Меня. Посмотри, сколько претерпел Христос для этого стада: Он сделался человеком, приняв образ раба, подвергался оплеванию и заушению, наконец не отказался и от смерти и смерти самой позорной: на кресте пролил кровь Свою. Итак, если кто хочет благоугодить Ему, тот пусть печется об этих овцах, пусть ищет общей пользы, пусть заботится о своих братьях; нет никакого подвига драгоценнее этого пред Богом; поему и в другом месте Он говорит: *Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял яко пшеницу, Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лук. XXII, 31, 32). Какое же ты дашь Мне воздаяние за такое попечение и промышление? А какого воздаяния Он сам требует? Опять того же самого: *и ты*, говорит, *некогда обращающа, утверди братию твою* (ст. 32). Так и Павел говорит: *подражатели мне бывайте, яко же и аз Христу* (1 Кор. XI, 1). Каким же образом он был подражателем Христу? *Во всем всем угождая не иския своя пользы, но многих да спасутся* (1 Кор. X, 33); и в другом месте он говорит: *ибо и Христос не себе угоди, но многим* (Рим. XV, 8). И нет другого такого свидетельства и знака веры и любви ко Христу, как попечение о братьях и заботливость об их спасении.

3. Пусть слушают это и все монашествующие, и обитающие за вершинами гор, и всеми способами распявшие себя для мира, чтобы и они, по мере сил своих, помогали предстоятелям церквей, содействовали им молитвами, единодушием, любовью; пусть знают, что если они, даже находясь вдали, не будут всячески содействовать поставленным благодатию Божией и обремененным такими заботами, то самое главное в жизни их потеряно и вся мудрость их обьуродела. Отсюда видно, что любовь к ближним служит величайшим доказательством любви ко Христу. Теперь посмотрим, как блаженный правил епископством; или лучше сказать, здесь не нужно слов и нашего голоса; потому что самое усердие ваше доказывает это. Кто войдет в виноградник и увидит виноградные лозы, покрытые листьями, обремененные плодами и обнесенные со всех сторон плетнями и оградами, тот не будет нуждаться ни в каких словах и других доказательствах, чтобы убедиться в хороших качествах садовника и земледельца; так точно и здесь кто войдет и увидит эти духовные виноградные лозы и ваши плоды, тому не нужны будут никакие слова и объяснения, чтобы узнать вашего предстоятеля; как и Павел говорит: *послание наше вы есте, написанное и прочитаемое* (2 Кор. III, 2). Река указывает на источник, и

плод на корень. Следовало бы сказать и о времени, в которое вверена была ему эта власть, так как и это составляет не малую часть похвалы и весьма достаточно может свидетельствовать о добродетели этого мужа. Много трудностей было тогда, когда гонение только что прекратилось, еще оставались следы этой жесточайшей бури, и дела требовали великого исправления. К этому следовало бы еще прибавить, что ему пришлось останавливать начавшуюся при нем ересь, так как мудрость его предвидела все; но речь моя спешит перейти к другому необходимому предмету. Посему, предоставив сказать о том нашему общему отцу и подражателю блаженного Филогония, как лучше нас знающему все древнее, я перейду к другому предмету собеседования. Скоро настанет праздник, который более всех праздников достоин почитания и благоговения, и который безошибочно можно назвать матерью всех праздников. Какой же это праздник? Рождество Христово по плоти. От него получили начало и основание Богоявление и священная Пасха, и Вознесение, и Пятидесятница. Если бы Христос не родился по плоти, то и не крестился бы, что и есть Богоявление, - и не распялся бы, что и есть Пасха, - и не послал бы Духа, что и есть Пятидесятница. Таким образом от Рождества Христова, как различные потоки от источника, проистекли все эти праздники. И не поэтому только этот справедливо мог бы занимать первенство, но и потому, что событие этого дня есть самое поразительное из всех событий. Что Христос, сделавшись человеком, умер, это было в порядке вещей; потому что, хотя Он и не сделал греха, но принял смертное тело. Конечно и это достойно удивления; но что Он, будучи Богом, благоволил сделаться человеком и уничтожить Себя так, что и умом постигнуть невозможно, - это самое поразительное и изумительное дело. Удивляясь этому, и Павел говорит: *и исповедуемо велия есть благочестия тайна. Какая велия? Бог явися во плоти* (1 Тим. III, 16). И в другом месте: *не от Ангел приемлет Бог, но от семени Авраамова приемлет, отнюду же должен бе по всему подобитися братии* (Евр. II, 16, 17). Особенно для того я приветствую этот день с любовью и объявляю пред всеми эту любовь, чтобы и вас сделать участниками такой любви; посему прошу и убеждаю всех вас собраться тогда со всею ревностью и усердием, оставить каждому дом свой, чтобы нам увидеть поразительное и дивное зрелище - Владыку нашего, лежащего в яслях и повитого пеленами. Какое может быть нам оправдание, какое прощение, если, тогда как сам Он для нас сходит с небес, мы и из дому не придем к Нему? Тогда как волхвы, эти варвары и иноплеменники, стремятся из Персии, чтобы увидеть Его лежащего в яслях, ты, христианин, не потрудишься пройти и малое расстояние, чтобы насладиться этим блаженным зрелищем? Так, если мы придем с верою, то несомненно увидим Его лежащим в яслях, потому что эта трапеза заменяет собою ясли. Здесь будет возлежать тело Господне, не пеленами повитое, как тогда, но со всех сторон осеняемое Духом Святым. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю. Волхвы только поклонились Ему; а тебе, если ты приступишь с чистою совестью, мы позволим взять и самое тело Его и возвратиться домой. Приди же и ты с дарами, не с такими, как они, но с гораздо драгоценнейшими. Они принесли золото, ты принеси целомудрие и добродетель; они принесли ливан, ты принеси чистые молитвы, эти духовные благоволия; они принесли смирену, ты принеси смиренномудрие, сердце уничиженное и милостыню. Если ты придешь с такими дарами, то с великим дерзновением насладишься этою священою трапезою. Говорю сегодня все это потому, что я уверен, что многие в тот день непременно придут и приступят к этой духовной жертве. Итак, чтобы нам сделать это не ко вреду и не в осуждение, но во спасение души нашей, я уже теперь предупреждаю и прошу вас всячески очистить самих себя и потом приступать к священным таинствам.

4. Никто пусть не говорит мне: я стыжусь, совесть моя полна грехов, я ношу тягчайшее бремя. Срок этих пяти дней достаточен для того, чтобы очистить множество грехов, если будешь трезвиться, молиться и бодрствовать. Не смотря на то, что время кратко, а имей в виду, что Господь человеколюбив; ниневитяне и в три дня отклонили от себя гнев Его, и несколько не помещала им краткость времени, но все сделало душевное усердие их, при

помощи человеколюбия Господа (Ион. гл. III). И блудница, приступившая ко Христу, в краткое мгновение времени смыла с себя весь позор; и когда иудеи негодовали, что Христос допустил ее к Себе и дозволил ей такую смелость, то Он заградил им уста, а ее отпустил, простив ей все грехи и приняв ее усердие (Лук. гл. VII). Почему так? Потому, что она приступила с теплым расположением, с пламенной душою и с горячею верою, и коснулась святых и священных ног Его, распустив волосы, проливая из очей потоки слез и возливая миро. Чем она обольщала людей, из того устроила и врачество покаяния; чем возбуждала взоры похотливых, тем и источала слезы; теми волосами, которыми увлекала многих ко греху, отирала ноги Христа, тем миром, которым уловляла многих, намащала стопы Его. Так и ты, чем прогневал Бога, тем и умилоствляй Его. Ты прогневал Его хищением денег? Ими и умилоствивши Его, возвратив обиженным похищенное, и еще прибавив к тому, и скажи подобно Закхею: *возвращу четверницею* за все, что я похитил (Лук. XIX, 8). Ты прогневал Бога языком и злословием, которым оскорбил многих? Языком и умилоствляй его, воссылая чистые молитвы, благословляя порицающих, восхваляя злословящих, благодаря наносящих обиды. На это не нужно много дней и годов, а нужно только благорасположение, и все исполнится в один день. Отстань от зла, полюби добродетель, прекрати порочную жизнь и обещай больше не поступать так, и этого достаточно будет для твоего оправдания. Я свидетельствую и уверяю, что если каждый из нас грешников, отстав от прежних грехов, даст искренний обет Богу не повторять их, то Бог ничего другого больше не потребует для оправдания. Он человеколюбив и милостив, и как находящаяся в муках рождения желает разрешиться от бремени, так и Он желает излить Свою милость; но грехи наши препятствуют этому. Разрушим же эту преграду и с этого начнем праздник, отказавшись от всего в течение этих пяти дней; прощайте судилища, прощайте совещания, удалитесь житейские дела, условия и договоры: я хочу спасти Свою душу. *Кая польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою отщетит* (Мат. XVI, 26)? Волхвы вышли из Персии, удались и ты от житейских дел, и иди к Иисусу; расстояние не велико, если мы захотим идти. Не нужно ни переплывать море, ни переходить вершины гор, но оставаясь дома, и оказывая благоговение и великое сокрушение, можно видеть Христа, разрушить всякую преграду, уничтожить препятствие, сократить пространство пути. *Бог приближаясь Аз есмь, глаголет Господь, а не Бог издалеча* (Иерем. XXIII, 23); и: *близ Господь всем призывающим Его во истине* (Пс. CXLIV, 18). А ныне многие из верующих дошли до такого безумия и пренебрежения, что, преисполняясь множеством грехов и нисколько не заботясь о себе, нерадиво и как случится приступают в праздники к этой трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистою совестью и безукоризненною жизнью. Как человеку, не сознающему за собою ничего худого, можно приобщаться каждый день, так напротив погрязшему во грехах и не раскаявшемуся не безопасно приступать к этой трапезе и в праздник. То, что мы приступаем лишь однажды в год не освобождает нас от вины, если приступаем недостойно; напротив то самое и служит к большему осуждению, что мы, и приступая однажды в год, не приступаем чистыми. Посему увещаваю всех вас приступать к божественным таинствам не по поводу праздника только; но если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвою, милостынею и занятием духовными предметами, и не возвращаться назад, как *пес на свою блевотину* (2 Петр. II, 22). Не странно ли, что о телесных вещах прилагают такое попечение; за несколько дней до наступления праздника, вынимают из сундуков самое лучшее платье и приводят его в порядок, покупают обувь, делают обильнейшие запасы для стола, придумывают множество всяких приготовлений и всячески убирают и украшают самих себя; а о душе, оставленной в пренебрежении, неочищенной, оскверненной, томящейся голодом и остающейся нечистою, нисколько не заботятся; тело приводят сюда украшенным, а душу оставляют обнаженною и безобразною? Между тем тело твое видит подобный тебе раб, и тебе не будет никакого

вреда, как бы оно ни было одето; а душу видит Господь и за нерадение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта трапеза исполнена духовного огня, и как источники изобилуют естественною водою, так и она содержит в себе невыразимый пламень? Приступай же к ней не с соломою, деревом и сеном, чтобы тебе не усилить этого пламени и не сжечь приобщающейся души, но приступай с драгоценными камнями, золотом и серебром (1 Кор. II, 22), чтобы и это вещество сделать более чистым, и выйти отсюда с великою прибылью. Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть он прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волнения и смятения. Чрез приобщение ты примешь в себя Царя; а когда Царь входит в душу, тогда в ней должна быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов. Но ты потерпел великие обиды и не можешь укротить гнева? Для чего же ты сам причиняешь себе еще большую и жесточайшую обиду? Не столько повредит тебе враг, что бы он ни делал, сколько ты вредишь самому себе, не примиряясь с ним и попирая законы Божии. Человек оскорбил тебя? Неужели, скажи мне, из-за этого ты станешь оскорблять Бога? Не примиряться с оскорбившим значит не столько мстить ему, сколько оскорблять Бога, заповедавшего примирение. Итак, смотри не на подобного тебе раба и не на тяжесть обид его, но, представляя в уме своем Бога и страх Его, имей в виду, что чем больше ты станешь принуждать свою душу и заставлять ее после бесчисленных обид примиряться с оскорбившим, тем большую честь ты получишь от Бога, Который заповедовал это; и как ты здесь примешь Его с великою честью, так и Он там примет тебя с великою славою и за такое послушание воздаст тебе тысячекратные награды, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава и поклонение во веки веков. Аминь.

[1] Св. Филогоний, 21-й антиохийский епископ, защитник православной веры против еретика Ария, ум. в 323 или 324 году по Р. Х. Память его празднуется 20 декабря.

Полное заглавие этого слова следующее: о не пришедших в собрание, и доказательства того, что Сын единосущен Отцу, и что все, сказанное и сделанное Им уничиженно, было сделано и сказано не по немощи силы Его и не к унижению Его, но по разным целям домостроительства; и о непостижимом, и пр.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

ОПЯТЬ конские скачки, и опять у нас собрание стало меньше. Впрочем, когда вы присутствуете, то оно не может быть меньше. Как земледелец, видя цветущий и зрелый хлеб, не много заботится о падающих листьях; так точно и я теперь, когда у нас есть плод, не очень печалюсь, взирая на оторванные листья. Хотя я скорблю и об их беспечности, но эту скорбь о них облегчает усердие вашей любви. Они, если иногда и приходят, то и тогда не присутствуют, но тело их стоит здесь, а душа блуждает вне; вы же, если иногда и отсутствуете, то и тогда присутствуете; ибо ваше тело находится вне, а душа - здесь. Хотел я вести длинную речь против них, но чтобы мне, обличая отсутствующих и не слушающих, не оказаться сражающимся с тенью, отложу эту речь до их прибытия, а теперь, при помощи Божией, постараюсь вывести вас, возлюбленные, на обычный луг и

море божественных Писаний. Внимайте же и бодрствуйте. Плывающим на корабле не угрожает никакая опасность, хотя бы они все спали, а бодрствовал только один кормчий, так как его бодрствование и искусство без всего прочего достаточны для безопасности плавания; здесь же не так, но хотя бы проповедующий непрестанно бодрствовал, если слушающие не окажут такого же бодрствования, то наша речь как бы погрузится в море и погибнет, не встретив души, которая приняла бы ее. Будем же бодрствовать, будем внимательны; наше плавание имеет в виду важнейшие предметы; мы плывем не за золотом, серебром и другими погибающими вещами, но за будущей жизнью и небесными сокровищами; и здесь гораздо больше путей, нежели на море и на земле, так что, если кто не умеет верно находить их, тот подвергнется жесточайшему кораблекрушению. Итак все вы, плывущие с нами, оказывайте не беспечность сидящих на корабле, но неусыпность и заботливость кормчих. В то время, как все прочие спят, кормчие сидят при руле и не только наблюдают водные пути, но взирая и на далекое небо и руководствуясь, как бы какою рукою, течением звезд, безопасно направляют судно; и никто из неопытных не может так безопасно плыть по морю днем, как спокойно плывут они среди ночи, когда море представляется более страшным; они бодрствуют и невозмутимо показывают свое искусство, наблюдая не только водные пути и течение звезд, но и направление ветров; и мудрость этих людей такова, что часто, при сильнейшем напоре ветра, угрожающем повернуть корабль, они частыми переменами парусов благовременно предупреждают всякую опасность и, противопоставляя свое искусство сильным порывам ветров, избавляют судно от кораблекрушения. Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняют такую бодрость души, то тем более нам нужно находиться в таком настроении, потому что здесь и больше опасности для беспечных, и больше безопасности для бодрствующих. Ладья у нас построена не из досок, но составлена из божественных Писаний; не звезды сверху руководят ею, но Солнце правды направляет наше плавание; и мы сидим при руле, ожидая не дуновений ветра, но тихого веяния Духа.

2. Будем же бодрствовать и тщательно наблюдать свои пути; у нас опять будет речь о славе Единородного. Прежде я доказал, что познание существа Божия гораздо выше мудрости и людей, и ангелов, и архангелов, и вообще всякой твари, и что оно доступно и ясно только для Единородного и Святого Духа; а теперь моя речь переходит к другой части состязания. Я спрашиваю, одна ли и та же сила, одна ли и та же власть, одно ли и то же существо у Сына с Отцем? Впрочем, я не спрашиваю об этом, потому, что по благодати Христовой мы уже знаем и твердо содержим это; но я теперь намереваюсь тоже самое доказать тем, которые бесстыдно рассуждают об этом. Я стыжусь и краснею, приступая к речи о таком предмете. Кто не станет смеяться над нами, когда мы будем стараться доказывать и объяснять столь ясное? Кто не осудит тех, которые спрашивают, единосущен ли Сын Отцу? Такой вопрос противен не только Писаниям, но и общему разумению всех людей и самой природе вещей; ибо единосущие рожденного с родившим всякой может видеть не только на людях, но и на всех животных и на деревьях. Поэтому не нелепо ли считать этот закон неизменным в отношении к растениям, людям и животным, а изменять и извращать его только в отношении к Богу? Впрочем, чтобы не показалось, что я подтверждаю это только предметами, близкими к нам, теперь я докажу это и из Писаний и таким образом буду вести речь. Тогда осмеянию подвергнемся не мы, уверенные (в этой истине), но они неверующие, противоречащие столь явному и противящиеся истине. Чему, скажут, явному? Если Он единосущен Отцу потому, что называется Сыном, то и мы можем быть единосущными Отцу, так как и мы называемся сынами Его: *аз rex*, говорит пророк, *бози есте и сынови Вышнего вси* (Псал. LXXXI, 6). О, бесстыдство! О, крайнее безумие! Как во всем они показывают свое безрассудство! Когда мы вели речь о непостижимом, они усиливались присвоить себе то, что принадлежит одному Единородному, т. е. такое точное знание Бога, какое Он имеет о самом Себе; а

теперь, когда у нас речь о славе Единородного, они усиливаются низвести Его до своего уничиженного состояния, утверждая, что и мы называемся сынами. Но это название вовсе не делает нас единосущными Богу. Ты только называешься сыном, а Он и есть таков; здесь название, а там дело. Ты называешься сыном, но не называешься *Единородным*, как Он, не пребываешь в *лоне* Отчем, ты - не *сияние славы*, не *образ ипостаси*, не отображение Бога (Евр. I, 3). Итак, если тебя не убеждает сказанное прежде, то пусть убедит это и многое другое больше этого, что свидетельствует о Его высоком происхождении. Так, когда Он хочет показать одинаковость существа Своего с Родителем, то говорит: *видевый Мене виде Отца* (Иоан. XIV, 9); и об одинаковости Своей силы говорит: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. X, 30); и о равенстве власти: *якоже бо Отец воскрешает мертвые и живет, тако и Сын, ихже хочет, живет* (Иоан. V, 21); и о тождестве почитания: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. V, 23); и о власти изменять законы говорит: *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (Иоан. V, 17). Еретики же умалчивают о всем этом и принимая имя *Сын* не в собственном смысле, на том основании, что и сами они почтены названием сынов, низводят Сына до одинакового с собою уничиженного состояния, повторяя: *аз рех, бози есте и сынове Вышнего вси* (Псал. LXXXI, 6). Если ты говоришь, что Сын Божий, называясь сыном, не имеет никакого преимущества пред тобою, и потому не есть истинный Сын Его, то и из названия *богом*, данного тебе, ты, может быть, станешь заключать, что и Отец не имеет никакого преимущества пред тобою; потому что ты назван не только сыном, но и богом. Но называясь богом, ты не осмеливаешься говорить, что это имя в применении к Отцу есть одно название, а исповедуешь, что Отец есть истинный Бог; так и в отношении к Сыну не дерзай указывать на самого себя и говорить: и я назван сыном, и как я не одного и того же существа с Отцем; ибо все приведенное из Писания показывает, что Он есть истинный Сын и одного и того же существа с Родителем. Так, когда говорится, что Он есть тождественное отображение и тождественный *образ*, то что иное выражается этим, как не одинаковость существа? Ибо у Бога нет ни образа, ни лица. Но, скажут, если ты говоришь об этом, то скажи и о том, что противоречит этому. Что же именно? Например то, что Он молится Отцу; если Он имеет одинаковую силу и одно и тоже существо и делает все своею властью, то для чего Он молится?

3. А я не только скажу это, но точно изложу и все другое, что сказано о Нем уничиженного, заметив наперед, что касательно уничиженных выражений о Нем я могу привести много основательных причин, а ты касательно выражений о Его высоте и величии не можешь указать ни на какую другую причину, кроме той, что ими Сам Он хотел показать нам Свое высокое происхождение. Иначе, если бы это было не так, в Писаниях было бы несогласие и противоречие. Когда Сын Божий говорит: *якоже Отец воскрешает мертвые и живет, тако и Сын, ихже хочет, живет* (Иоан. V, 21), и многое другое, о чем я сказал, и однако молится, когда нужно было совершить это, то по-видимому здесь есть противоречие; но если я укажу причины этого, то всякое противоречие исчезнет. Какие же причины того, что и сам Он и апостолы говорили о Нем много уничиженного? Первая и важнейшая причина та, что Он был облечен плотию и хотел удостоверить как современников, так и всех потомков, что Он - не тень какая-нибудь, и явление Его - не призрак только, но действительная истина. Если после того, как и апостолы о Нем и сам Он о Себе сказали столько уничиженного и человеческого, диавол однако успел убедить некоторых несчастных и жалких людей - отвергать учение о домостроительстве Его и дерзко говорить, что Он не принимал плоти, и ниспровергать все дело Его человеколюбия; то, если бы ничего такого не было сказано, сколь многие впали бы в эту пропасть? Не слышишь ли, как еще и теперь отвергает это домостроительство Маркион, и Манихей, и Валентин, и многие другие? Для того Он и говорил о Себе много человеческого, уничиженного и чуждого неизреченному существу, чтобы удостоверить в истине своего домостроительства. Диавол сильно старался истребить эту веру между

людьми, зная, что, если он истребит веру в домостроительство, то большая часть дела нашего спасения погибнет. Затем есть и другая причина - немощь слушателей и невозможность для них, видевших Его тогда в первый раз и слышавших тогда в первый раз, усвоить себе высшее догматическое учение. А что сказанное не есть догадка, это я постараюсь показать и объяснить тебе из самых Писаний. Так, когда Он говорил что-нибудь великое, высокое и достойное своей славы, - что я говорю: великое, высокое и достойное своей славы? - когда Он говорил что-нибудь высшее человеческой природы, то они смущались и соблазнялись; а когда Он говорил что-нибудь уничиженное и человеческое, то прибегали к Нему и принимали учение. Где же, скажут, можно видеть это? Особенно у Иоанна; когда Христос сказал: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день мой, и виде, и возрадовался*, то они говорят: *пятидесяти лет не у имаши, и Авраама ли еси видел* (Иоан. VIII, 56, 57)? Видишь ли, что они относились к Нему, как к простому человеку? Что же Он? *Прежде даже Авраам не бысть*, говорит Он, *Аз есмь*. Они же *взяше камень, да вергут нань* (Иоан. VIII, 58, 59). И когда Он, излагая продолжительную речь о таинствах, говорил: *и хлеб, его же Аз дам за живот мира, плоть Моя есть*, то они говорили: *жестокое есть слово сие: кто может его послушати? И от сего мнози от ученик Его идоша вспять, и ктому не хоуждаху с Ним* (Иоан. VI, 51, 60, 66). Что же, скажи мне, следовало Ему делать? Употреблять ли постоянно высшие выражения, чтобы отогнать уловляемых и отвратить всех от учения? Но это не согласно было бы с человеколюбием Божиим. И затем, когда он сказал: *аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки*, то они говорили: *ныне разумехом, яко беса имаши: Авраам умре и пророцы, и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать вкусити* (Иоан. VIII, 51, 52)? И удивительно ли, что народ так относился к Нему, когда и сами начальники имели такие же понятия? Так Никодим, бывший начальником, приходивший ко Христу с великим благорасположением и говоривший: *вем, яко от Бога пришел еси учитель*, не мог усвоить учения о крещении, которое было гораздо выше его немощи. Когда Христос сказал: *аще кто не родится водою и Духом, не может видети царствия Божия*, то он предавался человеческим суждениям и говорил: *како может человек родиться, стар сый; еда может второе внити во утробу матери своя, и родиться?* Что же Христос? *Аще земная рекох вам, и не веруете: како, аще реку вам небесная, уверуете* (Иоан. III, 2-12)? - Он сказал это, как бы оправдываясь и объясняя, почему Он не беседовал с ними постоянно о вышнем рождении. Также пред самым распятием на кресте, после бесчисленных знамений, после многих доказательств Своей силы Он сказал: *узрите Сына человеческого, грядущего во облацех* (Матф. XXVI, 64); а первосвященник, не перенесши этих слов, разодрал одежды свои. Как же нужно было говорить с теми, которые не выносили ничего высокого? Неудивительно, что Он ничего великого и высокого не говорил о Себе людям, пресмыкавшимся по земле и столь немощным.

4. Сказанного достаточно было бы для доказательства того, что действительно такова была причина и таков повод к употреблению уничиженных выражений; но я постараюсь объяснить это и с другой стороны. Вы видели, что они соблазнялись, смущались, отклонялись, хулили и убегали, когда Христос говорил что-нибудь великое и высокое; теперь я постараюсь показать вам, что они прибегали и принимали учение, когда Он говорил что-нибудь смиренное и уничиженное. Те, которые убегали от Него, те же самые в другое время, когда Он говорил: *о Себе ничесоже творю, но яко же научи мя Отец Мой, сия глаголю* (Иоан. VIII, 28), тотчас прибегали к Нему. И евангелист, желая показать нам, что они уверовали по причине смирения этих слов, в объяснение сказал: *сия Ему глаголющу, мнози вероваша в Него* (ст. 30). И в других местах часто можно находить такие случаи. Поэтому Он много и часто говорил по-человечески, впрочем не вполне по-человечески, но благоприлично и достойно высокого Его происхождения, с одной стороны снисходя к немощи слушателей, а с другой - соблюдая верность догматов. Чтобы постоянное снисхождение не внушило потомкам неправильного мнения о Его

достоинстве, Он не пренебрег и этой последней стороны; хотя предвидел, что Его не будут слушать и даже будут хулить и убегать от него, однако говорил о Себе и высокое, устроив именно то, на что я указал, и делая ясною причину, по которой Он употреблял вместе с тем и уничиженные выражения. А причина была та, что слушатели еще не могли усвоить высоких изречений. Если бы Он не хотел устроить этого, то излишне было бы преподавание высоких догматов людям не слушавшим и не внимавшим; а теперь оно не принесло этим людям никакой пользы, но нас научило и подготовило к надлежащему понятию о Нем, и убедило, что именно по немощи их к усвоению высоких изречений Он употреблял в речи и уничиженные выражения. Итак, когда ты услышишь, что Он говорит уничиженно, то знай, что это - снисхождение, не вследствие уничиженного существа Его, но вследствие немощи разумения слушателей. Хотите ли, я укажу и третью причину? Он делал и говорил много смиренного не только по причине того, что был облечен плотию, и что слушатели были немощны, но и потому, что Он хотел научить их смиренномудрию; это и есть третья причина. Научая смиренномудрию, Он поучает этому не только словами, но и делами, показывая смирение и словом и делом. *Научитесь от Мене*, говорит Он, *яко кроток есмь и смирен сердцем* (Матф. XI, 29); и еще в другом месте: *Сын человеческий не придет, да послужат Ему, но послужити* (Матф. XX, 28). Таким образом научая быть смиренными и никогда не домогаться первенства, но всегда довольствоваться уничиженным состоянием, и внушая это словами и делами, Христос имел много поводов говорить смиренное. Можно указать и на четвертую причину, не меньшую вышесказанных. Какая же она? Та, чтобы по причине великой и неизреченной близости лиц в Божестве, мы как-нибудь но дошли до мнения об одном лице в Нем, как некоторые уже и теперь впали в это нечестие, хотя Он редко говорил что-нибудь подобное. Так, слова Его: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. X, 30), и: *видевый Мене виде Отца* (Иоан. XIV, 9), открывающие близость Его Родителю, Савеллий Ливийский обратил в повод к нечестию и к учению об одном лице и одной Ипостаси (в Божестве). Кроме этих причин была и та, чтобы никто не почитал Его первым и нерожденным существом и не считал Его большим Родителя. Так и Павел по-видимому опасался того, чтобы кто-нибудь не пришел к такому нечестивому и неправому мнению. Сказав: *подобает бо Ему царствовать, дондеже положит враги под ногама своима*, и далее: *вся покори под нозе Его*, он присовокупил: *разве покоршего Ему вся* (1 Кор. XV, 25-28); а этого он не присовокупил бы, если бы не опасался, чтобы не явилось такое диавольское мнение. Иногда Христос уничижал высоту изречений и для того, чтобы укротить ненависть иудеев и часто говорил сообразно с пониманием беседовавших с Ним, как наприм. в словах: *аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно* (Иоан. V, 31). Он сказал так, приспособляясь к пониманию иудеев; Он, конечно, хотел не то выразить, будто Он не истинен, но сказать: как вы думаете и подозреваете, не желая выслушать Меня, говорящего о самом Себе.

5. Можно найти много и других причин на это. Таким образом мы можем указать много причин, по которым Христос употребляет о Себе уничиженные выражения; а ты укажи хотя одну причину высоких изречений Его, кроме той, о которой я сказал, именно желания Его - показать нам свое высокое происхождение; но ты не можешь указать другой причины. Великий может сказать о себе нечто и малое, и за это нельзя упрекать его, потому что это происходит от смирения; а малый, когда скажет о себе что-нибудь великое, не избегнет осуждения; потому что это происходит от гордости. Посему великого мы все хвалим, когда он говорит о себе смиренно; а низкого никто не похвалит, когда он станет говорить о себе что-нибудь великое. Таким образом если бы Сын был гораздо ниже Отца, как вы утверждаете, то ему не следовало бы говорить слова, которыми Он выражал Свое равенство с Родителем; потому что это было бы гордостью; а если равный с Родителем говорит о Себе что-нибудь смиренное и уничиженное, это не подлежит никакому осуждению и не составляет вины, потому что служит в похвалу Ему и достойно величайшего удивления. А чтобы сказанное было более ясным, и чтобы все мы

убедились, что я не противоречу божественным Писаниям, я возвращусь теперь к первой из указанных причин и приведу те места, где Христос, как облеченный плотью, ясно употребляет выражения, низшие собственного существа Своего; и, если угодно, представлю самую молитву, которою Он молился Отцу. Но слушайте меня со вниманием; я хочу изложить вам все, начав несколько выше. Вечеря была в ту священную ночь, в которую Христос был предан; называю ее священной потому, что от нее получили начало бесчисленные блага, которые дарованы вселенной. Тогда и предатель возлежал вместе с одиннадцатью учениками и, когда они вкушали, Христос говорит: *един от вас предаст Меня* (Матф. XXVI, 21). Помните эти слова, чтобы впоследствии, когда мы дойдем до молитвы, нам было видно, для чего Он так молится. Обрати внимание и на промышление Господа; не сказал Он: *Иуда предаст Меня*, чтобы ясностью обличения не сделать его более бесстыдным; но когда тот, угрызаемый совестью, сказал: *еда аз есмь, Господи*, тогда Он говорил Ему: *ты рекл еси* (ст. 25); даже и тогда не хотел обличить его, но поставил его самого обличителем себя; однако и тогда Иуда не сделался лучше, но, взяв кусок хлеба, вышел. Когда же он вышел, то Иисус обращаясь к ученикам, говорит: *вси вы соблазнитесь о Мне*; но Петр сказал в ответ; *аще и вси соблазняются, аз никогда же соблазнюся*. Иисус опять говорит: *аминь глаголю тебе, прежде даже алектор не возгласит, трикраты отвержешися Мене*. Когда же тот опять стал возражать, то Христос оставил его (ст. 31-35). Ты не убеждаешься словами, а противоречишь, - как бы так говорит Господь; - уредишься самими делами, что не должно противоречить Господу. И эти слова также помните; потому что памятование о них будет полезно нам при рассуждении о молитве. Он указал предателя, предсказал бегство всех и Свою смерть: *поражу пастыря*, сказал Он, *и разыдутся овцы* (ст. 31); предсказал о том, кто отречется от Него, когда и сколько раз, и все это предсказал с точностью. После всего этого, представив достаточное доказательство своего предведения будущих событий, Он пришел в некоторое место и стал молиться. Еретики говорят, что эта молитва относится к Его Божеству, а мы говорим, что она относится к Его домостроительству; рассудите же вы сами и для славы Единородного произнесите беспристрастное решение. Хотя я обращаюсь к суду друзей, но убеждаю и прошу произвести суд беспристрастный, без угождения мне и без вражды к ним. Что эта молитва не относится к его Божеству, видно уже и из того, что Бог не молится; Богу свойственно принимать поклонение; Богу свойственно принимать молитву, а не возносить молитву. Но так как еретики бесстыдно упорствуют, то я постараюсь из самых слов молитвы объяснить вам, что все это есть дело домостроительства Христова и Его немощи по плоти. Когда Христос говорит что-нибудь смиренное, то говорит это смиренное и уничиженное таким образом, чтобы чрезмерность смирения слов Его могла и самых недоверчивых людей убедить, что эти слова весьма чужды непостижимому и неизъяснимому Существу. Приступим же к самым словам молитвы. *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия; обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты* (Матф. XXVI, 39). Здесь я спрошу еретиков: неужели не знает, возможно это или не возможно, тот, Кто незадолго говорил на вечери: *един от вас предаст Меня*, Кто незадолго говорил: *писано: поражу пастыря, и разыдутся овцы*, и еще: *вси вы соблазнитесь о Мне*; и Петру сказал: *отвержешися Мене, и отвержешися Мене трикраты*; Он ли, скажи мне, теперь не знает этого? Кто из самых упорных может утверждать это? Если бы это неведомое было неизвестно никому ни из пророков, ни из ангелов, ни из архангелов, то, может быть, любители споров имели бы какой-либо повод к противоречию; но если это неведомое было так известно и очевидно для всех, что даже и люди знали об этом с точностью, то какое оправдание и какое прощение может быть тем, которые утверждают, что Христос говорил это по своему неведению? Как известно, и рабы знали с точностью этот предмет, о котором я говорю; они знали и то, что Он умрет, и то, что Ему надлежит претерпеть смерть на кресте; еще за много лет Давид, указывая на то и другое, говорил от лица Христова: *ископаша руце мои и нозе мои* (Псал. XXI, 17); он говорил о будущем, как бы о совершившемся уже, выражая этим, что как бывшему

невозможно не быть, так и его словам невозможно не сбыться. И Исаия, предвозвещающая тоже самое, говорил: *яко овча на заколение ведеса, и яко агнец пред стрижущим его безгласен* (Иса. III, 7). А Иоанн, увидев этого агнца, говорил: *се агнец Божий, вземляй грехи мира* (Иоан. I, 29); это - тот агнец, говорит он, о котором предсказано. И обрати внимание, не просто сказано; *агнец*, но прибавлено: *Божий*. Так как был другой агнец - иудейский, то желая показать, что это агнец - Божий, Иоанн и сказал таким образом. Тот агнец приносился только за один народ, а этот принесен за всю вселенную; кровь того избавляла только иудеев от телесного наказания, а кровь этого стала общим очищением целой вселенной. Притом кровь иудейского агнца могла совершать то, что совершала, не по собственному свойству, но имела такую силу потому, что была прообразом этой крови.

б. Где же те, которые говорят, что и Христос называется Сыном и мы называемся сынами, и, основываясь на одинаковости названия, стараются низвести Его до нашего уничиженного состояния? Вот *агнец* и *агнец* - одно название, но беспредельное различие между тем и другим существом. Поэтому, как здесь ты не думаешь о равенстве, слыша одинаковое название, так точно и там, слыша названия *сына* и *сына*, не низводи Единородного до своего ничтожества. Впрочем для чего говорить об очевидном? Если бы молитва Его относилась к Божеству Его, то Он оказался бы опровергающим самого Себя, противоречащим и несогласным с самим Собою. Здесь Он говорит: *Отче, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия*, и колеблется и уклоняется от страдания (Матф. XXVI, 39); между тем в другом месте, сказав, что Сыну человеческому надлежит предану быть и пострадать, и услышав слова Петра: *милосерд Ты Господи, не имать быти Тебе сие*, так сильно укорил его, что сказал: *иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая* (Матф. XVI, 22, 23). Хотя не задолго пред тем Он похвалил Петра и назвал блаженным, однако теперь назвал его сатаною, не для того, чтобы огорчить апостола, но желая показать этою укоризною, что сказанное Петром было не согласно с Его волею, но противно ей столько, что сказавшего это, хотя то был сам Петр, Он не замедлил назвать сатаною. Также и в другом месте Он говорит: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами* (Лук. XXII, 15). Почему Он говорит: *сию пасху*, тогда как и прежде праздновал этот праздник вместе с ними? Почему? Потому, что за нею следовал крест. И еще: *Отче, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя* (Иоан. XVII, 1); и во многих других местах мы видим, что Он предсказывал свои страдания и желал, чтобы они исполнились, и что для них Он и пришел. Почему же здесь Он говорит: *аще возможно?* Он показывает нам немощь человеческой природы, которая не легко решается расстаться с настоящею жизнью, но уклоняется и колеблется по причине изначала внедренной в нее Богом любви к настоящей жизни. Если и после всех таких слов Его некоторые осмелились сказать, что Он не принимал плоти, то чего они не сказали бы, если бы не было сказано ничего подобного? Там Он, как Бог, предсказывает о Своих страданиях и желает, чтобы они были, а здесь, как человек, избегает их и уклоняется. Что Он добровольно шел на страдания, это видно из слов Его: *область имам положити душу мою, и область имам паки прияти ю: никто же возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе* (Иоан. X, 18). Как же Он говорит: *не яко же Аз хощу, но яко же Ты?* Но удивительно ли, что прежде распятия на кресте Он так тщательно уверял в действительности Своей плоти, если и после воскресения, увидев неверующего ученика, Он не отказался показать ему Свои раны и язвы гвоздиные, дозволил осязать рукою эти раны и сказал: *осяжи и виждь, яко дух плоти и кости не имать* (Лук. XXIV, 39)? Поэтому и в начале Он не воспринял человеческой плоти в возмужалом возрасте, но благоволил быть зачатым, и родиться, и питаться молоком, и столько времени пребывать на земле, чтобы и продолжительностию времени и всем прочим удостоверить людей в том же самом. Часто и ангелы и сам Бог являлись на земле в человеческом образе; но видимый образ был не истинным телом, а приспособлением; поэтому, чтобы ты не подумал, что и явление Христа таково же, каковы были те явления, но чтобы ты несомненно верил, что это было

истинное тело, Он и был зачат, и рожден, и воспитан, и положен в яслях не в доме каком-нибудь, а при гостинице, в присутствии множества людей, чтобы рождение Его было всем известно. Поэтому Он и пеленался; поэтому и пророчества издревле предсказывали, что Он не только будет человеком, но будет и зачат, и рожден, и воспитан, как свойственно детям. Об этом Исаия взывает так: *се дева во чреве примет и родит Сына и нарекут имя Ему Еммануил: масло и мед снесть* (Иса. VII, 14, 15); и еще: *отрочи родися нам, сын и дадеся нам* (Иса. IX, 6). Видишь ли, что пророки предсказывали и о младенческом Его возрасте? Спроси же еретика: неужели Бог боится, уклоняется, колеблется и скорбит? Если он скажет: да, то отступи от него и считай его наравне с диаволом, или лучше, ниже самого, диавола; ибо и тот не осмелится сказать это. Если же он ответит, что все это недостойно Бога, то скажи: следовательно Бог и не молится; и за тем все прочее было бы неуместно, если бы слова (молитвы) принадлежали Богу. Эти слова выражают не только скорбь, но и две воли, противоположные между собою, одну Сыновнюю, а другую Отчую; ибо сказать: *обаже не якоже Аз хошу, но якоже Ты* (Матф. XXVI, 39), значит выразить именно это. А этого и еретики никогда не допускали, но когда мы постоянно утверждали, что слова: *Аз и Отец едино есма* (Иоан. X, 30), относятся к силе, они относили их к воле, утверждая, что у Отца и Сына одна воля. Но если у Отца и Сына одна воля, то как же Он говорит здесь: *обаже не якоже Аз хошу, но якоже Ты*? Таким образом, если бы эти слова относились к Его Божеству, то было бы некоторое противоречие и много несообразного произошло бы отсюда; а если они относятся к плоти, то сказаны основательно и безукоризненно. Нежелание смерти со стороны плоти не служит к ее осуждению; потому что это естественно; а Христос явил в себе вполне все свойственное человеческому естеству, кроме греха, так что заградил уста еретиков. Итак, когда Он говорит: *аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия, и: обаже не якоже Аз хошу, но якоже Ты*, то выражает этим не что иное, как то, что Он был облечен истинною плотию, которая боится смерти, потому что ей свойственно бояться смерти, уклоняться от нее и предаваться скорби. Он иногда оставлял Свою плоть одинокою без собственного (Божеского) содействия, чтобы, показав ее немощь, внушить уверенность в ее (человеческой) природе, а иногда прикрывал ее, чтобы ты знал, что Он был не простой человек. Это могли бы подумать тогда, если бы Он постоянно показывал действия человеческие; равно как, если бы Он постоянно совершал свойственное Божеству, не поверили бы учению о домостроительстве. Посему Он разнообразил и перемешивал и слова и дела, чтобы не подать повода к болезни и безумию ни Павла Самосатского, ни Маркиона и Манихея; потому и здесь Он и предсказывает будущее, как Бог, и уклоняется от страданий, как человек.

7. Я хотел изложить и другие причины и показать из самых дел Христовых, что как здесь Он молился, обнаруживая немощь плоти, так в других случаях молился, имея в виду немощь слушателей; ибо не нужно думать, будто все, что сказано Им уничиженного, сказано было потому, что Он был облечен плотию; есть на это и другие причины, о которых я упомянул. Но опасаясь, что вам трудно будет удержать множество сказанного, если я прибавлю еще то, что хотел сказать, то закончу на этом речь против еретиков и, отложив остальное до другого дня, снова предложу вам увещание о молитве. Хотя я часто говорил об этом предмете, но необходимо сказать о нем и теперь. Как те из одежд, которые были погружены в краску только однажды, имеют непрочный цвет, а те, которые красильщики неоднократно и часто погружали в краску, сохраняют свой цвет неизменным; так бывает и с нашими душами: если мы часто слышим одни и те же слова, то приняв наставление, как бы какую краску, несоро забудем его. Не будем же слушать невнимательно; нет, подлинно нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей. Не столько блистателен царь, одетый в багряницу, сколько молящийся, украшающийся беседою с Богом. Как тот, кто в присутствии войска и военачальников, многих вельмож и градоначальников, приблизившись к царю и вступив наедине в беседу с ним, обращает на

себя взоры всех и от этого становится более досточтимым; так точно бывает и с молящимися. Подумай, сколь важное дело - в присутствии ангелов, архангелов, серафимов, херувимов и всех прочих сил, простому человеку приступить с великим дерзновением и беседовать с Царем этих сил; с какою это может сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим. Как только кто-нибудь поднимет руки к небу и призовет Бога, он тотчас отрешается от всех дел человеческих и обращается мыслию к будущей жизни, представляет небесные блага и во время молитвы не думает о здешней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли в нем гнев, он легко укрощается; возгорится ли похоть, она потухает; станет ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и в душе молящегося совершается то же, что, по словам пророка, бывает в природе при восходе солнца. Что же говорит он? *Положил еси тму, и бысть ночь, в нейже пройдут вси зверие дубравниши, скимни рыкающи восхитити и взыскати от Бога пищу себе: воссия солнце, и собрашася, и в ложах своих лягут* (Псал. СIII, 20-22). Как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство и прячутся в свои норы; так точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженной душою и бодрым умом. Хотя бы тогда присутствовал диавол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется. Когда господин беседует с рабом, то никто из других рабов и даже никто из имеющих пред ним дерзновение, не посмеет подойти и помешать их беседе, тем более демоны, как оскорбившие Бога и не имеющие пред Ним дерзновения, не могут беспокоить нас, беседующих с Богом с надлежащим усердием. Молитва есть пристань для обуреваемых, якорь для колеблемых волнами, трость немощных, сокровище бедных, твердыня богатых, истребительница болезней, хранительница здоровья; молитва соблюдает наши блага неизменными и скоро устраняет всякое зло; если нас постигнет искушение, она легко прогоняет его; если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душе, она скоро устраняет все это; молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодущие, способствует постоянному удовольствию; она есть мать любомудрия. Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех; напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех. Ахав был царем и владел бесчисленным количеством золота и серебра. Но так как он не возносил молитвы, то ходил искать Илию, человека, не имевшего ни убежища и никакой одежды, кроме одной только милоти. Что это, скажи мне, ты, имеющий столько сокровищ, ищешь не имеющего ничего? Да, говорит он; какая мне польза от сокровищ, когда он заключил небо и сделал все это бесполезным? Видишь ли, что Илия был богаче Ахава? Как только он изрек слово, царь впал в великую бедность со всем своим войском. О дивное дело: человек, не имевший даже одежды, заключил небо! Но потому он и заключил небо, что не имел одежды; так как он здесь ничего не имел, то и показал великую силу; а как только открыл уста, то и низвел свыше бесчисленные сокровища благ (3 Цар, гл. XVII и XVIII). О уста, имеющие источники вод! О язык, источающий потоки дождей! О голос, производящий бесчисленные блага! Так, постоянно взирая на этого бедного, который был богат потому, что был беден, будем презирать настоящее и стремиться к будущему. Тогда мы получим и здешние и все тамошние блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "об остальном против еретиков, о суде и милостыне, и о просьбе матери сынов Заведеевых".

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

ВЧЕРА мы возвратились с войны, с войны и сражения против еретиков, с окровавленным оружием, с обагранным мечем слова, сразив не тела, но низложив помыслы и *всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. X, 5). Такого рода эта война, таково свойство и оружия; преподавая наставление о том и другом, блаженный Павел говорил: *оружия бо воинства нашего не плотская, но силна Богом на разорение твердем, помышления низлагающе и всяко возношение, взимающееся на разум Божий* (ст. 4, 5). Для тех, которые не были здесь, следовало бы сказать о бывших вчера поражениях еретиков, рассказать о сражении, борьбе, победе, трофеях; но чтобы не подать вам повода к невнимательности и чтобы вы, не бывшие, почувствовали потерю и сделались более внимательными, я умолчу о том и приступлю сегодня к дальнейшему. А кто любознателен и усерден, тот может узнать сказанное нами вчера от присутствовавших при этом, так как наши слушатели оказали такое усердие, что отправились домой, усвоив себе все и не опустив ничего из сказанного. Итак, прежнее вы узнаете от них; а то, что нужно сказать сегодня, я скажу вам, представив возражение, которое приводят еретические исчадия. Какое же это? Мы беседовали прежде о власти Единородного, показали, что она равна власти родившего Его Отца, и много говорили об этом; поэтому они, пораженные сказанным, стали приводить иное евангельское изречение, которое сказано в одном смысле, а ими разумеется в другом. Они говорят: как же написано: *а еже сести одесную Мене и ошуюю Мене, несть Мое дати, но имже уготовася от Отца Моего* (Матф. XX, 23)? Я всегда увещевал вас, возлюбленные, и сегодня также прошу и советую обращать внимание не на одни буквы Писания, но вникать и в смысл их; потому что, кто будет держаться одних выражений и не искать ничего, кроме написанного, тот много ошибется. Так, по словам Писания, Бог имеет даже крылья; ибо пророк говорит: *в крове крилу твою покрыеши мя* (Псал. XVI, 8); но из этого мы не будем заключать, что это духовное и бессмертное Существо владеет крыльями. Если этого нельзя сказать о людях, то тем более - о нетленном, невидимом и непостижимом Существо. Что же мы должны разуметь под именем крыльев? Помощь, ограждение, защиту, содействие, непобедимую силу этой помощи. Писание также называет Бога спящим, когда говорит: *востани, вскую спиши, Господи* (Псал. XLIII, 24), называет не с тем, чтобы внушить нам мысль, будто Бог спит, - это было бы крайне безумно, - а чтобы под образом сна объяснить нам Его долготерпение и милосердие. А другой пророк говорит: *еда будеши якоже человек спяй* (Иер. XIV, 9)? Видишь, какое великое благоразумие необходимо нам при рассматривании сокровища божественных Писаний? Если же мы будем просто, поверхностно и невнимательно слушать сказанное в них, то не только произойдут упомянутые несообразности, но и окажется много противоречий в словах их. Так один называет Бога спящим, а другой не спящим; но то и другое справедливо, если ты будешь понимать это в надлежащем смысле. Называющий Его спящим указывает на великое Его долготерпение; а называющий Его не спящим, объясняет нам нетленность Его существа. Если же нам нужно много благоразумия при чтении Писания, то не будем поверхностно относиться и к этому изречению: *несть Мое дати, но имже уготовася от Отца Моего* (Матф. XX, 23). Эти слова не лишают Сына власти и не уменьшают Его самостоятельности, но показывают Его премудрость, великое попечение и промысление о нашем роде. А что Он имеет власть и наказывать и награждать, послушай, как об этом Он сам говорит: *егда же придет Сын человеческий в славе Своей, поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речет Царь суцым одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира: взалкахся бо и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя. Тогда речет и суцым ошуюю его: идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его: взалкахся бо и не дасте Ми ясти,*

возжадая и не напоисте Мене, странен бех и не введосте Мене (Матф. XXV, 31-43). Видишь ли, как совершен Его суд, как Он и награждает и наказывает, украшает венцами и подвергает казни, одних вводит в царство, других отсылает в геенну?

2. Заметь и здесь великое Его попечение о нас. Обращаясь к получающим венцы, Он говорит: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира*; а осуждаемым на наказание Он не сказал: *идите от Мене проклятии во огонь, уготованный вам*, но: *уготованный диаволу*. Людям я приготовил царство, говорит Он, а геенну приготовил не людям, но диаволу и ангелам его; если же вы вели такую жизнь, что сделались достойными наказания и мучения, то должны сами винить в этом самих себя. И посмотри, как Он расположен к милости: когда еще не было подвижников, венцы уже были приготовлены, награды уже были наперед уготованы. *Наследуйте*, говорит Он, *уготованное вам царствие от сложения*. И в притче о десяти девах можно видеть то же самое. Когда надлежало придти жениху, то неразумные говорят мудрым: *дадите нам от елея вашего*; а последние отвечают им: *еда како не достанет нам и вам* (Матф. XXV, 8, 9). Не об елее и огне говорит здесь Писание, но о девстве и человеколюбии, означая девство под видом огня, а милостыню под видом елея, и показывая, что девство имеет великую нужду в человеколюбии, без которого невозможно спастись. Кто же те, которые продают этот елей? Кто иной, как не бедные? Они не столько получают, сколько сами дают. Считай же милостыню не за расход, а за приход, не за ущерб, а за приобретение; потому что чрез нее ты больше получаешь нежели даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную; даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия; даешь пристанище под своим кровом, а получаешь царство небесное; даешь блага погибающие, а получаешь блага постоянно пребывающие. Но, скажешь, как я могу подавать милостыню, когда я беден? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшею горячкою и одержимый ненасытною страстию, желает увеличить свое имущество; а бедный, не зараженный этою болезнью и свободный от этого недуга, легче делает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения. Так вдовица отдала две лепты и превзошла пресыщенных богатством; и другая вдовица, имевшая только горсть муки и немного елея, приняла к себе (пророка), имевшего небесную душу; ни для одной из них бедность не была препятствием. Итак, не ссылайся на бесполезные и напрасные предлоги; Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерою подаваемого, но усердием подающих. Ты беден и беднее всех людей? Но ты не беднее той вдовицы, которая много превзошла богатых. Ты нуждаешься в самой необходимой пище? Но ты не беднее сидонской вдовицы, которая, дошедши до крайней степени голода, ожидая уже смерти с окружавшими ее детьми, при всем том не пожалела своего достояния, и величайшею бедностию приобрела невыразимое богатство, сделала свою руку гумном и кувшин точилом и устроила так, что из малого произошло многое (3 Цар. гл. XVII). Впрочем возвратимся к своему предмету и не будем делать частых отступлений. Итак, когда надлежало придти Жениху, девы вели между собою такую беседу. Мудрые посылали неразумных к продавцам, но уже не было времени покупать елея; и справедливо. Продающих елея можно найти только в настоящей жизни; а после отшествия отсюда и по закрытии зрелища земной жизни уже невозможно найти ни прощения, ни оправдания, ни врачества против того, что сделано, но уже необходимо подвергнуться наказанию, как это и случилось с девами. Когда пришел Жених, за ним вошли те, которые имели горящие светильники, а другие, опоздав войти, стучали в двери брачного чертога, но слышали страшные слова: *отойдите, не вем вас* (Матф. XXV, 12). Видишь ли опять, как Он сам награждает и наказывает, удостоивает и венцов и мучений, принимает и отвергает, как Он властен и в том и другом роде суда? Тоже можно видеть и в притче о виноградунике, и в притче о пяти, двух и одном талантах: одних он принял и

предоставил им больше прежнего, а других повелел связать и бросить во тьму кромешную.

3. Но какое их возражение нелепое, или лучше, исполненное великого безумия? Хотя Сын, говорят они, имеет власть наказывать и увенчивать, подвергать мучению и давать награды, но по Его словам, не в Его власти даровать небесное председательство и высочайшую честь. А что, если ты узнаешь, что ничто не изъято от Его решения, прекратишь ли тогда свои неуместные возражения? Послушай же, что Он сам еще говорит: *Отец не судит никому же, но суд весь даде Сынове* (Иоан. V, 22). Если же Ему принадлежит весь суд, то ничто не изъято от Его решения; ибо кому принадлежит весь суд, тот властен наказывать и увенчивать всех. Слово же *даде* ты, возлюбленный, понимай здесь не по-человечески: Отец дал Ему, - это не значит, что Он прежде не имел, что рожден был несовершенным, и только впоследствии получил это, но *даде* значит, что Отец таким и родил Его, совершенным и полным. Это слово употреблено для того, чтобы ты не думал, будто два рожденных Бога, но чтобы ты видел и корень и плод, и не думал, будто Сын получил это впоследствии. В другом месте, когда спросили Его: *убо царь ли еси Ты*, Он не ответил: Я получил царство; не сказал, что оно дано Ему впоследствии; но ответил: *Аз на сие родихся* (Иоан. XVIII, 37). Если же Он родился совершенным царем, то очевидно, что Он и судия и решитель, так как главное дело царя состоит в том, чтобы судить и решать, награждать и наказывать. И с другой стороны можно видеть, что Он имеет власть даровать и высшие почести. Когда мы укажем на человека, лучшего из всех людей, и покажем, что Он увенчивается Сыном, тогда какой у вас останется предлог для оправдания? Кто же лучше всех людей? Кто другой, как не тот делатель палаток, учитель вселенной, облетевший как бы на крыльях землю и море, сосуд избранный, жених Христов, насадитель Церкви, мудрый строитель, проповедник, быстрый путник, ратоборец, воин, наставник, оставивший во всей вселенной памятники своих добродетелей, прежде воскресения восхищенный на третье небо, вознесенный в рай, сподобившийся участия в неизреченных тайнах Божиих, слышавший и говоривший то, чего человеческой природе говорить невозможно, удостоившийся высшей благодати и совершивший большие труды? А что он потрудился больше всех, об этом, послушай, как он сам говорит: *паче всех их потрудихся* (1 Кор. XV, 10). Если же он больше всех потрудился, то и увенчивается преимущественно пред всеми, потому что *кийждо свою мзду примет по своему труду* (Кор. III, 8). Если же он получает венец славнейший нежели другие апостолы (никто, не сравнялся с апостолами, а он больше и их), то очевидно, что он удостоится самой высшей почести и председательства. Кто же будет увенчивать его? Послушай, как он сам говорит: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох: прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия* (2 Тим. IV, 7, 8). *А Отец не судит никому же, но весь суд даде Сынови* (Иоан. V, 22). И не отсюда только очевидно это, но и из следующих слов: *не токмо же мне, но и всем возлюбимым явление Его* (2 Тим. IV, 8). Чье это явление? Выслушай слова самого апостола: *явися благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшемся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждуще блаженного упования и явления славы великого Бога и спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 11, 13).

4. Впрочем борьба с еретиками у нас кончилась, мы воздвигли трофей, одержали блистательную победу, доказав всем вышесказанным, что Сын властен и награждать и наказывать; Ему принадлежит весь суд, Он увенчивает и прославляет лучшего из всех, и в сказанных притчах представляется Сам совершающим то и другое. Теперь нужно успокоить и смущение братий и объяснить, почему Он так сказал: *несть Мое дати* (Матф. XX, 23); я думаю, что многие недоумевают при этих словах. Чтобы разрешить недоумение и успокоить смятение души, напрягите ваше внимание, приготовьте ваш ум. Мне

предстоит теперь большой труд, так как не все равно - бороться или учить, поражать врага или исправлять своего; в последнем случае от меня требуется больше усилий, чтобы не оставить без внимания хромающий член и не миновать кого-нибудь из смущающихся. Я говорю, - но не смущайтесь словами моими, не беспокойтесь, - я утверждаю, что это не зависит не только от Сына, но и от Отца; я провозглашаю громким голосом и звучнее трубы, что *дати* это не принадлежит Сыну, ни Ему, ни Отцу; ибо если бы это принадлежало Ему, то принадлежало бы и Отцу, и если бы принадлежало Отцу, то принадлежало бы и Ему. Поэтому Он и не сказал просто: *несть Мое дати*; а что? *Несть Мое дати, но имже уготовася*. Он объявляет, что это не зависит ни от Него, ни от Отца, а от некоторых других. Что же значат сказанные слова? Я думаю, что ваше смущение усилилось и недоумение возросло, и вы беспокоитесь; но не бойтесь; я не умолкну, пока не предложу объяснения. Позвольте же мне повести речь не много выше; иначе невозможно ясно представить все вашему уму. Итак, что значат сказанные слова? Когда Иисус шел в Иерусалим, мать сынов Заведеевых, Иакова и Иоанна, подошла к Нему с сыновьями и сказала: *рцы, да сядета сия оба сына моя, един одесную Тебе и един ошуюю Тебе* (Матф. XX, 21); а другой евангелист говорить, что этого просили у Христа сами сыновья (Марк. X, 38). Впрочем здесь нет разногласия (не нужно оставлять без внимания и этих мелочей), но они послали наперед мать, а потом, когда она высказала их просьбу и как бы открыла им дверь, они сами повторили эти слова, не понимая того, о чем говорили, однако говорили. Хотя они были и апостолы, но были еще несовершеннолетними, как птенцы, которые не крепко сидят в гнезде, пока у них еще не выросли крылья. И это вам весьма нужно знать, что до креста ученики были несведущи во многом; потому Господь, укоряя их, и говорил: *еще ли и вы без разума есте? Не у ли разумеваете, ниже помните, яко не о хлебех рех вам внимати, (но) от кваса фарисейска* (Матф. XV, 16; XVI, 11)? И еще: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Иоан. XVI, 12). Они не только не понимали высших истин, но и то, что слышали, часто забывали от страха и робости; за это укоряя их, Он говорил: *никто же от вас вопрошает Мене: камо идеши; но, яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша* (Иоан. XVI, 5, 6), и еще об Утешителе говорил: *той воспомянет вам вся и научит вы* (Иоан. XIV, 26). Он сказал бы: *воспомянет*, если бы они не забывали многого из сказанного. Это я говорю не без основания; так Петр оказывается иногда произносящим совершенное исповедание, а иногда забывшим все. Тот, который говорил: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Матф. XVI, 16), и был назван за это блаженным, спустя немного времени так согрешил, что был назван сатаною; Господь сказал ему: *иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая* (ст. 23). Кто может быть несовершеннее того, который думает не о Божием, но о человеческом? Когда Господь возвестил ему о кресте и воскресении, то он не понял ни глубины сказанного, ни тайны догматов, ни будущего спасения вселенной, и приступив к Нему наедине, сказал: *милосерд ты, Господи, не имать быти Тебе сие* (ст. 22). Видишь ли, что они ясно не знали ничего о воскресении? Выражая тоже самое, евангелист сказал: *не у бо ведяху, яко подобает Ему из мертвых воскреснути* (Иоан. XX, 9). Не зная об этом, они тем более не знали о другом, как-то: о небесном царствии, о нашем начатке [во Христе] (1 Кор. XV, 20) и вознесении на небо: как бы привязанные к земле, они еще не могли парить в высоте. Имея такое разумение и ожидая, что скоро настанет царство Христово в Иерусалиме, ничего больше этого они не знали, как говорит и другой евангелист, замечая, что они думали, будто уже наступает царство Его, которое представляли человеческим, и полагали, что Он идет на такое царство, а не на крест и смерть, и хотя многократно слышали об этом, но ясно понимать не могли (Марк. X, 37).

5. Итак, еще не имея ясного познания догматов и думая, что Он идет на земное царство и будет царствовать в Иерусалиме, ученики (Иаков и Иоанн) приступили к Нему на пути, считая это время удобным, и предложили свою просьбу. Выделив себя из среды учеников и думая только о себе, они стали просить себе председательства и первенства пред

прочими, полагая, что дела пришли уже к концу, что все уже исполнено и наступило время раздачи венцов и наград; но это происходило от крайнего неведения. А что это не догадка и не предположение, я представляю вам доказательство из слов самого Иисуса, знающего тайное. Послушай, что говорит Он им в ответ на их просьбу: *не веста, чесо просита* (Матф. XX, 22). Что может быть яснее такого доказательства? Видишь ли, что они не знали, чего просили, и стали говорить с Ним о венцах, наградах, председательстве и чести, когда еще не начались подвиги? Этими словами: *не веста, чесо просита*, Господь внушает две мысли: во-первых ту, что они говорят о царстве, о котором у Христа не было и речи, так как Он возвещал не об этом царстве, земном и чувственном; во-вторых ту, что они, домогаясь председательства и высших почестей и желая оказаться славнее и знатнее других, домогаются этого не во время, а весьма неблагоприятно. Тогда было время не венцов и наград, а подвигов, борьбы, трудов, усилий, опасностей и битв. Итак, смысл слов Его следующий: вы не знаете, чего просите, говоря Мне об этом тогда, когда вы еще не потрудились и не вышли на подвиги, когда вселенная остается еще не исправленной, нечестие господствует, и все люди погибают, а вы еще не выходили на поприще и еще не вступали в борьбу; *можета ли пити чашу, юже Аз имам пити, или крещением, имже Аз крещаяся, креститися* (ст. 22)? Чашею и крещением Он называет здесь Свою крестную смерть, - чашею потому, что Он принимал ее с удовольствием; а крещением потому, что посредством нее Он очистил вселенную; и не только по этому, но и по легкости воскресения. Как крещаемый водою выходит из нее весьма легко, не встречая никакого препятствия в свойстве воды; так Он, погрузившись в смерть, восстал с великою легкостью; поэтому Он и называет Свою смерть крещением. А смысл слов Его следующий: можете ли вы подвергнуться умерщвлению и смерти, так как ныне время смертей, опасностей и трудов? Они отвечают: *можева*, не понимая сказанного, но побуждаясь надеждою получить желаемое. Он говорит им: *чашу убо Мою испиета и крещением, имже Аз крещаяся, имате креститися* (ст. 23), возвещая их смерть; и действительно Иаков был усечен мечем, и Иоанн многократно был при смерти; *а еже сести одесную Мене и ошуюю Мене, несть Мое дати, но имже уготовася* (ст. 23). Смысл этих слов такой: смерти вы подвергнетесь, и умерщвлены будете, и мученичество потерпите, а сделаться вам первыми это не зависит от Меня, но может быть достигнуто подвизающимися, посредством особенного усердия, особенной ревности. Чтобы слова мои были яснее, представим какого-нибудь распорядителя при состязаниях; к нему подходит мать, у которой есть два сына ратоборца, вместе с своими сыновьями, и говорит ему: скажи, чтобы эти два сына мои получили венец. Что он ответит ей? Конечно, то же самое: дать это не от меня зависит; я распорядитель при состязаниях, назначающий награды не даром и не по желанию и просьбе приступающих, а по исходу борьбы. В том собственно и состоит дело распорядителя, чтобы воздавать честь мужеству, а не давать наград напрасно и как случится. Так поступает и Христос: Он сказал так, не унижая Своего существа, но выражая то, что не от Него одного зависит давать награды, но и подвизающиеся должны достигать их. Если бы это зависело только от Него, то все люди спаслись бы и пришли бы *в разум истины*, если бы это зависело только от Него, то не было бы разных почестей, потому что Он сам создал всех и о всех одинаково печется. А что почести различны, это послушай, как объясняет Павел: *ина слава солнцу, говорит он, и ина слава луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе* (1 Кор. XV, 41). И еще: *аще ли кто назидает на основании сем, злато, сребро, камение честное* (1 Кор. III, 12). Павел сказал таким образом, чтобы показать разнообразие добродетелей, он выразил этими словами, что спящим и дремлющим невозможно войти в царство небесное, но что тамошних наград нужно достигать посредством многих скорбей. Сыновья Заведеевы, пользуясь великою любовью Христовою и близостию к Нему, думали получить предпочтение пред другими; поэтому, чтобы они, воображая это, не сделались беспечными, Он отклоняет их от таких мыслей и говорит: *несть Мое дати*, но от вас зависит достигнуть этого, если вы захотите, если окажете большее усердие, большие

труды, особенную ревность; Я назначаю венцы за дела, почести за труды, награды за усилия; самое лучшее ходатайство предо Мною - доказательство посредством дел.

6. Видишь, я не без основания говорил, что это зависит не от Него и не от Отца, но от подвизающихся, трудящихся и страдающих? Поэтому и обращаясь к Иерусалиму, Он говорил: *колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя, и не восхотесте; се оставляется дом ваш пуст* (Матф. XXIII, 37, 38). Видишь ли, что никто из нерадивых, беспечных и недеятельных никогда не может спастись? Отсюда мы узнаем и другую тайну, ту, что для получения высочайшей чести и первого места недостаточно даже мученичества. Вот Христос предсказал ученикам, что они потерпят мученичество, и однако не непременно получат первенство, потому что могут быть и такие, которые окажут еще больше заслуг. Выражая это, Он и говорил: *и чашу мою испиета, и крещением, имже Аз крещаяся, имате креститися, а еже сести одесную Мене и ошуюю Мене, несть Мое дати*. Он не говорит этим, будто Он предоставляет сидеть при Себе, но выражает достижение большей чести, получение первенства, преимущество пред всеми; слова: *сести одесную и ошуюю* Он говорит применительно к их понятию, так как они искали первых мест и желали оказаться выше всех прочих. И то, чтобы вам оказаться больше прочих и выше всех, говорит Он, зависит не от одного только (мученичества); хотя вы и умрете, но высочайшую честь *несть Мое дати, но имже уготовася*. Кому же, скажи мне, это уготовано? Посмотрим, кто те блаженные и преблаженные, удостаивающиеся светлых венцов. Кто они, и какие подвиги сделают их столь блистательными? Об этом, послушай, что говорит Он сам; когда десять учеников вознегодовали на двоих за то, что они, выделившись из среды их, хотели присвоить себе высочайшую честь, то посмотри, как Он обуздывает страстное намерение тех и других. Призвав их, Он говорит: *князи язык господствуют ими, и велиции обладают ими: не тако же будет в вас: но иже аще хочет в вас быти первый, буди последним из всех* (Матф. XX, 25-27). Видишь ли, что все они желали сделаться первыми, большими, высшими и, так сказать, начальниками прочих? Посему, останавливаясь на этом и обнаруживая тайну их, Он говорит: *иже аще хочет в вас вящий быти, да будет всем слуга*. Если вы, говорит Он, желаете председательства и высочайшей чести, то старайтесь занимать последнее место, быть ниже всех, смиреннее всех, меньше всех, поставлять себя после прочих. Такая добродетель и доставляет высочайшую честь; а пример этого - близкий и весьма сильный. *Сын человеческий не прииде да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою избавление за многих* (ст. 28). Что действительно чрез это делаются славными и знаменитыми, посмотрите, говорит Он, на совершающееся со Мною, не нуждающимся ни в чести, ни в славе; и Я чрез то же самое достигаю бесчисленных благ. Действительно, пока Он не принял плоть и не смирил Себя, все погибало и разрушалось; а когда смирил Себя, то все возвел на высоту, уничтожил проклятие, упразднил смерть, отверз рай, умертвил грех, открыл своды небесные, вознес начаток наш на небо, наполнил вселенную благочестием, рассеял заблуждение, водворил истину, возвел начаток наш на престол царский, совершил бесчисленное множество благодеяний, которых ни я, ни все люди не могут изобразить словом. Прежде, нежели Он смирил Себя, Его знали только ангелы; а когда смирил Себя, то Его узнал весь род человеческий. Так смирение не унизило Его, но доставило бесчисленные блага, бесчисленные заслуги, и сделало то, что слава Его просияла еще более. Если же для Бога, Который вседозволен и ни в чем не нуждается, смирение послужило к такому благу, доставило Ему больше слуг и распространило Его царство, то почему ты боишься унизиться от смирения? Тогда ты будешь более высоким, тогда великим, тогда славным, тогда знаменитым, когда будешь ставить себя ниже всех, когда не будешь стремиться к первенству, когда будешь подвергаться унижению, страданиям и опасностям, когда будешь стараться служить многим, пешишься и заботиться о них, и для этого будешь готов и делать и терпеть все. Итак, возлюбленные, помышляя об этом, будем с особенным усердием прилежать к смиренномудрию, и когда мы

подвергаемся оскорблению и унижению и испытываем все крайние бедствия, и бесчестие и презрение, будем переносить все с радостью. Ничто так не способствует достижению высоты, славы и чести, и не доставляет величия, как добродетель смиренномудрия, которую исполняя тщательно, да сподобимся мы обетованных благ, благодатию и человеколюбием господина нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

О четырехдневном Лазаре.

ЛАЗАРЬ, воскрешенный сегодня из мертвых, дает нам разрешение многих и различных недоумений. Не знаю, каким образом это (евангельское) чтение подало и еретикам и иудеям повод к противоречию, конечно, не по самой сущности своей, - этого не может быть, - но по коварству их души. Многие из еретиков говорят, что Сын не подобен Отцу. Почему? Потому, что Христос, говорят они, для воскрешения Лазаря имел нужду в молитве; а если бы не помолился, то и не воскресил бы Лазаря. Как же, говорят они, молившийся может быть подобным принимающему молитву? Здесь один молится, а другой принимает молитву от молящегося. Но они богохульствуют, не понимая, что молитва была делом снисхождения и по причине немощи присутствовавших. Скажи мне, кто больше: тот ли, кто умывает ноги, или тот, кому он умывает ноги? Конечно, скажешь, тот больше, кому другой умыл ноги. Но Спаситель умыл ноги предателя Иуды, который также был вместе с учениками. Кто же, не Иуда ли предатель больше Владыки Христа, если Христос умыл его ноги? Да не будет! А что ниже: умывать ноги или молиться? Конечно - умывать ноги. Итак, не отказавшийся сделать низшее, как отказался бы сделать высшее? Впрочем, все сделано было по причине немощи присутствовавших иудеев, как это покажет дальнейшая речь. Между тем иудеи, находя здесь повод к противоречию, говорят: как христиане считают Богом того, который даже не знал места, где лежал умерший Лазарь? Ибо Спаситель сказал сестрам Лазаря, Марфе и Марии: *где положисте его* (Иоан. XI, 34)? Видишь ли, говорят они, Его неведение? Видишь ли Его немощь? Как же тот, который даже не знал места, может быть Богом? Но я спрошу их, не сомневаясь сам, но для посрамления их противоречия: ты говоришь, иудей, что Христос не знал этого, если сказал: *где положисте его*? Так и Отец не знал в раю, где скрылся Адам, если Он ходил как бы ища его в раю, и говорил: *Адаме, где еси* (Быт. III, 9), т. е. где ты скрылся? Почему прежде Он не говорил о месте, откуда Адам дерзновенно беседовал с Богом? *Адаме, где еси*? Что же Адам? *Глас слышах Тебе ходяща в раю, и убоялся, яко наг есмь, и скрыхся* (ст. 10). Если ты, иудей, называешь неведением то, называй неведением и это. Христос говорил Марфе и Марии: *где положисте его*? Ты называешь это неведением? Что же скажешь, когда услышишь Бога, говорящего Каину: *где есть Авель брат твой* (Быт. IV, 9)? Что ты скажешь на это? Если то называешь неведением, называй неведением и это. Выслушай и еще пример из Божественного Писания. Бог сказал Аврааму: *воплъ Содомский и Гоморрский умножися ко Мне. Сошед убо узрю, аще по воплю их грядущему ко Мне совершаются, аще же ни, да разумею* (Быт. XVIII, 20, 21). *Сведый вся прежде бытия их* (Дан. XIII, 42), *испытаяй сердца и утробы Бог* (Псал. VII, 10), *единый ведущий помышления человеческая* (Пс. XCIII, 11) сказал: *сошед убо узрю, аще по воплю их грядущему ко Мне совершаются, аще же ни, да разумею*. Если то означает неведение, то и это означает неведение. Но ни Отец не имел неведения в Ветхом Завете, ни Сын - в Новом Завете. Что же значит: *сошед узрю, аще по воплю их грядущему ко Мне совершаются, аще же ни да разумею*? Слух, говорит Он, дошел до Меня, но Я желаю еще точнее на самом деле удостовериться в том, не потому, что Я не знаю, но потому, что

желаю научить людей - не внимать одним словам и, когда кто скажет что-нибудь против другого, не верить легкомысленно, а сначала самим тщательно исследовать и на самом деле удостовериться, и потом уже верить. Поэтому и в другом месте Писания сказано: *не всякому словеси емли веры* (Сир. XIX, 16). Ничто так не извращает жизни людей, как поспешная доверчивость ко всяким речам. Возвещая это, и пророк Давид сказал: *оклеветаящего тай искреннего своего, сего изгоняя* (Пс. С, 5).

2. Видишь, что не по неведению Спаситель говорил: *где положисте его*, равно как не по неведению и Отец говорил Адаму: *где еси*, или Каину: *где есть Авель брат твой*, или: *сошед узрю, аще по воплю их грядущему ко Мне совершаются, аще же ни, да разумею*. Теперь же время выступить против тех, которые говорят, что Христос по немощи Своей молился, воскрешая Лазаря. Слушайте же, прошу вас, возлюбленные, со всем вниманием. Когда умер Лазарь, Иисус не был в тех местах, но был в Галилее и сказал Своим ученикам: *Лазарь друг наш усне* (Иоан. XI, 11). Они же, думая, что Он говорит о сне его, сказали Ему: *Господи: аще усне, спасен будет* (ст. 12). Тогда Он ясно сказал им: *Лазарь умре* (ст. 14). Затем Спаситель идет в Иерусалим к тому месту, где лежал Лазарь; Его встречает сестра Лазаря и говорит Ему: *Господи, аще бы еси zde был, не бы брат мой умерл* (ст. 21). *Аще бы еси zde был*: немощна ты женщина! Эта женщина тогда не знала, что Христос, хотя не присутствовал телесно, но присутствовал силою Божества; она же ограничивала силу Учителя телесным присутствием. Марфа говорит Ему: *Господи, аще бы еси zde был, не бы брат мой умерл. Но и ныне, говорит, вем, яко елика аще просиши от Бога, даст тебе Бог* (ст. 22). Вследствие ее просьбы Спаситель и совершает молитву. Бог не имел нужды в молитве, чтобы воскресить мертвого. Разве не воскрешал Он и других мертвецов? Когда Он встретил мертвого (юношу), выносимого из ворот, то коснулся только одра его, и воскресил мертвеца (Лук. VII, 14). Разве имел Он тогда нужду в молитве, чтобы воскресить умершего? И в другой раз Он только сказал отроковице слова: *талифа куми* (Марк. V, 41), и тотчас же передал ее родителям ее здоровою. Разве имел Он тогда нужду в молитве? Но что я говорю об Учителе? Ученики Его воскрешали мертвых одним словом. Не словом ли Петр воскресил Тавифу? Не одеждами ли своими Павел совершил много знамений? Узнай еще более удивительное: даже тень апостолов воскрешала мертвых. *Яко износити*, говорится в Писании, *недужные на постелях, да поне сень Петра осенит некоего от них*, и они тотчас вставали (Деян. V, 15, 16). Что же? Тень учеников воскрешала мертвых, а Учитель имел нужду в молитве, чтобы воскресить мертвого? Нет, Спаситель совершает молитву по причине немощи женщины, которая говорила Ему: *Господи, аще бы еси zde был, не бы брат мой умерл: и ныне вем, яко елика аще просиши от Бога, даст тебе Бог*. Ты просила молитвы, Я и даю молитву. Например: пред нами источник; кто принесет сосуд, наполняет его (водою); если сосуд велик, то он получает много; а если мал, то получает мало. Так и она просила молитвы, и Спаситель дает молитву. Один говорил: *Господи, несмь достоин, да под кров мой внидеши, но токмо рцы слово: буди тебе, и исцелеет отрок мой*: и Спаситель сказал ему: *по вере твоей буди тебе* (Матф. VIII, 8, 13). Другой просил: *пришед исцели дочь мою; и Он отвечал ему: пойду за тобою* (Матф. IX, 18, 19). Так по настроению людей употребляется и лекарство врача. Еще другая женщина тайно коснулась края одежды Его, и тайно получила исцеление (Матф. IX, 21); каждый как веровал, так и получал исцеление. Марфа сказала: *вем, яко елика аще просиши от Отца, даст тебе Отец*; и так как она просила молитвы, то Спаситель и дает молитву, не нуждаясь Сам в молитве, но сообразуясь с немощию этой женщины и желая показать, что Он не противник Богу, но все то, что делает Он, делает и Отец. В начале Бог сотворил человека, это творение было общим делом и Отца и Сына: *сотворим*, говорит Бог, *человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26). Также Он, восхотев ввести разбойника в рай, изрек слово, и тотчас введен был разбойник в рай; и для этого Христос не имел нужды в молитве, хотя всем потомкам Адамовым Бог заградил вход в рай, поставив для охранения его пламенный меч. Христос же Своею властью и

отверз рай и ввел в него разбойника. Разбойника, Владыка, Ты вводишь в рай? Отец Твой за один грех изгнал Адама из рая, а Ты вводишь туда разбойника, виновного в бесчисленных злодеяниях и бесчисленных преступлениях, и так просто, одним словом вводишь его в рай? Да; потому что и то совершилось не без Меня, и это - не без Отца Моего; но как и то было Моим делом, так и это - дело Отца Моего. *Яко Аз во Отце и Отец во Мне* (Иоан. XIV, 10).

3. А чтобы ты видел, что воскрешение мертвого совершилось не вследствие молитвы, выслушай самую молитву. Что говорит Он? *Отче хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя* (Иоан. XI, 41). Что это? По виду своему разве это молитва, разве это прошение? *Хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя: Аз же, говорит, ведех, яко всегда Мя послушаеши* (ст. 42). Если же Ты, Господи, знаешь, что Отец всегда слушает Тебя, то для чего приступаешь к Нему с тем, что знаешь? Я знаю, говорит Он, что Отец всегда слушает Меня, *но народа ради, стоящего окрест, рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси* (ст. 42). Молился ли Он о покойнике? Просил ли, чтобы воскрес Лазарь? Сказал ли: Отче, повели, чтобы смерть повиновалась? Сказал ли: Отче, повели аду, чтобы он не заключал врат, но скоро возвратил мертвеца? *Но народа ради, говорит Он, стоящего окрест, рех, да познают все, яко Ты Мя послал еси*. Таким образом это действие было не для чуда, но для поучения присутствовавших. Видишь, что молитва была не для мертвого, но для присутствовавших неверных, чтобы они познали, говорит Он, *яко Ты Мя послал еси*. Как, скажут, мы можем узнать, что Он послал Тебя? Слушай, прошу тебя, со всем вниманием. Вот, говорит Он, Я собственною Своею властью вызываю мертвого; вот Я собственною силою повелеваю смерти. (Бога) Отца называю (Своим) Отцем и Лазаря вызываю из гроба. Если не истинно первое, то пусть не будет и последнего; если же (Бог) Отец истинно есть (Мой) Отец, то пусть послушается и мертвец для вразумления присутствующих. Что же сказал Христос? *Лазаре, гряди вон* (Иоан. XI, 43). Когда совершилась молитва, то мертвый не воскрес; а когда Он сказал: *Лазаре, гряди вон*, тогда мертвый воскрес. О сила смерти! О могущество силы, удерживающей душу! О ад! Совершилась молитва, и ты не освобождаешь мертвого? Нет, говорит ад. Почему? Потому, что мне не дано повеления. Я - страж, удерживающий здесь виновного; если не получаю повеления, то и не отпускаю; молитва же была не для меня, а для присутствовавших неверных; не получая повеления, я не отпускаю виновного; ожидаю голоса, чтобы освободить душу. *Лазаре, гряди вон*, и мертвый услышал повеление Господне, и тотчас разрушил законы смерти. Да постыдятся еретики и да погибнут с лица земли! Эта речь доказывает, что молитва была не для воскрешения мертвеца, но по причине немощи присутствовавших тогда неверных. *Лазаре, гряди вон*. А для чего Христос назвал мертвого по имени? Для чего? Для того, чтобы, обратив речь вообще к мертвым, не вызвать всех из гробов, Он поэтому и говорит: *Лазаре, гряди вон*, тебя одного Я вызываю в присутствии этого народа, чтобы частным воскресением показать и силу будущего; так как Я, воскресил одного, воскрешу вселенную: *Аз есмь воскрешение и живот* (Иоан. XI, 25). *Лазаре, гряди вон. И изыде умерый обязан укроем* (ст. 44). О дивные дела! Тот, Кто разрешил душу от уз смерти, разрушил врата ада, сокрушил врата медные и двери железные, Тот, освободив душу от уз смерти, неужели не мог освободить мертвого и от погребальных пелен? Конечно мог; но Он повелевает иудеям развязать пелены, которыми они обвили Лазаря при погребении, чтобы они признали эти пелены, и на основании того, что сами сделали, убедились, что это тот самый Лазарь, которого они приготавливали к погребению, и что здесь - Христос, пришедшей в мир по благоволению Отца, имея власть над жизнью и смертью. Ему слава и держава со безначальным Его Отцем и всесвятым и животворящим Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "о том, что безмолвие и несообщение другим того, что мы знаем, делает нас беднейшими и погашает благодать; и о молитвах, которыми Христос молился, и о власти, с какою Он совершал все; и об усовершенствовании ветхозаветного закона; и о том, что воплощение не уменьшает равенства Сына с Отцом, но еще более подтверждает его".

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

В предшествовавшие дни мы сказали довольно похвальных речей, изображая апостольские подвиги и наслаждаясь беседою о духовных доблестях: теперь же время отдать вам долг, так как ничто не препятствует этому. Знаю, что вы уже забыли о долгах моих по давности времени; однако я не скрою их по этой причине, но со всею готовностью отдам их вам. Это я делаю не только по признательности, но и для своей пользы. В договорах вещественных для должника выгодно, когда заимодавец забывает о долге; а в договорах духовных для имеющего платить долг - величайшая польза в том, чтобы имеющие получить постоянно помнили о долгах. Там отдаваемый долг уходит от дающего и переходит к получающему, уменьшает имущество первого и увеличивает имущество последнего; а в делах духовных не так: здесь можно, отдавая имущество, и удерживать его, и, что удивительно, тогда особенно мы и удерживаем его у себя, когда отдаем другим. Если я скрою что-нибудь в душе и буду постоянно хранить это, не сообщая никому, то моя выгода сократится, богатство уменьшится; а если я предложу всем и сделаю многих участниками и общниками всего того, что знаю сам, то мое духовное богатство увеличится. А что это действительно так, что уделяющий другим увеличивает свое имущество, а скрывающий его лишается всего приобретенного, свидетельствуют об этом те, которым вверены были таланты, одному - пять, другому - два, третьему - один. Первые принесли вверенное им в двойном количестве и за это получили почести; а последний, сохранив талант у себя и никому не передав его, не мог удвоить его и за это был наказан. Итак все мы, слыша это и опасаясь наказания, будем открывать братьям имеющееся у нас благо и предлагать его всем, а не скрывать. Когда мы станем делиться с другими, то сами будем более обогащаться; когда станем делать многих участниками нашего достояния, тогда увеличим собственное богатство. А ты думаешь, что слава твоя уменьшится, если вместе со многими будешь знать то, что знал ты один? Напротив, тогда и увеличится твоя слава и польза, когда ты подавишь в себе зависть, когда уничтожишь ненависть, когда покажешь великое братолюбие; если же ты будешь один пользоваться своим знанием, то люди будут отвращаться от тебя и ненавидеть тебя, как завистника и братоненавистника, а Бог осудит тебя на крайнее наказание, как злостного; кроме того и самая благодать скоро покинет тебя и удалится. Так хлеб, постоянно оставаясь в житницах, портится и поедается молью; а если он будет вынесен и посеян на нивах, то умножается и снова обновляется. Так и слово духовное, оставаясь постоянно заключенным в душе, растлеваемой и снедаемой завистию, нерадением и расслаблением, скоро погибает; а если оно будет посеяно в душах братий, как бы на плодородной ниве, то делается многократно умножившимся сокровищем и у принимающих его и у владеющего им. Как источник, если из него постоянно черпают воду, более очищается и делается обильнее, а если он бывает закрыт, то иссыкает; так и дар духовный и слово назидания, если из него постоянно черпают и заимствуют желающие, течет обильнее; а если задерживается завистию и ненавистию, то уменьшается и, наконец, прекращается. Итак, если от этого нам столько пользы, то теперь я предложу все, что имею и заплачу вам весь долг, напомнив наперед весь ряд этих долгов.

2. Вы знаете и помните, что раньше, беседуя о славе Единородного, я перечислил много причин снисхождения в Его изречениях, и сказал, что Христос часто говорил уничиженно не только как облеченный плотию и не только по причине немощи слушателей, но во многих случаях и для того, чтобы научить смиренномудрию. Эти причины я тогда достаточно исследовал, упомянув и о молитве при воскрешении Лазаря и о молитве, произнесенной на кресте, и ясно показав, что одну Он совершил для удостоверения в Своем домостроительстве, а другую для исправления немощи слушателей, не имея Сам нужду ни в какой помощи. А что Он многое делал и для научения людей смиренномудрию, об этом послушай далее. Он влил воду в умывальницу, и мало этого, - еще опоясался полотенцем, нисходя до крайнего уничижения; потом начал умывать ноги ученикам, а вместе с учениками умыл ноги и предателя. Кто не изумится и не подивится этому? Он умывает ноги тому, который намеревался предать Его. И Петра, который уклонился и сказал: *Господи, не умыеши ногу мою*, Он не обходит, но говорит ему: *аще не умью ног твоих, не имаши части со Мною*, тогда Петр сказал: *Господи, не ноze мои токмо, но и руке и главу* (Иоан. XIII, 6-9). Видишь ли благоговение ученика и в том и в другом - и в уклонении и в согласии? Хотя в словах его и было противоречие, но то и другое было сказано от пламенного душевного расположения. Видишь ли, как он был всегда пылок и ревностен? Но, повторяю, из уничиженного действия ты не должен выводить заключения об уничиженности существа Его; послушай, что говорит Он ученикам после омовения: *весте ли, что сотворих вам? Вы глашаете Мя учителя и Господа, и добре глаголете: есмь бо. Аще убо Аз умых ваши ноze, Господь и учитель, и вы должны есте друг другу умывати ноze. Образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите друг другу* (Иоан. XIII, 12-15). Видишь ли, что Он делал многое для примера людям? Как исполненный мудрости учитель лепечет вместе с лепечущими детьми, и этот лепет служит знаком не неведения учителя, но заботливости его о детях; так точно и Христос делал это не по несовершенству существа Своего, но по снисхождению. Этого не должно оставлять без внимания; потому что если мы станем рассматривать дело само по себе, то смотри, какая может быть выведена нелепость. Если умывающего считать ниже того, кого он умывает (умывающим был Христос, а умываемыми - ученики), то Христос окажется ниже учеников; но этого никто, даже безумный, не может сказать. Видишь ли, какое зло - не знать причин, по которым Христос делал все, что делал? Или, лучше сказать, видишь ли, какое благо - исследовать все тщательно и не только смотреть на то, что Он сказал или сделал уничиженного, но и вникать, для чего и почему так? И не в этом только случае Он поступил так, но и в другом показал тоже самое. Сказав: *кто болий, возлежай ли, или служай*, Он продолжал: *не возлежай ли? Аз же посреде вас есмь яко служай* (Лук. XXII, 27). Так Он говорил и делал для того, чтобы показать, что Он многократно уничижал себя для назидания учеников, и вместе для того, чтобы расположить их к смирению. Очевидно, что не по несовершенству Своего существа, но для их назидания Он переносил все это. И в другом месте Он говорит: *князи язык господствуют ими: не тако же будет в вас: но, иже аще хочет в вас быти первый, да будет вам раб. Якоже Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити* (Матф. XX, 25-28). Итак, если он пришел послужить и научить смиренномудрию, то не смущайся и не изумляйся, когда увидишь Его совершающим и говорящим свойственное слугам. И многие из молитв Он совершал с тем же намерением. К Нему подошли и сказали: *Господи научи ны молитися, яко же и Иоанн научи ученики своя* (Лук. XI, 1). Что же, скажи мне, Ему следовало делать? Не научать их молиться? Но Он для того и пришел, чтобы научить их всякому любомудрию. Следовало научить? В таком случае Ему надлежало и молиться. Скажут: это нужно было сделать только словом. Но не столько наставление словами, сколько делами, обыкновенно действует на учеников. Посему Он не словами только научает их молитве, но и Сам часто совершает молитвы и целые ночи молится в пустынях, вразумляя и научая нас, чтобы мы, когда намереваемся беседовать с Богом, избегали шума и смятений людских и удалялись в пустыню не по местности

только, но и по всем обстоятельствам. Пустынею может быть не гора только, но и малая комната, удаленная от шума.

3. Для того, чтобы вы убедились, что молитва Его была делом снисхождения, я особенно указал на происходившее с Лазарем; но то же видно и из других случаев. Почему Он молится не при больших чудесах, а при меньших? Если бы Он молился по нужде в помощи и по неимению в Себе достаточной силы, то Ему следовало бы молиться и просить Отца при всех чудесах, а если не при всех, то по крайней мере при больших. Но Он делает противоположное: при важнейших делах Он не молится и этим показывает, что Он, когда совершал молитву, делал это не потому, чтобы Сам не имел силы, но чтобы научить других; так, когда Он благословлял хлебы, то воззрел на небо и молился, чтобы научить нас не прикасаться к трапезе, не возблагодарив прежде Творца плодов - Бога. Воскрешая многих мертвых, Он не молился, а молился только при воскрешении Лазаря. О причине этого мы уже сказали: Он хотел исправить немощь предстоявших, о чем и сам Он сказал ясно, прибавив: *народа ради, стоящего окрест, рех* (Иоан. XI, 42). Я достаточно объяснил тогда, что не молитва, а воззвание Его воскресило этого мертвеца; но чтобы тебе лучше понять это, обрати внимание на дальнейшее. Когда нужно было наказать, или наградить, или отпустить грехи, или постановить закон, или когда нужно было сделать что-нибудь гораздо важнейшее, то ты нигде не найдешь, чтобы Он при этом взывал к Отцу и молился, но все это Он совершал Своею властью. Я перечислю все это по порядку, а ты тщательно замечай, что Он никогда не нуждался в молитве. *Приидите*, говорил Он, *благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие* (Матф. XXV, 34); и еще: *идите от мене проклятии во огонь, уготованный диаволу и ангелом его* (ст. 41). Вот, Он с полною властью Сам наказывает и награждает и не нуждается ни в какой молитве. Также, когда надлежало исцелить тело расслабленного, Он говорит: *востани и возми одр твой, и ходи* (Марк. II, 9); когда надлежало избавить от смерти: *талифа куми, востани* (Марк. V, 41); когда надлежало освободить от грехов: *дерзай, чадо, отпущаются ти греси твои* (Матф. IX, 2); когда надлежало изгнать демонов: *тебе глаголю душе, нечистый, изыди от него* (Марк. V, 8); когда надлежало укротить море: *молчи, престани* (Марк. IV, 39); когда надлежало очистить прокаженного: *хощу, очистися* (Матф. VIII, 3); когда надлежало постановить закон: *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеш: аз же глаголю вам: иже аще речет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненной* (Матф. V, 21, 22). Видишь ли, как Он совершает все собственною властью Господнею, и в геенну ввергает, и в царство вводит, и расслабление исцеляет, и смерть отгоняет, и грехи отпускает, и демонов изгоняет, и море укрощает? Что же важнее, скажи мне, в царство ли ввести, и в геенну ввергнуть, и грехи отпустить, и законы даровать своею властью, или сделать хлебы? Не очевидно ли для всех и несомненно, что первое важнее последнего? Однако Он при важнейших делах не молится, показывая тем, что и при менее важных Он делал это не по недостатку силы, а для научения присутствовавших. А чтобы ты уразумел, какое великое дело отпускать грехи, я приведу тебе свидетелем пророка; никому другому, говорит пророк, не свойственно это, кроме одного Бога: *кто Бог, якоже Ты, отъемляй беззакония и оставляяй нечестия* (Мих. VII, 18)? Хотя ввести в царство гораздо важнее, нежели избавить от смерти, но и это Христос совершал со властью. И издавать законы - дело не подчиненных, а царствующих; об этом свидетельствует самая природа вещей: только царям свойственно постановлять законы; это выражает и апостол в следующих словах: *о девах же повеления Господня не имам: совет же даю, яко помилован от Господа верен быти* (1 Кор. VII, 25). Так как он был раб и служитель, то и не осмелился прибавить что-нибудь к постановленному изначала. А Христос поступает не так: с великою властью Он исчисляет древние законы и вводит еще свои. Если же просто постановлять законы свойственно только царской власти, а Он оказывается не только постановляющим законы, но и исправляющим древние, то какое остается оправдание желающим бесстыдствовать? Отсюда видно, что Христос единосущен с Родителем.

4. Но чтобы то, о чем я говорю, сделалось более ясным, обратимся к самым словам Писания. Взошедши на гору, говорится там, Христос сел и начал говорить всем, окружавшим Его: *блажени нищии духом, кротцыи, милостивии, чистии сердцем* (Матф. гл. V). Затем, после этих блаженств, Он говорит: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки: не приидох разорити, но исполнити* (ст. 17). Кто же подозревал это? Почему Он говорит так? Разве сказанное Им было противоположно прежнему? *Блажени*, говорит Он, *нищии духом*, т. е. смиренномудрые; но это говорил и Ветхий Завет: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Псал. L, 19). Еще: *блажени кротцыи*, и это также возвещает Исаия, когда говорит от лица Божия: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих* (Иса. LXVI, 2)? *Блажени милостивии*; и это также часто повторялось: *живота нищего не лиши*, говорит (Премудрый), *раба скорбяща не отрей* (Сир. IV, 1-4), и везде много говорится о человеколюбии. *Блажени чистии сердцем*; тоже и Давид говорит: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Псал. L, 12). Если кто пересмотрит и прочие блаженства, то найдет большое согласие их (с Ветхим Заветом). Почему же Христос, не сказав ничего противоположного прежнему, присовокупил: *не мните, яко приидох разорити закон, или пророки*? Он относит эту оговорку не к тому, что было сказано, а к тому, что еще имело быть сказано. Так как Он хотел усилить заповеди, то, чтобы не подумали, будто это усиление есть опровержение и прибавление есть противоречие, Он и сказал: *не мните яко приидох разорити закон, или пророки*, т. е. Я хочу сказать нечто совершеннейшее того, что прежде было сказано, как-то: *слышасте: не убиеши; Аз же глаголю: да не гневаешия: слышасте: не прелюбы сотвориши; Аз же глаголю: всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ее, уже любодействова*, и тому подобное (Матф. V, 21-28). Итак не думайте, что усовершенствование есть нарушение; это - не нарушение, а восполнение; и что делал Он с телами, тоже делает и с законом. Что же Он делал с телами? Пришедши Он нашел много членов поврежденных и имеющих во всем недостатки; их Он и исправлял и возвращал им надлежащее благообразие, делами своими показывая всем, что Он сам постановил и древние законы и создал наше естество. А что Христос хотел показать это, видно в особенности из исцеления слепого. Проходя и увидев одного слепого, Он сделал брение, помазал этим брением слепые глаза и сказал ему: *иди, умыйся в купели Силоамсте* (Иоан. IX, 7). Для чего же Он, часто одним повелением Своим воскрешавший мертвых и совершавший много других чудес, здесь присовокупляет некоторое действие, составляя брение и созидавая глаза слепому? Не очевидно ли для того, чтобы ты, слыша, что Бог взял персть от земли и создал человека, из настоящего события убедился, что Христос есть Тот, Кто вначале создал человека? А если бы Он не хотел показать это, излишне было бы то, что Он сделал. Потом, чтобы ты знал, что не употребление брения содействовало Ему для дарования прозрения слепому, но что Он и без вещества мог бы одним повелением создать эти глаза, Он прибавляет: *иди*, говорит, *умыйся в купели Силоамсте*. Показав нам самым способом чудотворения, Кто и вначале сотворил человека, Он потом говорит слепому: *иди, умыйся в Силоаме*. Как отличный ваятель, желая показать на деле свое искусство, при изготовлении статуи оставляет некоторую часть ее неоконченною, чтобы на этой части представить доказательство своего искусства в устройстве целой статуи, так и Христос, желая показать, что Он, сам сотворив целого человека, оставил этого (слепого) несовершенным для того, чтобы, пришедши и даровав ему глаза, эту часть внушить нам веру в отношении к целому. И посмотри, с какою частию тела Он поступил так: не с рукою и ногою, но с глазами, прекраснейшим и необходимейшим из наших членов, драгоценнее которого у нас нет ни одного члена. А кто мог создать прекраснейший и необходимейший член, т. е. глаза, Тот очевидно может сотворить и руку, и ногу, и прочие члены. О, как блаженны те глаза, которые сделались предметом зрелища для всех присутствовавших, привлекали к себе всех, и своею красотою проповедовали, возвещая всем присутствовавшим о силе Христовой! Подлинно, дивное было событие: слепой учил

зрячих прозрению. Выражая это, Христос и говорил: *на суд Аз в мир сей приидох, да не видящии видят, и видящии слепи будут* (Иоан. IX, 39). О, блаженная слепота! Глаза, который слепой не получил от природы, он получил от благодати, и не столько потерпел вреда от промедления (в получении глаз), сколько получил пользы от способа создания их. Что может быть удивительнее тех глаз, которые создать удостоили непорочные и святые руки? И что случилось с бесплодною женою, то произошло и здесь. Как она не потерпела никакого вреда от долгого бесплодия, но, сделалась более славною, получив сына не по законам природы, а по законам благодати (Быт. XVI, 1; Лук. I, 7); так точно и слепой не потерпел никакого вреда от предшествовавшей слепоты, но и получил отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узреть Солнце правды, а потом - солнце видимое.

5. Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидим себя или других в несчастиях. Если мы будем с благодарностью и мужеством переносить все случающееся, то всякое несчастье непременно будет иметь благой для нас конец и сопровождаться многими благами. Но я начал говорить, что подобно тому, как тела, имевшие недостатки, Христос исправлял, так и закон, оказавшийся несовершенным, Он устроил, преобразовывал и делал лучшим. Впрочем, слыша о несовершенстве закона, никто пусть не думает, будто я суждаю Законодателя. Тот закон несовершенен не по своей сущности, но сделался несовершенным с течением времени; в то время, когда он был дан, он был, весьма совершенным и пригодным для принявших его; а когда род человеческий, руководимый им, сделался лучше, то закон стал менее совершенным, не по своей сущности, а по причине нравственного усовершенствования наученных им. Как луки и стрелы, сделанные царскому сыну для упражнения, а не для войны и сражения, становятся бесполезными, когда этот сын вырастет и научится отличать в сражениях, так точно случилось и с нашею природою: когда мы были менее совершенными и занимались упражнениями, тогда Бог дал нам и соответственное оружие, которое мы легко могли носить; но когда мы возросли в нравственном отношении, то от нашего усовершенствования это оружие сделалось несовершенным. Поэтому пришел Христос и предложил нам другое, совершеннейшее. И посмотри, с какою мудрости Он перечисляет древние законы и предлагает новые. *Слышасте*, говорит Он, *яко речено бысть древним: не убиеши* (Матф. V, 21). Скажи же: кем *речено*? Ты ли сказал это, или Отец Твой? Но Он не говорит этого. Почему же Он умолчал и не назвал изрекшего (законодателя), но безлично привел закон? Потому, что если бы Он сказал: (Отцем) *речено бысть: не убиеши; Аз же глаголю вам: не гневайся*, то слова Его показались бы неприятными по неразумию слушателей, которые еще не могли понимать, что Он предлагал Свои законы не для уничтожения прежних, а для их дополнения. Они сказали бы Ему: что говоришь Ты? Отец Твой сказал: *не убиеши*, а Ты говоришь: *не гневайся*? Итак, чтобы кто не подумал, будто Он противится Отцу, или как бы предлагает нечто более мудрое, чем данное Тем (Законодателем), Он и не сказал: *слышасте от Отца*. С другой стороны, если бы Он сказал: *слышасте*, как Я говорил древним; то и это показалось бы невыносимым не менее первого. Если тогда, когда Он сказал: *прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь* (Иоан. VIII, 58), намеревались побить Его камнями, то чего не сделали бы, если бы Он прибавил, что и Моисею Он же дал закон? Поэтому Он и не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но неопределенно сказал: *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши*. Как Он поступал с телами, исправлением их недостатков внушая слушателям и то, Кто в начале сотворил человека; так поступает и здесь, исправлением закона и дополнением недостающего, внушая, Кто в начале дал и закон. Поэтому, беседуя и о сотворении человека, Он не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но и там выразился безлично и неопределенно, сказав: *Сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил Я есмь* (Матф. XIX, 4); в словах Он умалчивал о Создателе, а в делах указывал на Него, исправляя недостатки телесные. Так и здесь, сказав: *слышасте, яко речено бысть древним*, Он

умолчал о том, Кем это было сказано, а самыми делами указал на Себя; ибо Кто исправлял недостатки, Тот и в начале произвел человека. Древние же законы Он исчисляет для того, чтобы слушатели чрез сравнение поняли, что сказанное Им не заключает противоречия, и что Он имеет одинаковую власть с Родителем. Это и иудеи поняли и удивлялись. А что они удивлялись, об этом, послушай, как свидетельствует евангелист: *дивляхуся*, говорит он, *народи о учении Его: бе бо уча их, яко власть имея, а не яко книжници и фарисее* (Матф. VII, 28, 29). Но что, скажут, если они неправильно так думали? Однако Христос не осудил их и не укорил, а подтвердил их мнение. Когда вскоре после того подошел прокаженный и сказал: *Господи, аще хоцещи, можеши мя очистити* (Матф. VIII, 2), то что говорит Он? *Хоцу очистися* (ст. 3). Почему Он не сказал просто: *очистися*, хотя прокаженный уже засвидетельствовал, что Он имеет на это власть, сказав: *аще хоцещи*? Чтобы ты не подумал, будто слова: *аще хоцещи*, составляют мнение прокаженного, Христос и Сам прибавил: *хоцу, очистися*. Так Он нарочито везде показывал Свою власть и то, что Он совершает все самостоятельно; иначе, если бы не было так, эти слова были бы излишними.

6. Итак мы уразумели из всего этого власть Христа, если же увидим, что в других случаях Он делал и говорил нечто смиренное, как по тем причинам, которые мы прежде исчислили, так и потому, что Он хотел расположить слушателей к смирennemудрию, то не будем вследствие этого приписывать Ему уничиженного естества. Самое принятие плоти Он допустил по смирennemудрию, а не потому, чтобы Он был ниже Отца. Откуда это видно? Враги истины разглашают и это, и говорят: если Христос равен Родителю, то почему Отец не принял плоти, а Сын облекся в образ раба? Не очевидно ли потому, что Он ниже Отца? Но если бы поэтому Он облекся в наше естество, то Дух, которого они сами считают меньшим Сына (а мы этого не говорим), должен был бы воплотиться. Если Отец больше Сына потому, что один воплотился, а другой не воплотился, то и Дух по той же причине был бы больше Сына, так как и Он не принял плоти. Впрочем, чтобы нам не доказывать умозаключениями, теперь подтвердим это самыми Писаниями и покажем, что Христос принял плоть по смирennemудрию. Павел, знающий это в точности, желая внушить нам что-нибудь полезное, приводит нам примеры добродетели свыше: например, многократно подавая совет о любви и желая расположить учеников ко взаимной любви, он приводит в пример Христа и говорит: *мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби Церковь* (Ефес. V, 25). Также, беседуя о милосердии, он делает тоже самое: *весте*, говорит, *благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богат сый, да вы нищетою Его обогатитесь* (2 Кор. VIII, 9). Смысл слов его следующий: как Владыка твой обнищал, облекшись плотию, так и ты обнищай деньгами; а как Ему нисколько не повредило обнищание славою, так и тебе не может повредить обнищание деньгами, но доставит тебе великое богатство. Также и о смирennemудрии, беседуя с филиппийцами, Он приводит в пример Христа, и сказав: *смирennemудрием друг друга честию боша себе творяще*, прибавляет: *сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе истоцил, зрак раба приим* (Фил. II, 3-7). А если бы Христос благоволил принять плоть потому, что был по существу ниже Отца, то это уже не было бы делом смирennemудрия, и напрасно Павел указывал бы на это, научая смирennemудрию; так как смирennemудрие бывает тогда, когда равный повинуетя равному. Выражая это, апостол и говорит: *иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе истоцил, зрак раба приим*. Что значит: *не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе истоцил, зрак раба приим*? Похитивший что-нибудь из не принадлежащего ему постоянно держит похищенное при себе и не решится отложить его, страшась и опасаясь за приобретение; а кто владеет неотъемлемым благом, тот не опасается и отложить его. Например, - поясним сказанное примером, - представим, что у одного и того же человека есть и раб и сын; если раб нагло присвоит себе свободу, вовсе ему не принадлежащую, и будет восставать

против господина, то он не возьмется за какое-нибудь рабское дело и не будет повиноваться приказаниям, опасаясь, чтобы это не нарушило его свободы и чтобы подчинение не сделало ему унижения; так как он похитил честь и владеет ею не по достоинству. А сын не откажется делать всякое дело рабское, зная, что хотя бы он стал исполнять все рабские службы, свобода его не потерпит никакого вреда, но останется неизменною, так как природное благородство не может быть уничтожено рабскими делами; оно приобретено им не чрез хищение, как рабом, но наследовано им издавна, с первого дня. Объясняя это, и Павел говорит о Христе, что Он, быв по существу свободным и истинным Сыном Отца, не побоялся отложить это, как если бы хищением присвоил Себе равенство с Ним, но смело принял образ раба. Христос знал и точно знал, что унижение не может несколько уменьшить Его славы; потому что она была не заимствованная, не приобретенная хищением, не чуждая и не несвойственная Ему, но естественная и истинная. Поэтому Он и принял образ раба, с ясным знанием и уверенностью, что это несколько не может повредить Ему. Это действительно и не повредило Ему, но и в образе раба Он пребывал с тою же славою. Видишь ли, как самое принятие плоти служит доказательством того, что Сын равен Родителю, и что это равенство не заимствованное, не приходящее и отходящее, но неизменное и постоянное и такое, какое следует иметь Сыну в отношении к Отцу?

7. Итак будем говорить все это еретикам и стараться, насколько от нас зависит, отклонять их от злой ереси и обращать к истине. И сами мы не станем считать одну веру достаточною нам для спасения, но будем заботиться и о поведении, будем вести и наилучшую жизнь, чтобы и то и другое способствовало нам к достижению совершенства. К чему я прежде увещевал, к исполнению того же увещеваю и теперь: прекратим вражду между собою, и пусть никто не остается врагом ближнего долее одного дня, но до наступления ночи пусть укрощает гнев, чтобы, оставшись наедине и тщательно припоминая сделанное и сказанное по вражде, не сделать прекращения ее более трудным и примирение более неудобным. Вывихнутые кости нашего тела, быв тотчас вправлены, без большего затруднения занимают свое место; если же они долгое время останутся вне своего места, то с трудом вправляются и принимают прежнее положение, и вправленные требуют продолжительного времени для того, чтобы твердо установиться, укрепиться и не сдвигаться; так точно и мы, если тотчас станем мириться с врагами, то можем сделать это удобно и без большего труда войти в прежнюю дружбу; а если пройдет много времени, то, как бы ослепленные враждой, мы будем стыдиться, смущаться и иметь нужду в других, которые бы не только примирили нас, но и по примирении тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнем прежней откровенности. Я не говорю уже о насмешках и стыде; ибо какого порицания не заслуживает то, чтобы нуждаться в других, которые помирили бы нас с нашими ближними? От медленности и отлагательства происходит не только это зло, но и то, что несуществующие грехи после кажутся нам грехами; о чем бы ни стал говорить враг, все мы принимаем с подозрением: и движения его, и взгляды, и голос, и походку; и показываясь нам, он воспаляет нашу раздраженную душу, и не показываясь также огорчает нас. Обыкновенно не только вид оскорбивших, но и воспоминание о них постоянно раздражает нас; и, если услышим, что другой говорит что-нибудь о них, мы с своей стороны возвышаем голос и вообще всю жизнь проводим в унынии и огорчении, причиняя больше зла самим себе, нежели врагам, и имея в душе постоянную борьбу. Итак, возлюбленные, зная все это, будем всячески стараться не иметь ни с кем вражды, а если случится какая-нибудь неприязнь, то будем примиряться в тот же день; потому что, если она продолжится на второй и третий день, то скоро третий сделается четвертым, четвертый - пятым, а этот опять породит нам еще больше дней неприязни; и чем дольше мы будем откладывать примирение, тем больше будем стыдиться. Но тебе стыдно придти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это - хвала, это - венец, это - слава, это - польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ; и сам враг

одобрит тебя, и все присутствующие похвалят; а если и осудят люди, то Бог непременно увенчает тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе все благословение; а когда ты сам придешь, то не останешься ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятно последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги. И не только пред Богом, но и пред людьми предосудительно и опасно иметь многих врагов. Что я говорю: многих? Одного и единственного врага иметь так же опасно, как безопасно и спасительно иметь всех друзьями. Не столько умножение имущества, не столько оружие и стены, окопы и другие бесчисленные средства могут обезопасить нас, сколько искренняя дружба. Это - стена, это - крепость, это - богатство, это - утешение, это будет способствовать нам и настоящую жизнь проводить в душевном спокойствии, и доставит будущую жизнь. Итак, помышляя о всем этом и представляя себе великую пользу от этого, будем делать все и принимать все меры, чтобы нам примириться с настоящими врагами, и не приобретать новых врагов, а друзей настоящих сделать более надежными. Начало и конец всякой добродетели - любовь; наслаждаясь ею искренно и постоянно, да сподобимся мы получить царство небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "сказанное в Константинополе против аномеев, о непостижимом, и о том, что Новый Завет согласен с Ветхим, и о неприсутствующих в священных собраниях".

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

ОДИН ДЕНЬ я беседовал с вами и с того дня так полюбил вас, как будто издавна и с раннего возраста жил среди вас; так я соединился с вами узами любви, как будто в течение неисчетного времени наслаждался приятнейшим общением с вами. Это произошло не оттого, чтобы я был особенно склонен к дружбе и любви, но оттого, что вы вождественнее и любезнее всех. Кто не изумится и не удивится вашему пламенному усердию, непритворной любви, уважению к учителям, согласию друг с другом, которых вполне достаточно для того, чтобы привлечь к вам и каменную душу? Поэтому и я люблю вас не менее, чем ту церковь (антиохийскую), в которой я родился, воспитался и учился; эта церковь - сестра той, и вы делами доказали родство с нею. Если та старше по времени, то эта пламеннее по вере; там многочисленнее собрание и торжественнее зрелище, а здесь больше терпения и больше доказательств мужества. Волки со всех сторон окружают овец, а стадо не истребляется; буря, непогода и волнение непрестанно преследуют этот священный корабль, а пловцы не утопают; ярость еретического пламени объемлет со всех сторон, а находящиеся среди горячей печи наслаждаются духовною росой. Видеть церковь насажденную в этой части города так же удивительно, как увидеть среди горячей печи цветущую маслину, одетую листьями и обремененную плодами. Если же вы столь признательны и достойны бесчисленных благ, то теперь я со всею охотою исполню обещание, которое дал вам раньше, когда рассуждал пред вами об оружии Давида и Голиафа и говорил, как один был со всех сторон огражден великим множеством всякого оружия, а другой, вовсе не имея оружия, был огражден верою; один блистал снаружи латами и щитом, а другой изнутри (сиял) духом и благодатию. Поэтому отрок победил юношу, безоружный преодолел вооруженного, пастух низложил воина, обыкновенный камень пастуха разбил и сокрушил медные доспехи врага (1 Цар, гл. XVII). Так и я возьму

в руки камень, т. е. краеугольный, духовный. Если Павлу можно было рассуждать о камне, бывшем в пустыне (1 Кор. X, 4), то конечно никто не будет укорять и меня, когда я буду таким же образом пользоваться этим камнем. Как у иудеев не природа видимого камня, а сила духовного камня произвела потоки вод; так и Давид не вещественным, а духовным камнем поразил голову иноплеменника; поэтому и я тогда обещал вам не говорить ничего по умственным соображениям; *оружия бо воинства нашего не плотская, но духовная, помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий* (2 Кор. X, 4, 5). Так нам заповедуется низлагать помыслы, а не возвышать их, повелевается разрушать их, а не вооружаться ими. *Помышление бо смертных боязлива*, говорит Премудрый (Премуд. IX, 14). Что значит: *боязлива*? Боязливый, хотя бы шел и по безопасному месту, не бывает смел, но страшится и трепещет; так и доказанное умственными соображениями, хотя бы и было истинно, не доставляет душе полного убеждения и достаточной уверенности. Если такова слабость умственных соображений, то я и приступлю теперь к борьбе с еретиками на основании Писаний. Откуда же мне должно начать речь? Откуда хотите, из Нового или Ветхого Завета; так как не только в евангельских и апостольских, но и в пророческих изречениях и во всем Ветхом Завете можно видеть славу Единородного сияющею с великим блеском. Посему мне кажется, что и оттуда можно бросать стрелы в этих еретиков (аномеев). Заимствуя мысли оттуда, мы в состоянии будем преодолеть не только этих одних, но и многих других еретиков, Маркиона, Манихея, Валентина и все секты иудейские. Как при Давиде пал один Голиаф, а все войско обратилось в бегство, смерть постигла одно тело и поражена была одна голова, но бегство и страх были общими для всего войска; так точно и у нас теперь, когда будет поражена и низложена одна ересь, произойдет общее бегство всех названных еретиков. Манихеи и страждующие одинаковою с ними болезнью, по-видимому, признают проповедуемого Христа, а проповедующих о Нем пророков и патриархов не почитают; иудеи же напротив, по-видимому, принимают и уважают проповедующих о Христе, т. е. пророков и законодателя своего, а Проповедуемого ими не почитают. Итак, если я по благодати Божией докажу, что о славе Единородного много предвозвещено в Ветхом Завете, то буду в состоянии пристыдить все такие богопротивные уста и обуздать богохульные языки; потому что, если Ветхий Завет окажется проповедующим о Христе, то какое оправдание будет манихеям и их последователям, не почитающим Писания, которое предвозвещает об общем Владыке всех? Какое извинение и прощение будет и иудеям, не признающим Того, о котором возвещают пророки?

2. Итак, если нам предстоит столь великая победа, обратимся к древним книгам и к древнейшей из всех древних, т. е. книге Бытия, и в самой Книге Бытия обратимся к ее началу. Что Моисей говорил много о Христе, об этом, послушай, как сам Христос говорит: *аще бысте веровали Моисеови, веровали бысте убо и Мне: о Мне бо той писа* (Иоан. V, 46). Где же Моисей писал о Нем? Это я и постараюсь теперь показать. Когда созданы были все твари, небо увенчано разнообразным сонмом звезд, а против него внизу земля украсилась различными цветами, когда вершины гор, поля и долины, и вообще вся земная поверхность покрыта была растениями, деревьями и травами, запрыгали стада мелкого и крупного скота, хор певчих птиц сообразно с свойствами своей природы наполнил весь воздух музыкою, моря стали изобиловать морскими животными, озера, источники и реки наполнились всем, что в них рождается, и ничего не осталось недоконченным, но все было уже готово, тогда тело ожидало главы, город - начальника, тварь - царя, т. е. человека. Бог, намереваясь создать его, сказал: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26). С кем Он беседует? Очевидно, что с Единородным Сыном Своим. Он не сказал: *сотвори*, чтобы ты не принял этих слов за приказание рабу, но: *сотворим*, чтобы под видом словесного совета открыть равенство чести (у Него с Сыном). Так иногда говорится, что Бог имеет советника, а иногда говорится, что - не имеет; и однако Писание не противоречит самому себе, но чрез то и

другое открывает нам таинственные догматы. Когда оно желает представить, что Бог ни в чем не нуждается, то говорит, что Он не имеет советника; а когда желает показать равенство чести у Него с Единородным, тогда называет Сына Божия советником Его. А чтобы тебе убедиться в том и другом, как в том, что пророки называют Сына советником Божиим не потому, будто Отец имеет нужду в совете, но для того, чтобы нам знать честь Единородного, так и в том, что Бог не нуждается в советнике, послушай слова Павла: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко не испытани судове Его и не исследовани путие Его: кто бы разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть* (Римл. XI, 33-35)? Он изображает то, что Бог ни в чем не имеет нужды; а Исаия с другой стороны свидетельствуя об Единородном Сыне Божиим, говорит так: *и восхотят, да быша огнем сожжени были: яко отроча родися нам, Сын и дадеся нам, и нарицается имя Его велика совета ангел, чуден, советник* (Ис. IX, 5, 6). Если же Сын есть *чуден советник*, то почему Павел говорит: *кто бы разуме ум Господень или кто советник Ему бысть*? Потому, что Павел, как я выше сказал, хочет показать, что Отец ни в чем не имеет нужды, а пророк показывает равенство чести у Него с Единородным. Посему и здесь Бог не сказал: *сотвори*, но: *сотворим*, потому что слово: *сотвори* означает приказание, даваемое рабу, как можно видеть из следующего. Однажды подошел сотник к Иисусу и говорит: *Господи, отрок мой лежит в дому расслаблен, люте стражда*. Что же Христос? *Аз пришед*, сказал Он, *исцелю его* (Матф. VIII, 6, 7). Сотник не смел вести Врача в дом свой; но Промыслитель и Человеколюбец сам обещал идти к нему, чтобы доставить случай и повод показать нам его добродетель; ибо Христос, зная, что сотник намерен был сказать, обещал придти, чтобы ты узнал благочестие этого мужа. Что же говорит сотник? *Господи, несмы достоин, да под кров мой внидеши* (ст. 8). Даже тяжесть болезни и бедствия не подавила в нем благоговения, но и в несчастии он признавал величие Владыки; поэтому он и говорит: *токмо рцы слово, и исцелеет отрок мой; ибо аз человек есмь имый под собою воины, и глаголю сему: иди, и идет, и другому: прииди, и приходит, и рабу моему: сотвори сие, и сотворит* (ст. 8, 9). Видишь ли, что слово: *сотвори* свойственно господину, говорящему с рабом? А слово: *сотворим* свойственно лицу, имеющему равную честь. Так, когда обращается господин к рабу, то говорит: *сотвори*, а когда Отец беседует с Сыном, то говорит: *сотворим*. Что же, скажут, если так думал сотник, а на деле было не так? Разве сотник был апостолом? Разве он был учеником (Христовым), чтобы мне принимать слова его? Он мог ошибаться, скажут (еретики). Хорошо; но что мы видим, далее? Исправил ли Христос слова его? Обличил ли его, как ошибающегося и высказывающего неправое учение? Сказал ли, ему: что делаешь ты, человек? Ты имеешь обо Мне высшее мнение, чем должно; ты приписываешь Мне более надлежащего; ты полагаешь, что Я могу самовластно повелевать, тогда как Я не имею такой власти. Сказал ли ему Христос что-нибудь подобное? Нет; Он даже подтвердил мнение сотника и следовавшим за Ним сказал: *аминь глаголю вам: ни во Израили толики веры обретох* (ст. 10). Таким образом одобрение от Владыки служит подтверждением слов сотника; а потому это уже не слова сотника, но вещание Господне; если Он сам похвалил сказанные слова и отозвался о них, как о словах, сказанных хорошо, то я принимаю их за божественное изречение; потому что они получили подтверждение свыше в ответе Христовом.

3. Видишь ли, как Новый Завет согласен с Ветхим, как тот и другой доказывают самостоятельную власть Христову? Но что из того (скажут), если Он, хотя сотворил человека, но сотворил, как слуга? Это - неуместное словопрение. Сказав: *сотворим человека*, Бог не прибавил: *по образу твоему меньшему*, или: *по образу моему большему*, но что? *По образу нашему и по подобию*, говорит Он, выражая этими словами, что у Отца и Сына один образ. Он не сказал *по образам*, но: *по образу нашему*; потому что не два неравных, а один и тот же одинаковый образ у Отца и Сына. Потому о Сыне же говорится, что Он сидит одесную Отца, дабы ты знал, что Он имеет равную честь и одинаковую

власть с Отцом, так как слуга не сидит, а стоит. А что сидение означает равночестность и одинаковость власти Господней, стояние же свойственно рабству и подчинению, об этом послушай, что говорит Даниил: *зрях, дондеже престолы поставишиася, и Ветхий денми седе: тысяща тысящ служаху Ему и тмы тем предстояху Ему* (Дан. VII, 9, 10). Также Исаия: *видех Господа седяща на престоле висоце и превознесенне, и серафими стояху окрест Его* (Иса. VI, 1, 2). И Михей: *видех Господа Бога Израилева седящего на престоле Своем, и все воинство небесное стояще окрест Его, одесную Его и ошуюю Его* (3 Цар. XXII, 19). Видишь ли, что всегда вышние силы предстоят, а Он сидит? Итак, когда ты видишь, что и Сын имеет седалище одесную Отца, то не приписывай Ему рабского и служебного достоинства, а владычнее и самостоятельное. Посему и Павел, зная, что стоять свойственно слугам, а сидеть - повелителям и начальникам, посмотри, как различает то и другое в следующих словах: *ко ангелом убо глаголет: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огонь палящ: к Сыну же: престол твой, Боже, в век века* (Евр. I, 7), - под образом *престола* представляя нам царскую власть. Итак, если я доказал посредством всего сказанного, что Сын имеет достоинство не служебное, а владычнее, то будем поклоняться Ему, как Владыке и равночестному с Отцом; и сам Он повелел это, сказав: *да вси чтут Сына, якоже чтут Отца* (Иоан. V, 23). С правым же исповеданием догматов соединим и праведность жизни и дел, чтобы нам не на половину совершать свое спасение. А праведности поведения и чистоте жизни ничто не может так способствовать, как частое пребывание здесь и усердное слушание. Что для тела пища, то для души изучение божественных вещаний; ибо *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Матф. IV, 4). Посему те, которые не участвуют в этой трапезе, обыкновенно испытывают голод. Послушай, как Бог угрожает этим голодом и ставит на ряду с наказанием и мучением: *послю на них, говорит Он, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Амос. VIII, 11). Не безумно ли для избежания телесного голода делать все и принимать все меры, а душевный голод добровольно навлекать на себя, тогда как он тем тяжелее, чем больший от него бывает вред? Нет, прошу и убеждаю вас, не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь всем занятиям и заботам. Столько ли, скажи мне, ты приобретешь, оставляя собрание, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты мог найти целое сокровище золотое и ради него оставил это собрание, и тогда ты потеряешь больше, и настолько больше, насколько духовные блага выше вещественных. Последние, хотя бы они были многочисленны и стекались со всех сторон, не будут сопровождать нас в будущую жизнь, не переселятся с нами на небо и не предстанут пред страшным престолом, но часто еще прежде нашей смерти оставляют нас и исчезают; если же и останутся до конца, то при смерти непременно отнимутся. А духовное сокровище есть приобретение неотъемлемое; оно повсюду следует за нами и на пути и при отшествии нашем, и доставляет нам великое дерзновение пред престолом Божиим.

4. Если от других собраний бывает столько пользы, то от здешних собраний - вдвое более. Здесь мы получаем не только ту пользу, что орошаем душу божественными вещаниями, но и ту, что приводим в великий стыд врагов, а своим братьям доставляем великое утешение. В сражении полезно спешить на помощь к той части войска, которая изнуряется и находится в опасности. Поэтому всем следует собираться сюда и отражать нападающих неприятелей. Но ты не можешь сказать длинную речь и не имеешь способности учить? Ты только приди сюда, и этим все исполнишь. Твое телесное присутствие увеличивает паству и много поощряет усердие твоих братий, а врагам твоим причиняет стыд. Когда кто-нибудь, подошедши к этому священному преддверию, видит малое число собравшихся, тогда и то усердие, какое у небо было, охлаждается, и он ослабевает, уклоняется, делается равнодушным и уходит; так мало-помалу весь народ у нас делается беспечным и нерадивым. А если он видит собирающихся, усердствующих, стекающихся со всех сторон, тогда ревность других пробуждает усердие и в самом

равнодушном и недеятельном. Камень, ударяемый о камень, часто производит искры: хотя что может быть холоднее камня и что теплее огня, и однако непрерывные удары побеждают его природу; а если это бывает с камнем, то тем более может быть с душами, находящимися в общении между собою и согреваемыми огнем духовным. Разве вы не слышали, что у наших предков было всего сто двадцать человек верующих, а еще прежде ста двадцати было только двенадцать, и эти не все остались, но один из них, Иуда, погиб, и было всего одиннадцать? Однако из этих одиннадцати стало сто двадцать, и из ста двадцати - три тысячи, потом - пять тысяч, затем всю вселенную наполнили они познанием Бога. А причина этого та, что они никогда не прекращали общения между собою, но все вместе постоянно проводили дни в храме, занимаясь молитвами и чтением; потому они и воспламенили такой великий костер, что никогда не разъединялись, но привлекли к себе всю вселенную. Будем и мы подражать им. Не странно ли было бы - не оказывать даже такого попечения о церкви, какое оказывают женщины в отношении к своим соседкам? Оне, увидев какую-нибудь бедную и беспомощную девицу, все оказывают ей свои услуги, заменяя родственников, и много шума бывает у собравшихся на брак такой девицы. Одни иногда приносят ей деньги, другие (делают честь) своим присутствием, и последнее не маловажно; потому что их усердие служит прикрытием ее скудости; и таким образом ее бедность они прикрывают свою услужливостью. Так поступайте и вы в отношении к этой церкви. Будем стекаться все отовсюду и прикрывать ее скудость, или лучше, прекратим ее бедность постоянным своим пребыванием здесь. *Глава жены есть муж* (Ефес. V, 23); а жена есть помощница мужа. Пусть же ни глава не решается без тела переступить эти священные пороги, ни тело без главы пусть не является, но весь человек пусть приходит сюда, приводя с собою и детей. Если приятно видеть дерево, имеющее произросшее от его корня молодое растение, то гораздо более приятно - и даже приятнее всякой маслины - видеть человека, подле которого стоит дитя, как бы молодое растение от его корня. Это не только приятно, но и полезно, так как собирающимся здесь будет, как я раньше сказал, большая награда. И земледельцу мы особенно удивляемся не тогда, когда он трудится над землею многократно возделанною, но когда он, взяв поля незасеянные и невспаханные, трудится над ними с великою заботливостью. Так поступал и Павел, предпочитая проповедовать Евангелие не там, где именовался *Христос*, но идеже не именовался (Римл. XV, 20). Будем же и мы подражать Ему, как для приращения церкви, так и для нашей пользы; будем стекаться сюда на каждое собрание. Если воспламенится в тебе похоть, ты легко можешь погасить ее, только увидев этот храм; если возбудится в тебе гнев, ты скоро укротишь этого зверя; если будет осаждать какая-нибудь другая страсть, ты можешь усмирить всякую бурю, и водворить тишину и великий мир в душе; чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Полное заглавие этого слова следующее: "О расслабленном, бывшем в расслаблении своем тридцать восемь лет, и на слова: Отец Мой доселе делает, и Аз делаю" (Иоан. V, 17).

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ.

БЛАГОСЛОВЕН БОГ: при каждом собрании я вижу, что нива увеличивается, жатва густеет, гумно наполняется, снопы умножаются. Не много дней прошло с тех пор, как я бросил семя, и вот уже вырос у нас богатый колос послушания. Отсюда видно, что не

человеческая сила, а Божественная благодать возделывает эту церковь. Таково свойство духовного посева: он не ждет времени, не требует многих дней, не зависит от смены ни месяцев, ни времен года, ни погоды, ни годов, но в тот же самый день, когда посеяны (духовные) семена, можно целою и полною горстью снимать жатву. Возделывающим чувственную землю нужно много работать и долго ждать; они должны запрягать в ярмо рабочих волов, проводить глубокую борозду, обильно бросать семена, выравнивать поверхность земли, прикрывать землю все посеянное, ожидать умеренных дождей, прилагать много других трудов и ждать долгое время, и тогда уже достигать конца. А здесь можно и сеять и жать как летом, так и зимою, и часто в один и тот же день совершается и то и другое, особенно когда возделывается душа тучная и плодородная, как то можно видеть и на вас. Потому я так охотно и стремлюсь к вам, подобно тому, как земледелец охотнее обрабатывает ту ниву, плодами которой он часто наполнял гумно. Так как и вы за мой малый труд доставляете мне великое приобретение, то я с большим усердием приступаю к своему земледелию, я обращаюсь к вам с остатками того, о чем говорено было прежде. Тогда я вел речь о славе Единородного Сына Божия на основании Ветхого Завета; то же самое и на том же основании буду делать и теперь; тогда я говорил, что Христос сказал: *еще бысте веровали Моисею, веровали бысте бо и Мне* (Иоан. V, 46); а теперь говорю, что Моисей сказал: *пророка вам воздвигает Господь Бог от братии вашей, яко мене: того послушайте* (Втор. XVIII, 15; Деян. III, 22). Как Христос отсылает к Моисею, чтобы чрез него привлечь к Себе; так Моисей передает учеников Учителю, повелевая повиноваться Ему во всем. Будем же внимать как всему прочему, что говорит и делает Христос, так и тому, что прочитано нам сегодня о Его знамении. Какое же это знамение? *Бе, говорится, праздник Иудейский, и изыде Иисус во Иерусалим: есть же во Иерусалимех овчая купель, яже глаголется еврейски Вифезда, пять притвор имуци* (Иоан. V, 1, 2). В нее, как повествует (Евангелие), в известное время сходил ангел, что узнавалось по движению воды; и первый, кто входил в купель по возмущении воды, выздоравливал, какою бы ни страдал болезнью. В этих притворах лежало множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидавших движения воды (ст. 3). Почему Христос часто посещал Иерусалим и в праздники обращался с иудеями? Потому, что тогда сходилась множество народа, и Он избирал это место и это время, чтобы помогать немощным; ибо не столько желали больные избавиться от болезней, сколько этот Врач прилагал усердия к исцелению их от немощи. Когда собрание было полно и зрелище совершенно готово, тогда Он и выходил открыто пред всеми и оказывал попечение о спасении души их. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды, и первый, входивший по возмущении воды, исцелялся, а второй уже нет; врачевная сила прекращалась, целительность благодати истощалась, и вода уже оставалась без действия, как будто недуг первого сошедшего совершенно обессиливал ее; и весьма правильно, так как та благодать была рабская. Когда же пришел Господь, то стало не так; не только первый, входящий в водную купель крещения, стал получать исцеление, но и первый, и второй, и третий, и четвертый, и десятый, и двадцатый; хотя бы ты назвал их тысячи, хотя бы вдвое или втрое более, даже беспредельное множество, хотя бы ты погрузил в водную купель всю вселенную, благодать нисколько не уменьшается, но остается тою же, очищая всех их. Таково различие между силою раба (ангела) и властью Господа. Тот исцелял одного, а Этот - всю вселенную; тот - одного в год, а Этот - каждодневно, если бы вошли в купель тысячи, всех делает здоровыми; тот исцелял чрез схождение и возмущение воды, а Этот не так, но довольно произнести над водою одно Его имя, чтобы сообщить ей всю целительную силу; тот врачевал повреждения телесные, а Этот исцеляет недуги душевные. Видишь ли, как во всем открывается великое и беспредельное различие между ними?

2. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды; потому что место это было духовною лечебницею. Как в лечебнице можно видеть множество людей и с

выколотым глазом, и с поврежденною ногою, и с болезнию в другом члене, сидящих вместе и ожидающих врача; так и в этом месте можно было видеть множество собравшихся. В тех притворах *бе некий человек тридцать и осмь лет имый в недуге своем. Сего виде Иисус лежаща и разумев, яко многа лета уже имяше (в недуге), глагола ему: хочещи ли цел быти? Отвеща ему недужный: ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель: егда же прихожду аз, ин прежде мене слазит* (Иоан. V, 5-7). Для чего Иисус, миновав всех прочих, подошел к нему? Для того, чтобы показать и силу Свою, и человеколюбие: силу, потому что болезнь сделалась уже неизлечимою и расслабление больного было безнадежно; человеколюбие, потому что Промыслитель и Человеколюбец, преимущественно перед другими, воззрел на того, кто особенно достоин был милости и благодеяния. Не будем относиться легкомысленно и к этому месту, и к числу тридцати восьми лет, в продолжение которых больной находился в расслаблении. Пусть услышат все, которые борются с постоянною бедностию, или проводят жизнь в болезни, или находятся в стеснительных житейских обстоятельствах, или подверглись буре и вихрю нечаянных бедствий. Этот расслабленный предлежит, как общая пристань человеческих несчастий. Никто не может быть так малодушен, так жалок и несчастлив, чтобы, взирая на него, не стал переносить все случающееся мужественно и со всею бодростию. Если бы он страдал двадцать лет, или десять, или только пять, то и их не достаточно ли было бы для сокрушения крепости его души? А он остается в таком положении тридцать восемь лет, и не падает духом, но показывает великое терпение. Может быть, оно вам кажется удивительным по такой продолжительности времени; но когда выслушаете его собственные слова, тогда особенно увидите все его любомудрие и терпение. Иисус подошел и говорит ему: *хочещи ли цел быти?* Кто не знал того, что расслабленный хотел быть здоровым? Почему же Он спрашивает? Конечно, не по неведению: для Того, Кто знает тайные помышления человеческие, тем более известно было явное и очевидное для всех. Для чего же Он спрашивал? Как сотнику Он сказал: *Аз пришед исцелю его* (Матф. VIII, 7), не потому, что не знал наперед его ответа, а потому, что, предвидя и весьма точно зная ответ, желал доставить этому сотнику повод и случай открыть всем скрывавшееся в тени благочестие его, и сказать: *Господи не смь достоин, да под кров мой внидеши*, так и этого расслабленного, о котором знал, что будет он отвечать, Господь спрашивает, хочет ли он исцелиться, не потому, что Сам не знал этого, но чтобы доставить расслабленному повод и случай высказать свое несчастье и сделаться учителем терпения. Если бы Он исцелил этого человека молча, то мы понесли бы важную потерю, не узнав твердости души его. Христос не только устрояет настоящее, но удостоивает великого попечения и будущее. Он открыл в больном учителя терпения и мужества для всех живущих во вселенной, поставив его в необходимость отвечать на вопрос: *хочещи ли цел быти?* Что же тот? Не огорчился, не вознегодовал, не сказал вопрошавшему: ты видишь меня расслабленным, знаешь давность моей болезни, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым, не пришел ли ты посмеяться над моими несчастиями и пошутить над чужими бедствиями? Вы знаете, как малодушны бывают больные, если они лежат в постели даже один год, а кого болезнь продолжалась тридцать восемь лет, тому не естественно ли было потерять всякое любомудрие, истощавшееся в течение столь долгого времени? Однако расслабленный ничего такого не сказал и не подумал, но дал ответ с великою скромностию и сказал: *ей, Господи, человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель*. Смотри, сколько бед соединились вместе и досаждали этому человеку: и болезнь, и бедность, и отсутствие помощников. *Егда же прихожду аз, ин прежде мене слазит*. Это прискорбнее всего и могло бы тронуть самый камень. Мне кажется, я вижу, как этот человек каждый год ползет и, доползши до входа в купель, каждый год останавливается при самом конце доброй надежды; и это тем тяжелее, что он испытывал это не два года, не три, не десять, а тридцать восемь лет. Он употреблял все усилия, но не получал плода; подвиг совершался, а награда за подвиг доставалась другому, в продолжении столь многих лет; и, что еще тяжелее, он видел, как другие

исцелялись. Вы, конечно, знаете, что мы сильнее чувствуем собственные бедствия, когда видим, что другие, впадши в такие же бедствия, освободились от них. Бедный тогда особенно чувствует свою бедность, когда видит другого богатым; и больной больше страдает, когда видит, что многие из больных избавились от своего недуга, а он не имеет никакой доброй надежды. Среди благополучия других мы яснее видим собственные несчастья; то же самое было и с расслабленным. Однако он столько времени боролся и с болезнью, и бедностью, и с одиночеством, видя, что другие исцелялись, а сам он, хотя всегда старался, но никогда не мог достигнуть, и не надеясь впоследствии освободиться от своего мучения, при всем том не отступал, но притекал каждый год. А мы, если однажды попросим о чем-нибудь Бога и не получим просимого, тотчас начинаем печалиться и впадаем в крайнюю беспечность, так что перестаем молиться и теряем усердие. Можно ли по достоинству как восхвалить расслабленного, так и осудить наше нерадение? Какого оправдания и прощения можем удостоиться мы, если он терпел тридцать восемь лет, а мы так скоро отчаиваемся?

3. Что же Христос? Показав, что расслабленный достоин исцеления, и что Он по справедливости предпочтительно перед другими подошел к нему, Христос говорит ему: *востани, возьми одр твой и ходи* (Иоан. V, 8). Видишь ли, что тридцать восемь лет нисколько не повредили расслабленному, так как он терпеливо переносил случившееся с ним? В это долгое время душа его, как бы в горниле очищаемая несчастьем, сделалась более любознательной и он принял исцеление с большею славою: его исцелил не ангел, но сам Владыка ангелов. Для чего же Он повелел ему взять одр свой? Первою и главною причиною было то, что Христос хотел освободить иудеев от соблюдения закона (о субботе); потому что, когда явилось Солнце, то не следовало уже держаться светильника; когда открылась истина, то не должно было заботиться об образе ее. Поэтому, если Христос иногда нарушал субботу, то совершал в этот день величайшее знамение, чтобы, поражая зрителей величием чуда, мало-помалу ослабить и уничтожить соблюдение бездействия. Во-вторых, Христос дал это повеление для того, чтобы заградить бесстыдные уста иудеев; так как они злонамеренно извращали смысл чудес Христовых и старались вредить славе совершаемых Им дел, то Он повелел открыто нести одр, как бы какой трофеей и несомненное доказательство здоровья, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, что говорили о слепом. А что они говорили о слепом? Одни говорили, что это он, другие, - что не он, третьи, - что это он сам (Иоан. IX, 9). Итак, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, обличителем их бесстыдства становится несомый высоко одр. Можно привести и третью причину, не меньшую указанных. Чтобы ты знал, что исцеление совершено было не человеческим искусством, а Божественною силою, Христос повелел исцеленному нести одр, представляя величайшее и ясное доказательство истинного и совершенного здоровья, так что никто из тех хульников не мог сказать, что расслабленный притворно и в угождение Христу пошел слабою походкой. Посему Христос и повелевает ему нести тяжесть на своих плечах. Если бы члены его не были хорошо укреплены и составы не были исправлены, то он не мог бы снести такой тяжести на плечах своих. Кроме того он этим показывал всем, что, когда повелевает Христос, то совершается вдруг - и прекращение болезни, и возвращение здоровья. Врачи, хотя и излечивают болезни, но не могут вдруг возвратит больному здоровье; а требуют еще продолжительного времени для восстановления сил больного, так что остатки болезни мало-помалу изглаживаются и истребляются из тела. А Христос не так, но в одно мгновение Он и избавил от болезни, и возвратил здоровье; между тем и другим не было никакого промежутка времени, но как скоро священные слова слетали с святого языка Его, тотчас и болезнь оставила тело, слово стало делом, и весь недуг вполне исцелился. Как какая-нибудь беспокойная служанка, увидев своего господина, тотчас успокаивается и опять принимает надлежащую благопристойность; так и телесная природа, возмущившаяся тогда, подобно служанке, и произведшая расслабление, увидев

пришедшего Владыку своего, возвратилась к прежнему благообразию и к надлежащему порядку. Все это сделано было одним изречением, потому что это были не простые слова, а глаголы Божии, о которых сказано: *крепка дела словес Его* (Иоил. II, 11). Если Он сотворил человека несуществовавшего, то тем более мог исправить расстроенного и расслабленного. Здесь я с удовольствием спросил бы исследующих существо Божие, как совокупились члены расслабленного, как связались кости, как укрепились расстроенная деятельность чрева, как снова напряглись ослабевшие нервы, восстановились и укрепились упавшие силы? Но они не могли бы ответить на это. Поэтому и ты только удивляйся событию, а не исследуй способа его совершения. Когда таким образом расслабленный исполнил повеление и взял одр, тогда иудеи, увидев его, сказали: *суббота есть, и не достоин ты взять одра твоего в субботу* (Иоан. V, 10). Следовало поклониться совершившему (чудо), следовало подивиться совершившемуся, а они говорят о субботе, поистине отгоняя комара и поглощая верблюда. Что же расслабленный? *Иже мя сотвори цела*, говорит он, *той мне рече: возьми одр твой, и ходи* (ст. 11). Видишь ли признательность этого человека? Он открыто признает врача и говорит, что давший ему это повеление достоин веры. Какое рассуждение высказал им слепой, такое и этот. А как рассуждал слепой? Иудеи говорили ему: *сей человек несть от Бога, яко субботу не хранит*. Что же он на это? *Вемы*, говорит, *яко грешники Бог не послушает: сей же отверзе очи мои* (Иоан. IX, 16-31). Смысл слов его следующий: если бы Он преступил закон, то согрешил бы; а если бы согрешил, то не имел бы такой силы, потому что где грех, там не оказывается сила, а Он явил силу; следовательно, Он, преступив закон, не согрешил. Так рассуждает и расслабленный; ибо слова его: *иже мя сотвори цела*, значат: если Он явил силу, то несправедливо было бы подвергать Его обвинению в беззаконии. Что же иудеи? *Кто есть человек, рекий ти: возьми одр твой и ходи* (Иоан. V, 12)? Посмотри, как они безумны и бесчувственны; посмотри, как душа их исполнена надменности! Глаза ненавистников ни на что не смотрят здраво, а только на то, в чем бы найти повод (к осуждению). Так и иудеи, когда исцеленный объявил им о том и другом, т. е. что Господь и исцелил его, и повелел взять одр, о первом не упомянули, а о последнем сказали, чудо скрыли, а нарушение субботы выставили на вид. Они не сказали: где тот, кто сделал тебя здоровым? Но умолчав об этом, сказали: *где человек, рекий ти: возьми одр твой, и ходи? Исцелевый же не ведяше: Иисус бо уклонися, народу сущу на месте* (ст. 13). Вот величайшее оправдание этого человека; вот доказательство попечения Христова! Когда ты услышишь, что расслабленный не так принял пришедшего Господа, как сотник, и не сказал: *рцы слово, и исцелеет отрок мой* (Матф. VIII, 8), то не обвиняй его в неверии, потому что он не знал Иисуса; ему неизвестно было, кто Он; и как он мог знать того, кого прежде не видывал? Поэтому он и сказал: *человека не имам, да ввержет мя в купель*; если бы он знал Господа, то не упомянул бы о купели и о схождении в нее, но просил бы исцелить его так, как и был исцелен; но он принял Христа за одного из многих, за простого человека, и потому упомянул об обычном врачевании. Доказательство же попечения Христова состоит в том, что Он удалился от исцеленного и не открыл Себя ему. Иудеи не могли уже подозревать, будто это был свидетель подложный и будто он говорил так в присутствии и по внушению Христа; неведение его и отсутствие Христа устраняли такое подозрение, как об этом говорит и евангелист: *не ведяше, кто есть* (Иоан. V, 13).

4. Для того Он и отсылает исцеленного одиноким и предоставляет его самому себе, чтобы иудеи, если бы захотели, расспросили его наедине, исследовали событие и, достаточно разувшись дело, прекратили свое безумие. Сам Он ничего не говорит, а представляет им доказательство посредством дел, которые всегда вызывают яснее и звучнее всякой трубы. Таким образом никаких подозрений не возбуждало свидетельство: *иже мя сотвори цела, той мне рече: возьми одр твой и ходи*. Расслабленный делается благовестником, учителем неверных, врачом и проповедником к их стыду и осуждению - проповедником не

посредством голоса, но посредством дел, не посредством слов, но посредством самых событий; он представлял ясное и неопровержимое доказательство и показывал на собственном теле то, что говорил. *Потом же обрете его Иисус и рече ему: се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (ст. 14). Видишь ли мудрость Врача? Видишь ли Его попечение? Он не только избавил от настоящей болезни, но предостерегает и от будущей; и весьма благовременно. Когда тот был на одре, Христос не говорил ему ничего такого, не напоминал ему о грехах, так как душа недужных бывает раздражительна и болезненна; а когда Он изгнал болезнь, когда возвратил здоровье, когда на деле доказал Свое могущество и попечение, тогда предлагает благовременный совет и увещание, оказавшись уже самыми делами достойным веры. Для чего же исцеленный пошел и объявил о Нем иудеям? Он хотел, чтобы и они приняли истинное учение. А они за это возненавидели и гнали Иисуса, говорит евангелист. Теперь слушайте меня внимательно, так как здесь вся сущность дела. *Сего ради гоняху Иисуса, зане сия творяше в субботу* (ст. 16). Посмотрим же, как Он оправдывается; потому что способ Его оправдания показывает нам, принадлежит ли Он к числу подвластных или свободных, служащих или повелевающих. Действие Его казалось величайшим беззаконием; и собиравший некогда дрова в субботу был побит камнями за то, что в субботу носил тяжести (Числ. XV, 32-36). В этом великом грехе и обвиняли Христа, именно в том, что Он нарушал субботу. Посмотрим же, просит ли Он прощения, как раб и человек подвластный, или является, как имеющий власть и самостоятельность, как Владыка, стоящий выше закона и сам давший заповеди. Как же Он оправдывается? *Отец мой, говорит, доселе делает, и аз делаю* (Иоан. V, 17). Видишь ли Его власть? Если бы Он был ниже и меньше Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, но к большему обвинению и тягчайшему осуждению. Если кто-нибудь делает то, что позволительно делать только тому, кто выше его, и потом, быв взят и подвергнут суду, говорит: так как это делал высший, то и я сделал, - тот не только не освобождает себя от вины таким способом оправдания, но подвергает себя еще большему обличению и осуждению, потому что братья за то, что выше собственного достоинства, свойственно высокомерию и гордости. Поэтому, если бы и Христос был ниже Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, а к большему обвинению; но так как Он равен Отцу, то в Его словах нет вины. Если хотите, я объясню сказанное мною примером. Носить багряницу и иметь на голове диадиму позволительно только царю, и никому другому. Итак, если бы кто-нибудь из толпы явился в таком облачении и потом, быв приведен в судилище, сказал: так как в это одеяние облачается царь, то и я облачаюсь; то он не только не избавился бы от обвинения, но таким способом оправдания подверг бы себя большему наказанию и мучению. Также только царскому великодушию свойственно освобождать от наказания и мучения негоднейших людей, например, убийц, разбойников, грабителей могил и других подобных преступников. Поэтому, если бы какой-нибудь судья отпустил осужденного без царского разрешения и, быв обвиняем за это, стал говорить: так как царь отпускает то и я отпускаю, - то этим способом оправдания он не только не избавился бы от наказания, но возбудил бы против себя еще больший гнев. И весьма справедливо. Не справедливо - низшим как бы в опьянении присвоить себе власть высших и ее приводить в свое оправдание; потому что это великое оскорбление тем, которые верили им начальство. Поэтому низшее никогда не будет оправдываться таким образом: а царь и облеченный одинаковым с ним достоинством смело скажет это; потому что, где одинаковая степень начальства, там по справедливости может быть и одинаковая власть. Если же кто-нибудь оказывается оправдывающимся таким образом, тот непременно должен иметь власть одинаковую с тем, чью власть он приписывает себе. Итак, если и Христос таким образом оправдывался пред иудеями, то этим Он несомненно показал нам, что Он имеет одинаковое достоинство с Отцем. Применим, если угодно, приведенные примеры к словам Христа и к делу, которое Он совершил. Пусть властное нарушение субботы будет тоже, что багряница и диадима и отпущение виновных. Последнее позволительно только

царю, и никому из подданных; если же кто окажется делающим то же самое, и делающим справедливо, то несомненно, что и он - царь. Так точно и здесь: если Христос оказывается делающим это со властью и потом, подвергаясь обвинению, ссылается на Отца, и говорит: *Отец Мой доселе делает*, то несомненно, что и Он равен Тому, Кто делает это со властью; потому что если бы не был равен Ему, то не употребил бы такого способа оправдания. А чтобы вы еще яснее уразумели сказанное, вспомните, что и ученики Его нарушили некогда субботу, срывая колосья и съедая их в субботу (Матф. XII, 1); теперь нарушил ее и сам Он; иудеи обвиняли их, обвиняли и Его. Посмотрим же, как Он оправдывает их и как самого Себя, дабы из различия между тем и другим тебе уразуметь превосходство Его оправдания. Как же оправдывал Он учеников? *Несте ли чли, что сотвори Давид, егда взалка* (ст. 3)? Оправдывая рабов, Он ссылается на подобного им раба Давида, а оправдывая Себя, возводит речь к Отцу: *Отец Мой делает, и Аз делаю*. Но, может быть, кто-нибудь скажет: о какой деятельности говорит Он, если после шести дней *почи Бог от всех дел своих* (Быт. II, 2)? О ежедневном промыслении, потому что Бог не только создал тварь, но и сохраняет Свое создание. Укажешь ли ты на ангелов, или архангелов, или на высшие силы, и вообще на все видимое и невидимое, - все находится под Его промыслением, и если бы стало вне Его деятельности, то распалось бы, разрушилось бы и погребло бы. Итак, Христос, желая показать, что Он промыслитель, а не предмет промысления, деятель, а не предмет деятельности, сказал: *Отец Мой делает, и Аз делаю*, желая показать Свое равенство с Отцем.

5. Помните же и со всею ревностью соблюдайте это, и любомудрие в жизни соединяйте с правотою догматов; так я прежде увещевал вас, и теперь увещеваю, и не перестану увещевать; а жизнь и любомудрие ни от чего так не зависят, как от пребывания здесь. Как сухая земля, никем не поливаемая, изобилует тернием и волчцами, а возделываемая руками земледельцев цветет, красуется и приносит много плодов; так и душа, орошаемая божественными вещаниями, цветет, красуется и приносит обильные плоды духа; а оставленная в засухе и пренебрежении и редко получающая такое орошение, пустеет, зарастает травой и производит множество терния греховного. А где терние, там драконы, змеи, скорпионы и вся сила диавола. Если ты не веришь этим словам, то мы сравним отсутствующих и нас самих, и вы увидите тогда великое различие; или лучше, посмотрим на самих себя, каковы бываем мы, когда наслаждаемся божественным учением, и каковы, когда долго бываем лишены этого полезного учения. Не будем же терять своей пользы. Пребывание здесь есть источник всех благ; выходя отсюда и муж для жены кажется почтеннее, и жена для мужа милее, так как жену делает любезною не благообразие тела, но добродетель души, не притирания и подкрашивания, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий. Эта духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий *порок*, всякую *скверну* нашей души (Ефес. V, 27). Постараемся же, и мужи и жены, вселить в себя эту красоту. Телесную красоту и болезнь сушит, и продолжительность времени портит, и старость погашает, а наступившая смерть совершенно уничтожает; напротив, душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть, и ничто подобное, но она постоянно остается цветущею. Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает самого Бога любить ее, как говорит и пророк, обращая речь к церкви: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоя* (Пс. XLIV, 11, 12). Итак, возлюбленные, чтобы нам сделаться любезными Богу, будем развивать эту красоту, ежедневно смывая всякую нечистоту чтением Писаний, молитвами, милостынями, единомыслием друг с другом, чтобы Царь, возлюбив наше душевное благообразие, удостоил нас царства небесного, которого да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков.
Аминь.